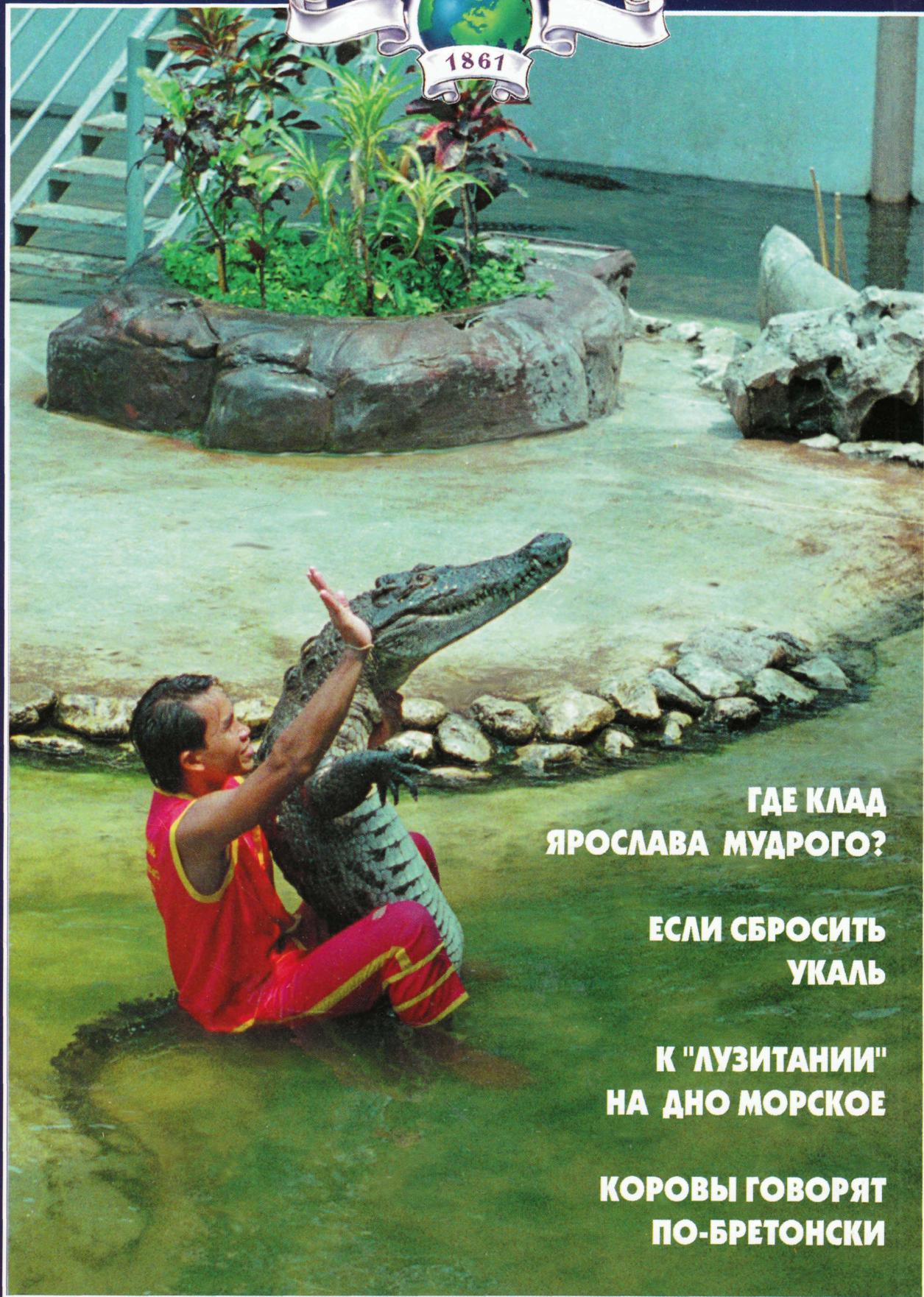

ВОКРУГ СВЕТА

ИЮНЬ 1995

**ГДЕ КЛАД
ЯРОСЛАВА МУДРОГО?**

**ЕСЛИ СБРОСИТЬ
УКАЛЬ**

**К "ЛУЗИТАНИИ"
НА ДНО МОРСКОЕ**

**КОРОВЫ ГОВОРЯТ
ПО-БРЕТОНСКИ**

ПУТЕШЕСТВИЯ • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ФАНТАСТИКА

Ежемесячный
научно-художественный
журнал
путешествий,
приключений,
фантастики

«Vokrug sveta»
(«Around The World»)
The Travels,
Adventures and SF
Magazine
(Est. 1861)

Главный редактор
Александр Поleshу

Заместитель главного редактора
Владимир Лебедев

Секретариат:
Николай Непомнящий
(ответственный секретарь)
Людмила Костюкова

Редакторы:
Лидия Чешкова
(ведущий редактор)
Игорь Алчев
Лариса Боброва
Лев Минц
Валерий Орлов
Надир Сафиев
Вера Семенова

Отдел «Адрес»:
Юрий Мешков

Дизайн и верстка:
Владимир Бельтюков
(главный художник)
Ольга Бойко
Алексей Городецкий
Константин Янситов

Заведующая редакцией
Надежда Малиничева
285-89-38

Финансовая группа:
Валентина Зеленина
(главный бухгалтер)
Ирина Евдокимова
Евгения Чубуркова
285-88-09

Менеджер по распространению
Александр Ребрик
285-80-58

Операторы
компьютерного набора:
Марина Грязнова
Галина Пожидаева
Галина Шуль

Приемная. Справки:
Любовь Андреева
285-88-83

Приложение «Искатель»:
Ответственный редактор
Евгений Кузьмин
285-88-84

Издательский дом
«Вокруг света»:
Генеральный директор
Вячеслав Заверотов
285-89-36

Рекламное агентство
«Вокруг света»:
Генеральный директор
Феликс Тамоян
285-80-79

Учредитель журнала:
трудовой коллектив
редакции.

Издатель журнала:
Акционерное общество
«Редакция журнала
«Вокруг света».
Председатель
Совета директоров
Сергей Житнев

№6 ИЮНЬ

2

ГЛОБУС

VIA EST VITA

10

Дмитрий ДЕМИН
КАЖДЫЙ РЕЙС — ПОСЛЕДНИЙ

28

Владимир ЧУКОВ
СНОВА НА ПОЛЮС

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

14

Анна МУРАДОВА
КАБАЧОК МАРИ ПОДЕРС

ДЕЛО ВКУСА

22

Михаил РОДИОНОВ
ОСЕРДЯСЬ, ОН СБРОСИЛ УКАЛЬ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

36

Деннис УИТЛИ
СОКРОВИЩА ЦАРЯ КАМБИЗА

НЕВЕДОМЫЕ ТРОПЫ

48

Т. АРАНА
ТАНЦЫ С ЖУРАВЛЯМИ

52

ПЕСТРЫЙ МИР

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОЗЫСК

54

А. КОЛПАКОВ
ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ «ЛУЗИТАНИИ»

58

Сергей ХВЕДЧЕНЯ
КЛАД ЯРОСЛАВА МУДРОГО

67

АДРЕС

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ:

ТАИЛАНД. Туристский
аттракцион на крокодильей
ферме под Бангкоком — на
самом деле далеко не
безопасное предприятие.
Об этом свидетельствуют
шрамы на теле дрессировщика.
Любой желающий после
представления может
спуститься на арену,
то есть в бассейн и сняться в
обнимку с крокодилом —
за большие деньги,
разумеется.
Желающие находятся
почему-то только среди русских
туристов.
Очерк о путешествии в Таиланд
специальных корреспондентов
журнала читайте в №9.

Фото К. ЯНСИТОВА

Полная или частичная
перепечатка материалов —
только с согласия редакции.

Редакция не всегда разделяет
точку зрения авторов
публикуемых материалов.

Редакция, к сожалению, не имеет
возможности ответить каждому
корреспонденту письменно.

Ответственность за содержание
публикуемой рекламы несут
рекламодатели.

ISSN 0321-0669
Индекс издания 70142
по каталогу Федерального
управления почтовой связи.

Адрес редакции:
125015, Москва, А-15,
ул.Новодмитровская, 5а, 16 эт.
Телефакс: (095) 285-09-30

5А, Novodmitrovskaya str.
Moscow, 125015, Russia
Tel. 285-88-83
Fax: 285-09-30
Advertising: 285-80-79

Свидетельство о регистрации
журнала № 929
от 13 ноября 1990 г.

Лицензия на издательскую
деятельность
ЛР № 040058 от 20 августа 1991 г.

Цена номера по подписке 3000 руб.
Номер подписан к печати 05.05.95

Цветоделение и печать:
Mannin Media Group Ltd,
Great Britain

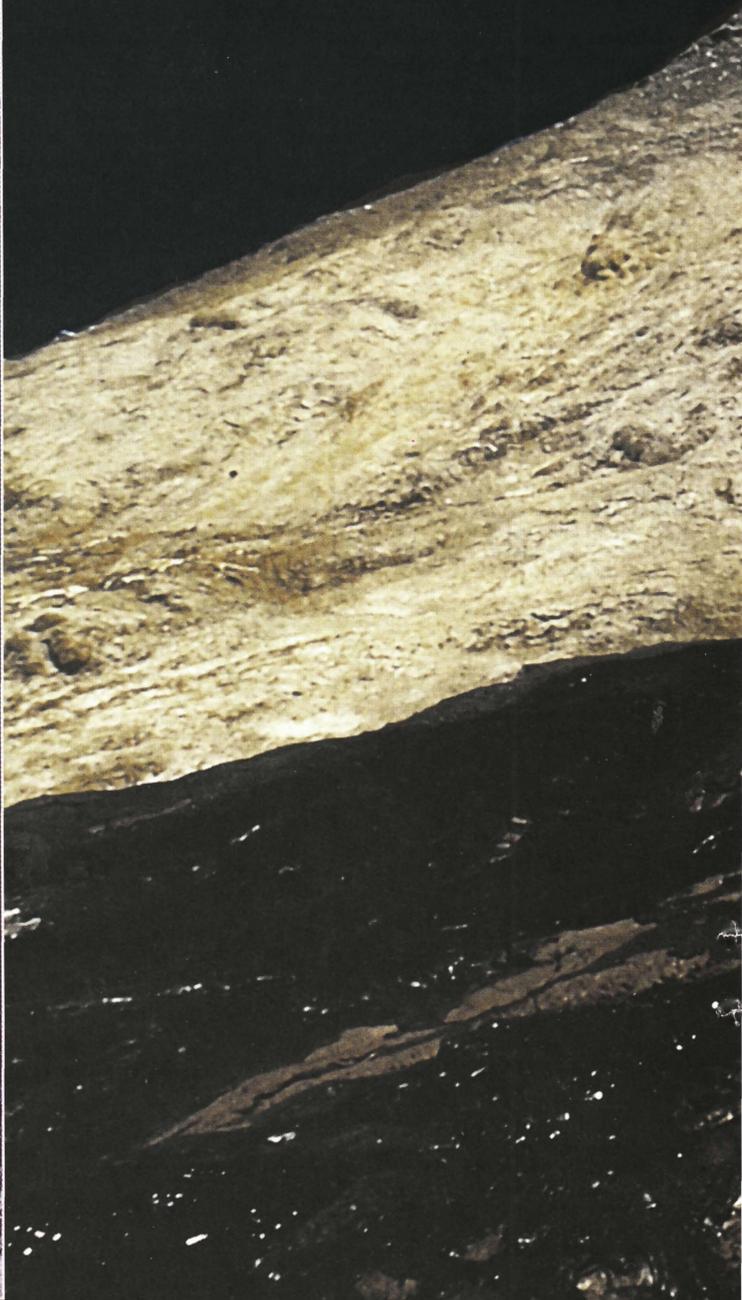
Тираж 100 тыс. экз., в т.ч.
по подписке — 80916 экз.

Экспедирование тиража:
АО «Молодая гвардия»

Распространение:
АО «Агентство подписки и розницы»

ГЛОБУС

**В КРАТЕРЕ ВУЛКАНА
СУПЕРПРОБЕГ ПО ПУТИ ГЕРОЯ ЖЮЛЯ ВЕРНА
ЧТО ПОГУБИЛО ЭКСПЕДИЦИЮ БЕРКА?
КАННИБАЛЫ ИЗ ДЖУНГЛЕЙ МАМБЕРАМО
НЕОБЫЧНЫЙ ПЕРЕЛЕТ**

ХОЛОДНАЯ ЛАВА ЭНГАИ

Вот уже второй день, как французская экспедиция покинула Найроби. Путь ее лежит к вулкану Ол Дойнио Ленгаи, расположенному на севере Танзании. Тропинка, ведущая через плато к громадному конусу вулкана, почти не видна. Люди то и дело проваливаются в ямы, заполненные пеплом. Жара. Пыль окутывает все вокруг и проникает повсюду. Немногим экспедициям удавалось добраться до кратера странного вулкана Ол Дойнио Ленгаи...

А вот масаи часто поднимаются наверх. Там, по их поверьям, живет бог Энгаи. Он создал бескрайние саванны и населил их стадами, сотворил людей, что стерегут эти стада. На вершине масаи приносят жертву богу Энгаи. Стоит заболеть корове, запоздать дождю, как африканцы отводят наверх теленка или козу и выпускают их там: Бог придет за ними, если захочет. И еще масаи рассказывают: иногда мы засыпаем возле кратера, а когда проснемся, то покрыты белой мукой. Это Энгаи прошел над нами.

Французские вулканологи намерены подняться на вулкан и провести несколько дней, наблюдая за его активностью, и, прежде всего, хотя и исследовать его необычную лаву.

Гора Ол Дойнио Ленгаи один из бесчисленных вулканов Восточноафриканского грабена, тянущегося от Иорданского грабена через Красное море и Восточную Африку вплоть до Замбези. В этой зоне тектонических движений (ее длина свыше 6000 км, а средняя ширина 50-60 км) земная кора осела на тысячи метров. И отложения рек, и лава вулканов — все сбрасывается в этот ров, дно которого все еще ниже уровня окружающей местности на 600-900 метров, а местами даже на 3000 метров. (В такой же тектонической зоне возникло Красное море; некоторые исследователи считают, что и здесь, в Восточной Африке, происходит рождение океана.)

В грабене есть вулканы и больше, и опаснее, чем Ол Дойнио Ленгаи (высота его 2878 м). Но последний отличается от всех других вулканов Земли составом своей лавы. Она необычайно богата натрием и кальцием, которые, соединяясь с углекислым газом, образуют карбонаты. Из остывшей лавы возникает особого рода известь, быстро разлагающаяся на воздухе.

Грабен — опущенный по разлому участок земной коры: буквально — ров.

Подобные магматические породы, карбонаты, встречаются, конечно, и в других регионах Земли, однако всюду их добывают из давно потухших вулканов. Долгое время многие геоспециалисты вообще не могли представить, что эта странная известь является застывшей лавой. Интерес подогревался еще и тем, что карбонатитам обычно сопутствуют месторождения ниобия и редкоземельных металлов. Лишь в шестидесятые годы, после исследований, проведенных на Ол Дойнио Ленгаи, удалось установить, что вулканы, действительно, иногда вырабатывают известковую лаву.

Экспедиция разбила лагерь у подножия вулкана. Подъем — в три утра. При свете фонариков ученые пробираются сквозь высокие заросли травы. Потом карабкаются по крутым и скользким склонам из пепла, преодолевают длинные и гладкие скальные плиты. Наконец, когда взбираются на последний гребень, вспыхивает солнце...

Вот и округлый кратер, окрашенный в серые, коричневые и белые тона. Дно его неровное, покрытое растрескавшейся каменной коркой. Никаких признаков жизни. Мертвая тишина.

Ученые и поражены открывшейся им картиной, и немного разочарованы. Вулкан, видимо, не собирается проявлять активность. Нигде не видно не только жидкой лавы, но даже недавно застывшей. Все давным-давно выветрилось. Под ногами хрустит корка; она, несомненно, состоит из карбонатита, но уже сильно изменившегося, выщелоченного. Это вовсе не то, что ищут ученые.

В центре кратера — массивный широкий конус, вершину которого прорезают два черных отверстия. Неплохо бы к ним подобраться — тогда можно было бы заглянуть внутрь вулкана. Внезапно из одного отверстия вырывается горячий поток воздуха. Значит, там, внутри, долгожданная лава.

Надо посветить фонариком. Действи-

тельно, внизу, в 10 метрах, на самом дне, видна лава, но какая же она необычная! Никто из ученых не видел ничего подобного: темная, едва светящаяся. Ее покрывает плотная пена. Время от времени выброс газа уменьшается, и пена оседает. Затем это озерцо затягивается эластичной пленкой, а вскоре оживает вновь. Очевидно, под прикрытием пленки туда опять врывается свежая лава, и поток ее перемешивает всю массу. Снова начинают вырываться клубы газа, а поверхность озера (размер его около 30 кв.м) затягивается плотной пеной.

Картина впечатляющая, но как же все-таки достать лаву со дна этого горячего вулкана? Надо попробовать заглянуть в соседнее отверстие конуса. Там тоже клокочет озеро лавы, только оно много меньше первого. С боковой стороны этой «плавиной печи» есть узкая расщелина, по которой можно приблизиться к самому краю лавы, так сказать, к берегу озерца. Лава в нем также время от времени покрывается пленкой. На глазах уже ее понемногу успокаивается, пленка густеет. Кстати, интересно: нельзя ли попробовать встать на эту застывшую поверхность?

На следующий день один из участников экспедиции, вулканолог Жак Дюрье, знакомый со многими вулканами планеты, осторожно соскальзывает вниз. Он обвязан веревками и поясами, респиратор должен защищать его от углекислого газа. Ноги Жака касаются затвердевшей глади, все остальные наверху замирают: выдержит ли поверхность его вес? Нет, ноги не проваливаются. Жара здесь вполне терпимая, а вот респиратор подводит, пропускает газовые испарения. Нужно действовать как можно быстрее.

Сперва Жак измеряет температуру жидкой породы. Термометчик, погруженный в пену, показывает 591 градус по Цельсию. Это почти на 50 градусов больше, чем данные последних измерений. Тем не менее известковая лава вдвое холоднее «нормальной». Поэтому даже

в сумерках поток ее едва светится.

Жак берет образцы клокочущей массы, немедленно застывающие. Богатый урожай для минералогов, петрографов и геохимиков, которым предстоит изучать добытые вулканические породы.

Наконец вулканологи заполняют специально сконструированные ампулы горячим газом, выделяющимся из лавы. Подобное удастся на Ол Дойнио Ленгаи впервые, ведь до сих пор никто не отваживался спуститься сюда, в «топку» вулкана.

В последующие дни уровень лавы несколько раз повышается, пока не достигает трещины в стене, по ней лава изливается на дно кратера. Темные, словно чернила, потоки карбонатитов, вырвавшиеся наружу, остывая на воздухе, быстро меняют свой цвет: с черного на каштаново-бурый, а через несколько часов лава становится серой, рассыпчатой. Вскоре об извержении будет напоминать лишь белая пыль, всюду разносимая ветром.

...Незаметно пролетает неделя. Экспедиция покидает вулкан. С самолета, забравшего исследователей, им открывается все буйство красок этого волшебного мира: вулкан, украшенный лавой, как кремом; бесконечная линия разлома — словно кем-то смятая в нетерпении земля; наконец, к северу от горы — пролившаяся радуга, овал, горящий пурпуром и розой, тонами оранжевыми, фиолетовыми, белыми, черными, голубыми — содовое озеро, подаренное этой стране вулканом. Дождевая вода сотни лет вымывала из карбонатитов соду, которая постепенно стекала в соседнее озеро, меняя его облик, а водоросли и пурпурные бактерии, развившиеся в богатой среде, довершили картину. Но вот понемногу за окном тают контуры, меркнут краски, и отступают в прошлое владения бога Энгаи.

По материалам журнала «Гео»
подготовил А. ВОЛКОВ

ПУТЯМИ—ДОРОГАМИ МИХАИЛА СТРОГОВА...

...а говоря иначе, по Великому шелковому пути — только с запада на восток — двинется второй авто-мото-марафон «Париж — Москва — Пекин», или «Мастер-ралли». Впрочем, непосредственно по пути древних шелковых караванов участники этого суперпробега — водители грузовиков, автомобилей и мотоциклов — общим числом более ста человек двинутся из Казхстана. А до того...

Словом, пробег стартует в начале августа нынешнего года из Парижа в направлении немецкого портового города Киль. Далее — паромом до Санкт-Петербурга. Оттуда — то и начнется настоящее Большое приключение — путешествие, которое еще в конце прошлого века проделал главный герой романа Жюль Верна «Михаил Строгов». А финишировать караван должен в конце августа в Пекине, оставив позади десять тысяч километров пути, который будет пролегать по русским равнинам, Уральским и Алтайским горам, казахским и монгольским степям и по пустыне Гоби. Кроме того, каравану предстоит трижды перевалить через Великую Китайскую стену. В общем, достаточно бросить взгляд на карту маршрута, чтобы понять — по протяженности и сложности этапов это путешествие даже превосходит знаменитый пробег «Париж — Дакар», что, собственно, и доказали однажды двое французских участников и неоднократных призеров этого

ралли — Рене Метж и Жорж Груан. Именно они в 1992 году повернули свои грузовики на восток, став, таким образом, организаторами и участниками первого пробега «Париж — Москва — Пекин».

Нынешний же пробег, приуроченный к 50-летию Победы, будет проходить при непосредственной поддержке российского производственно-промышленного объединения «Мастер», начавшего в 1993 году сотрудничать с автозаводом КамАЗ. Кстати, «КамАЗы» и их экипажи отлично зарекомендовали себя на «дакарах», а также во время первого рейда-марафона «Париж — Москва — Пекин».

Обо всех перипетиях этого Большого путешествия мы, уважаемые читатели, непременно расскажем на страницах нашего журнала: ведь оно вполне того достойно. А пока давайте пожелаем всем его участникам доброго пути!

И. АЛЧЕЕВ

НА ВЕЛОСИПЕДЕ ПО МЕРИДИАНУ

Отдел по туризму и экскурсиям Северо-Кавказского военного округа выступает инициатором проведения в 1995–1996 гг. кругосветного велосипедного путешествия.

Цель проекта: совершить велосипедный пробег вокруг земного шара в меридианальном направлении, включая Арктику и Антарктиду.

Маршрут пройдет по территории 33 государств четырех континентов — Европы, Африки, Южной и Северной Америки, между крайними точками континентов: мыс Нордкап — мыс Игольный — мыс Горн — мыс Барроу.

Расчетная протяженность маршрута приблизительно 50 000 км. Предполагаемая продолжительность — 500 дней, с 1 мая 1995 г. по сентябрь 1996 г.

Подобное путешествие не имеет аналогов. Его особенности: минимальные сроки, минимальное использование других средств передвижения (только при пересечении Атлантического океана), максимальная степень автономности, отказ от группы сопровождения.

Путешествие будут осуществлять офицеры запаса Евгений Арсентьевич Мелентьев и Вадим Евгеньевич Мелентьев.

Они имеют большой опыт сверхдальних велосипедных маршрутов в различных регионах бывшего Советского Союза.

Мы приглашаем к сотрудничеству любые организации, учреждения и отдельных граждан и будем благодарны за любую помощь в подготовке и проведении путешествия.

Наш адрес: 344011, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 13, отдел по туризму и экскурсиям СКВО.

Расчетный счет: 5700501 в Донкомбанке МФО 246046, отдел по туризму и экскурсиям СКВО (велопробег).

Начальник ОТЭ СКВО
Майор А. МИРОШНИЧЕНКО

ТАЙНА ПОГИБШЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Это рисунки из дневника Уильяма Джона Уилса, участника экспедиции, пытавшейся в прошлом веке пересечь Австралию. Ниже — Роберт О'Хара Берк, руководитель экспедиции, и Уильям Джон Уилс.

Только недавно была раскрыта причина гибели экспедиции, впервые пересекшей Австралийский континент более столетия назад.

Инспектор-полицейский Берк был человеком честолюбивым и азартным. Ему во что бы то ни стало хотелось сбить спесь с Джона Мак-Доуэлла Стюарта. Этот упрямый шотландец уже трижды побывал в глубине Австралии, в районе соляных озер, возомнил себя покорителем этой земли и теперь собирался пересечь весь континент. Нет, он, Роберт О'Хара Берк, должен опередить его. И он это делает, не будь он инспектором полиции Мельбурна. Ради этой цели он был готов согласиться на все требования и условия этих ученых чудаков из Королевского общества Виктории. А там один профессор ботаники Фердинанд Миллер чего стоит. Просто помешан на своих растениях. Готов без конца твердить, что Австралия — это чудо, и все, что в ней растет, — чудо. Что нигде в мире нет таких деревьев, как эвкалипты, таких древовидных папоротников и, Бог знает, чего еще. А другие готовы петь настоящие гимны австралийским зверям. Ах, кенгуру, ах, коала, ах, сумчатый крот! Стоит побывать на их ученых собраниях, где они спорят до хрипоты о загадках «этого удивительного, необычайного континента» и о том, какие тайны скрывает его внутренняя, неизвестная часть. Никому еще не удавалось пересечь Австралию. Экспедиции отправлялись и исчезали. Как исчезла двенадцать

лет назад, в 1848 году, экспедиция немецкого путешественника Людвиг Лейххардта.

Откровенно говоря, Берка мало волновали все эти споры. Лишь бы не сорвался план пересечения континента, который, надо отдать этим ученым чудакам должное, горячо поддержали профессор Миллер и его коллеги. Они собрали деньги — а средства требовались немалые — и теперь готовили для всех ученых, отправлявшихся с экспедицией, специальные инструкции, которые он, Берк, должен им передать.

Берку, удастся отыскать в глубине континента того пропавшего немца.

Наконец все сборы остались позади, и в августе 1860 года экспедиция во главе с Берком выступила из Мельбурна. Это был целый караван: 30 человек, 25 верблюдов, 25 лошадей.

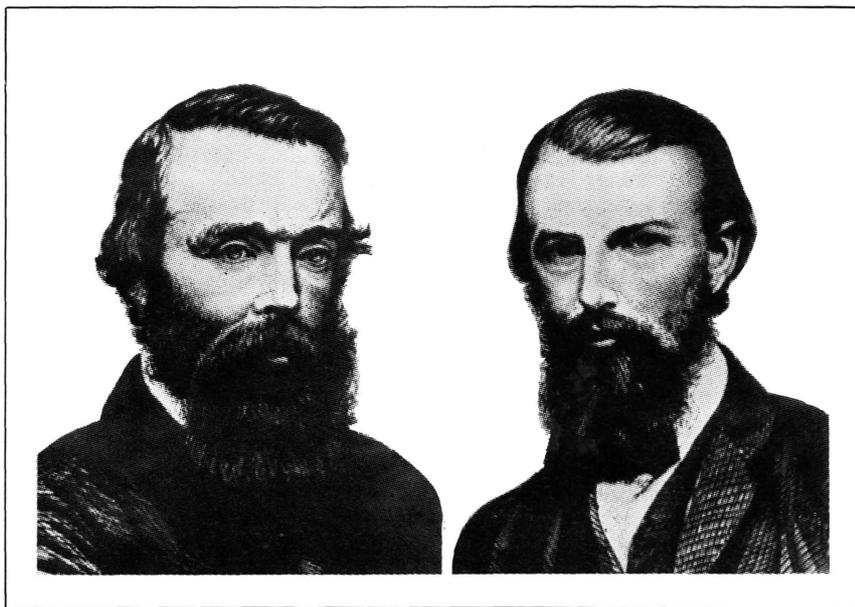
Двигались, по мнению Берка, невыносимо медленно. Ученые собирали образцы растений и животных, брали пробы почвы и воды. Берку стало ясно, что такими темпами он не только не опередит, но и не догонит Стюарта.

Нет, тут надо навести порядок. И, как только они прибыли в Менинди, что на берегу реки Дарлинг, Берк решительно делит экспедицию на три отряда. С самым быстрым он идет сам.

И все равно ему казалось: медленно, слишком медленно. В лагере у реки Купер-крик он снова делит, теперь уже отряд. Из всей экспедиции путь на север продолжают только четверо: Уильям Джон Уилс, Джон Кинг, Чарльз Грей и, конечно, сам Берк.

Уилс, которого Берк назначил своим заместителем, был среди них единственный ученый. По образованию химик, он в Англии занимался анализом пищевых продуктов. Эмигрировав в Австралию, поступил на работу в Мельбурнскую обсерваторию, где изучал астрономию и метеорологию. Всю экспедицию он вел дневник, куда заносил с академической тщательностью все свои наблюдения, все самые мелкие происшествия. Эти записи и помогли впоследствии разгадать тайну гибели экспедиции.

Расчет Берка, по крайней мере, на первых порах, оказался точным. Путешественники двигались быстро и в феврале 1861 года, преодолев тысячи миль, вы-

Берк нетерпеливо ждал, когда же, наконец, закончатся эти бесконечные приготовления и сборы. Южно-Австралийская экспедиция во главе со Стюартом уже дошла до центра континента и водрузила английский флаг на открытой ею горе. Надо было спешить. В себе Берк был уверен. Он был человеком дела, и не боялся ни жары пустынь, ни скрэбов — заросших колючим кустарником непроходимых земель, ни встреч с аборигенами. И кто знает, может быть, именно ему,

шли к болотистому берегу залива Карпентария. Это была победа. Но долго торжествовать и праздновать Берк не собирался. Надо было возвращаться домой, пока их не застигли муссоны, а с ними проливные дожди. И с берегов залива они поворачивают обратно, на юг.

Они спешат. Однако в пути начали возникать непредвиденные осложнения. «Задержались на пятнадцать минут из-за Грея, — с досадой записывает в своем дневнике Уилс, — который притворялся, что не может идти».

Да, с Греем творилось что-то неладное. Этот крепкий малый, британский моряк, чуть не со слезами на глазах жаловался на «невыносимые боли в ногах». Речь его стала невнятной.

Их припасы таяли. Пришлось переходить на подножный корм. Попробовали собирать моллюсков, которых, они знали, собирали и жарили туземцы. Топкие берега были усеяны чешуйками человеческих следов и грудями пустых раковин.

Однажды Уилс с изумлением увидел, как Грей, спрятавшись за дерево, жадно ест из горсти муку, взятую из неприкосновенного запаса. Умоляюще глядя

на Уилса, он стал бессвязно объяснять, что у него, похоже, дизентерия, и мука для него, как лекарство. Вечером Уилс сделал в своем дневнике очередную неодобрительную запись.

Но Грей не притворялся. «Этим утром на рассвете Грей умер. Со времени первого приступа он не произнес внятно ни одного слова».

Чтобы избежать цинги, Уилс убеждает своих спутников употреблять в пищу листья дикого портулака. Потом они начинают собирать богатые крахмалом семена водного папоротника марсиллии. Туземцы называют их нарду, употребляют в пищу и даже считают деликатесом. Но — увы — опасные симптомы болезни появляются теперь у всех троих.

«Наши ноги почти парализованы, так что для каждого из нас самая мучительная задача пройти хотя бы несколько ярдов. Такого ощущения связанных ног я никогда не испытывал прежде и, надеюсь, никогда не испытаю снова, — записывает Уилс. — Чтобы подняться с земли, даже без какого-либо груза, требуется усилие. Это внушает неопишное чувство беспомощности... Бедный Грей, должно быть, очень страдал, а мы думали, что он притворяется».

Лагерь у реки Купер-крик они застали пустым. Группа поддержки не дождалась их. К счастью, им оставили немного продовольствия.

«Мы быстро достали еду, которую оставил Брахе, и приготовили хороший ужин из овсянки с сахаром. Это оказало удивительно действие. Оцепенение в ногах исчезло».

Но ненадолго. Припасы быстро кончились, пришлось вновь переходить на подножный корм.

«Кинг собирает нарду. Мистер Берк и я толчем и очищаем семена. Я все еще чувствую слабость в ногах, хотя нарду усваивается как будто лучше. Мы взяли с собой мало одежды, и нас мучает холод. Мистер Берк очень страдает от холода и чрезвычайно ослаб. Мой пульс 48, очень слабый, а ноги и руки — это почти кожа и кости. Голодание на нарду не очень неприятно, но ощущаешь слабость и полную неспособность передвигаться».

И наконец последнее письмо Уилса отцу: «Это, вероятно, последние строки, кото-

роря их зернами шлифованного риса, а потом исцелял их, давая рисовые отруби. Уже в нашем веке польский биохимик Казимеж Функ выделит тиамин из рисовых отрубей и введет сам термин «витамин», то есть вещество жизни. За свое открытие Эйкман совместно с Фредериком Холкинсом, выделившим витамин А и Д, будет удостоен Нобелевской премии.

Но в случае с экспедицией Берка дело обстояло сложнее.

Помните упоминание о моллюсках, которых стали употреблять в пищу путешественники, перейдя на подножный корм? Так вот, многие двусторчатые моллюски, содержат особое вещество — фермент тиаминазу I, разрушающий витамин В₁. Симптомы авитаминоза В₁ (так называемого частковского паралича) прочитываются в строках дневника Уилса.

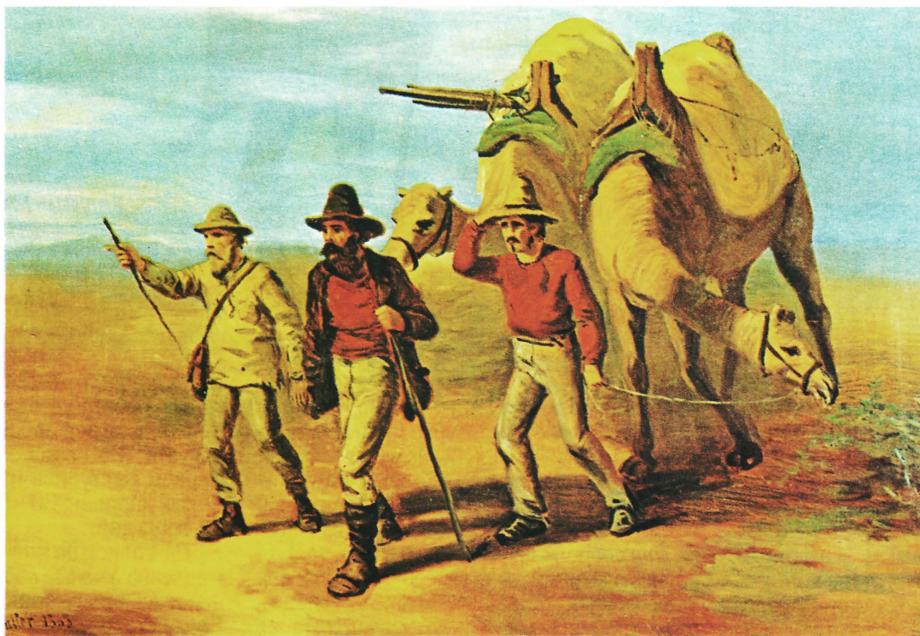
Витамин В₁ содержится в дрожжах, в зародышах пшеничных семян, бобах, овсяной и других крупах. Вот почему умирающий Грей ел муку, инстинктивно чувствуя в ней спасительное средство.

Но самый опасный момент настал тогда, когда путешественники перешли на нарду. Многие папоротники содержат тиаминазу. Поэтому нередки отравления у овец и лошадей, которые съедают листья папоротника. Марсиллия же содержит тиаминазу в гораздо в

большем количестве, чем всем нам знакомый папоротник орляк. А как же тогда не ;ткеекоупотребляют нарду в пищу и даже считают ее деликатесом? Дело в способе приготовления. Путешественники варили нарду, но папоротник марсиллия хорошо приспособлен к перепаду температур, характерному для Австралийского континента, и его фермент очень устойчив к нагреванию: споры прорастают даже после кипячения в воде в течение 15 минут. Аборигены же тщательно растирают нарду в воде до тонкого порошка, и вода выщелачивает фермент. Нарду они зачерпывают створкой раковины, избегая соприкосновения с древесиной, корой, листьями — то есть с какими-либо органическим субстратом, который усиливает действие фермента.

Так дневник Уилса стал первым и, возможно, единственным описанием отравления человека тиаминазой.

Что же погубило экспедицию? Самонадеянность Берка, пренебрегшего данными ему инструкциями и обречшего себя и своих товарищей на лишения и смерть? Именно такой приговор вынесла Королевская комиссия в своем докладе за 1861–63 годы. А может быть, решающее слово сказала природа Австралии? Ведь она не терпит торопливости и неуважительного к себе отношения, неохотно выдавая свои тайны.

рые ты получишь от меня. Мы на пороге голодной смерти не столько от абсолютного желаяния пищи, сколько от желаяния пищи, которой у нас нет».

Берк и Уилс умерли. Кинга спасли и выходили аборигены. Когда прибывшая из Мельбурна в сентябре экспедиция нашла его, он был худой, высохший, как скелет. Но и после возвращения в Мельбурн, уже поправившись на привычной пище, этот здоровый и крепкий на вид мужчина с трудом передвигался и не мог подняться без посторонней помощи по ступенькам лестницы.

В хижине на берегу Купер-крик нашли дневник Уилса и большой запас нарду.

Что же погубило путешественников? Долгое время считали, что они умерли от голода, так и сообщалось во всех справочниках и энциклопедиях.

Современные исследователи, внимательно прочтя дневник Уилса, нашли в нем описание симптомов болезни, которая известна в странах Азии с глубокой древности. Она упоминается в самом древнем дошедшем до нас медицинском труде — китайском трактате II тысячелетия до н.э. Ее называют бери-бери, от сингальского «бери» — слабость. Причина заболевания — отсутствие в пище витамина В₁, или тиамина. Заболевают чаще всего те, кто питается исключительно обрушенным, то есть лишенным внешней оболочки рисом. Первое подробное описание этой болезни дал в конце прошлого века, через много лет после экспедиции Берка, голландский врач и ученый-бактериолог Христиан Эйкман. Он экспериментально вызывал бери-бери у кур,

"ВОКРУГ СВЕТА"

В ГОСТЯХ У КАННИБАЛОВ

В конце прошлого года в Москву из путешествия по неисследованным территориям индонезийского острова Ириан-Джая вернулась экспедиция профессиональных землепроходцев Яцека Палкевича, Виталия Сундакова и фотокорреспондента Игоря Михалева. Цель экспедиции была довольно рискованной — вступить в контакт с теми племенами папуасов, которые не забыли каннибализм. Маршрут пролегал от Джакарты, до которой путешественники добрались на самолете, и дальше через небольшой городок Вамена в джунгли Мамберамо. «Цивилизованную» часть пути экспедиция преодолела на местных самолетах (как ни странно, это была самая опасная часть путешествия: постоянно густая облачность, а внизу острые скалы, о которые разбился через три дня летчик, перевозивший исследователей) и на джипах. Потом — катамаран, пироги, бамбуковый плот на горной и быстрой реке, где его несколько раз затягивало водоворотами, а на привалах путешественники питались свежим крокодильим мясом (кстати, по их мнению, являющимся деликатесным). Непроходимые джунгли, заболоченные русла рек и ручьев, скалистые горы — немало километров пришлось пройти пешком. И все это в убийственном для чужаков климате (40–45 градусов по Цельсию, влажность порой достигала 95 процентов) плюс малярия, змеи, те же крокодилы, ядовитые насекомые, например, муравьи, пяти укусов которых хватит, чтобы отправиться к праотцам.

Племена, попадавшие на пути (правительство Индонезии, от греха подальше,

объявило территорию их расселения заповедником, куда доступ ограничен) — данилани, асматы, яли и «люди Мамберамо» в большинстве своем оказались настроенными довольно мирно. В основном потому, что цивилизация «доползла» и до этих отдаленных мест. Две трети папуасов давно уже делают свой примитивный бизнес на белых людях: каждый щелчок фотоаппарата стоит, по их мнению, денег, которые они готовы кланчить целый день. Впрочем, они согласны довольствоваться и «натурой» — табаком или рисом. На худой конец, теми безделушками, которыми европейцы пользуются в своем повседневном быту: зажигалками, часами и прочим. Тех же, кто еще не ведает всех прелестей научно-технической революции, не так много, но они есть, и классифицируются индонезийским Департаментом социального обеспечения как «изолированные племена».

Они живут действительно в полной изоляции от внешнего мира, в глубине джунглей или высоко в горах, ведут натуральное хозяйство, занимаются охотой (преимущественно на крокодилов), рыболовством, сбором съедобных трав и корней. Одежда в нашем привычном понимании у них отсутствует. В носу у многих продеты кабаньи клыки, а на груди висят примитивные украшения из перьев, камней и раковин. Воины вооружены топорами, где древко деревянное, а острие каменное. Этот камень, по словам Виталия Сундакова, довольно необычный: очень острый и крепкий, плохо поддающийся обработке. У папуасов даже существует обычай, по которому мужчины, решивший жениться,

должен преподнести родителям своей избранницы четыре таких обработанных камня, на что обычно уходит более года. В «арсенале» папуаса есть также такие необходимые вещи, как копье и щит из жестких птичьих перьев, которым воин скорее не защищается, а отвлекает внимание врага. Вершиной местного ВПК является «бронешилет» из коры деревьев, непробиваемой стрелами.

Путешественники поселились в одной из пустующих хижин и первую ночь провели без сна, напряженно прислушиваясь к звукам извне: не идут ли к ним любители «свежего мяса». Однако все обошлось — жители продемонстрировали каннибальские ритуалы лишь на животных. По мнению Виталия, каннибализм сегодня — не утоление кровожадных инстинктов, а лишь способ поддержать свой имидж после очередной жертвы (несколько лет назад были съедены два миссионера — протестанта Филипп Мастерс и Стенли Дейл) мировое сообщество приходит в ужас, и некоторое время довольные папуасы живут в тиши непуганных джунглей.

Подтверждением этому могут служить многочисленные случаи, когда каннибалы допускали, чтобы их жертва убежала и потом рассказывала, какие они страшные и нехорошие. Но Виталию удалось наладить с папуасами нормальные отношения, во многом благодаря тому, что, по его словам, «в каждой экспедиции я учусь и никогда не выступаю в роли миссионера».

Сергей ВАРШАВЧИК
Фото Игоря МИХАЛЕВА

ПО ЗАПОЛЯРЬЮ НА "АННУШКАХ"

Стоял июнь, начиналось жаркое лето, когда с поросшего травой подмосковного аэродрома в Тушине одна за другой поднялись в небо две «Аннушки» — так прозвали в народе подустаревшие, ныне не модные, но весьма неприхотливые и безотказные одномоторные самолеты Ан-2. Сделав круг, выравнявшись в кильватерный строй, самолеты взяли курс на север. Путь предстоял неблизкий. Вначале — Санкт-Петербург, а далее через все Заполярье, в облет побережья Чукотки, к далекому Магадану.

Идея не совсем обычного перелета принадлежала американцу Шеину Лундгрону. Профессиональный пилот, имея возможность на своем Боинге-738 постоянно бывать в различных странах и городах мира, он, как признался, не терял — в силу семейной традиции — желания ежегодно совершать необычные путешествия.

Отец его, возглавляющий одну из туристских компаний, в том году отправился, к примеру, на яхте в одиночное плавание вокруг света. Сам Лундгрэн мог похвастаться недавним восхождением на Эверест, но с некоторых пор он увлекся мыслью осмотреть с небольшой высоты северную окраину России.

Средства для фрахта двух самолетов, несколько десятков тысяч долларов, Шеин брался достать. А Отрубьянников Евгений, пилот из России, с которым Лундгрэн познакомился в Москве, являясь советником президента Федерации любителей авиации России, готов был силами пилотов федерации осуществить перелет. Так родилась эта российско-американская экспедиция.

В Санкт-Петербурге на борт загрузили уникальную аппаратуру «Сателлит». С ее помощью из любой точки во время посадки можно было передать через спутник в корпункт Сан-Франциско фото- и видеоснимки, которая отсюда могла разлететься чуть ли не в пятьсот пунктов. Не забыли и несколько ящиков водки «Абсолют», фирма-производитель которой стала одним из спонсоров перелета.

С американской стороны вместе с кинооператорами, двумя переводчиками, фоторепортером, семидесятидвухлетним известнейшим историком авиации Роном Девисом и самим Лундгреном набралось семь человек.

Два экипажа российских пилотов состояли из шести человек. Недолюбливая число «13», Евгений Отрубьянников согласился взять в полет шестнадцатилетнего сына одного из пилотов, Лешку, радости которого по этому случаю, конечно, не было предела.

Крейсерская скорость Ан-2 — сто семьдесят километров в час. Лететь чаще

всего приходится, ориентируясь визуально, на небольшой высоте. Отчего в жаркое время при восходящих потоках нещадно, как при на морской волне, болтает.

В некоторых случаях без посадки самолетам предстояло пробыть в воздухе до пяти часов, но американцев это не смущало. Пилот Лундгрэн сам часами мог вести этот неприхотливый российский самолет, а Рон Девис, всюду рассказывая, как он во время последней большой войны высаживался с войсками союзников в Нормандии, только и мечтал, как бы подольше посидеть во время полета в кресле второго пилота.

Этот неугомонный историк, никак не желающий смириться с годами, работая в Музее истории авиации в Вашингтоне, несколько раз побывал в Советском Союзе, перезнакомился со многими известными пилотами, раздобыл уникальные фотографии и издал у себя в стране альбом «Аэрофлот». Цена его была немалая: 35 долларов! Но, как ни странно, альбом разошелся.

Однако прежний «Аэрофлот» уже перестал существовать, и недоразумения начались сразу после Санкт-Петербурга. Архангельск отказался принять «Аннушки». Не было заправки. Пришлось садиться в Онеге, там и заночевать.

Следующий пункт посадки был в Нарьян-Маре. На пути к нему вдоволь налюбовались на болотистые северные леса, извивы многочисленных рек, тундровое редколесье. В июне в Заполярье весна, кое-где еще лежит снег, земля черна, а вода в Печоре имеет желтоватый оттенок.

Самолет с американцами приземлился в устье Печоры на рыболовецкой тоне. Приветливые люди повели гостей в дом, угостили рыбкой. Отсюда пошли через спутник в Америку первые репортажи. Заночевали в прихваченных с собой палатках на берегу моря. Рон Девис, как мальчишка, был доволен и счастлив. А утром выяснилось, что колеса «Аннушки» утонули в зыбуне — влажном песчаном грунте. Пришлось, призвав на помощь рыбаков, вытягивать самолет всем миром, и так как дело удалось, то в памяти оно осталось неплохим приключением.

Арктика показала когти в Салехарде. Низкая облачность, ветер, надвигающийся циклон грозили надолго задержать здесь самолет. А на весь перелет до Магадана отводилось по плану всего двадцать дней. Отрубьянников готов был в лепешку разбиться перед аэродромным начальством, как только его не уговаривал, пока не вымолил разрешение на вылет.

Летели низко под пеленой облаков. По просьбе американцев, прицепились к известной мертвой «сталинской» железной дороге.

Построенная на вечной мерзлоте руками заключенных, она так и не стала действующей. Рельсы среди тундры еще продолжали кое-где лежать, но почти все мосты через речку рухнули, развалились станционные постройки. Однако окруженные колючей проволокой лагеря со сторожевыми вышками смотрелись сверху как новые. Тут уж пилотам пришлось покружить. Через открытую дверь, привязавшись за пояс ремнями, не жалея пленки, снимали поочередно то кинооператоры, то фоторепортеры это живое свидетельство не столь уж давних жутких лет.

Подлетая к Надыму, молодому городу газовиков и нефтяников, разглядывали буровые вышки, грязноватые поселки буровиков, изборожденную гусеницами вездеходов, начинающую оттаивать болотистую поверхность тундры. В Надыме у американцев была запланирована встреча со своими соотечественниками, американскими экологами, прибывшими сюда проводить наблюдения. Надеялись добраться с ними на вертолете до ближайшей буровой, познакомиться с работой северян поближе, но вертолет так и не прилетел. Времени не оставалось. По графику их поджидали еще Дудинка, Хатанга, и решили лететь дальше.

В Надыме число участников экспедиции сократилось. Запросились домой оба переводчика, в прошлом советские граждане. Им вдруг до тошноты не захотелось видеть более тусклость жизни российского Севера. И правда: от былого задора эпохи освоения суровых мест не осталось и следа, вихрь ненужности прокатился по Арктике, люди уезжали, поселки пустели, лихорадило и большие города, родившиеся на добыче драгоценного сырья и металлов.

В Хатанге, вблизи аэропорта, американцы увидели стоящий на постаменте Ан-2. В прошлые годы «Аннушки» в Заполярье немало поработали, помогая геологам и местному населению осваивать необжитый край. И у всех участников необычной экспедиции возникло чувство гордости, за то, что они как бы продолжили жизнь заслуженного самолета.

В Тикси их подстерегал неожиданный удар рыночной экономики, докатившийся и в эти дальние края. За взлет и посадку местные власти заломили семь миллионов. И хотя оплачивать подобные услуги приходилось теперь по всему маршруту, но все же от негодования, как признавался Отрубьянников, у него в первый момент чуть не перехватило дыхание. Он пообещал обратиться в суд, к прокурору, даже несколько бумаг написал, однако до суда дело не дошло. Плату скостили вполчину. Но летать по Заполярье из-за стремительного роста цен день ото дня становилось тяже-

лее. Трудно было предсказать, сколько запросят за посадку в следующем порту.

Историк Рон Девис решил, что с него хватит. На пассажирском лайнере он улетел в Якутск, оттуда в Магадан, а из «столицы Колымского края» попасть теперь в Америку нетрудно. Американские самолеты совершают регулярные рейсы.

Из Тикси завернули в обратный путь и одну из «Аннушек» со всем экипажем. К Чокурдаху полетел лишь один самолет. Здесь еще сохранились старые традиции. С радушием встретили гостей, познакомили с укладом жизни, подремонтировали забарахливший мотор. Но, посоветовавшись с американцами, Отрубяников решил не лететь, как было запланировано вначале, к Магадану вокруг берегов Чукотки, а дви-

нуть к нему по наикратчайшему пути: через Зырянку, аэропорт на берегу Колымы. Так легче было уложиться в график. Однако и в Зырянке едва не застряли.

Перемахнуть через горные хребты, вставшие на пути, «Аннушка» могла лишь в условиях отличной видимости. А вершины гор затянули плотные облака... Погоды не было несколько дней, и зырянские летчики посадили американцев в транспортный самолет, сделавший посадку на аэродроме, и отправили в Магадан. Путешествие закончилось. Участники экспедиции разлетелись по домам, лишь «Аннушка», как брошенная лошадь, осталась до следующего лета одиноко стоять на берегу Колымы.

Шейн Лундгрэн (несмотря на то, что перелет обошелся ему в два с половиной ра-

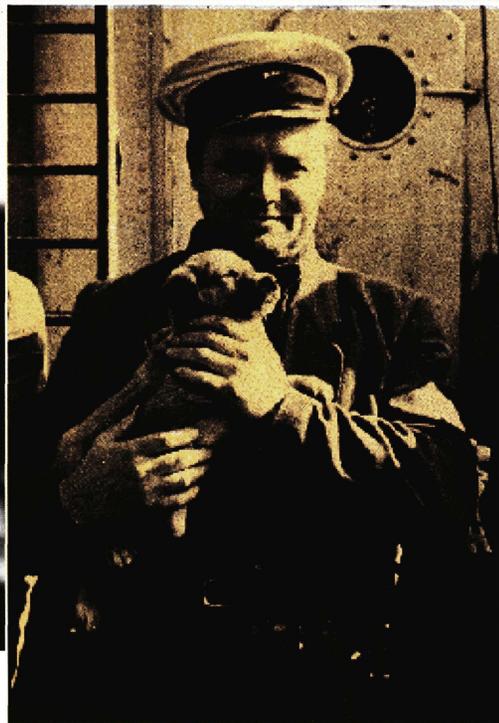
за дорожке запланированного) сидеть сложа руки, как говорится, не собирается. Теперь уже на одной «Аннушке» с пилотами из Федерации любителей авиации России он готов продолжить перелет. Мечтает побывать на Новосибирских островах, но садиться не в городах, а в маленьких факториях, чтобы поближе познакомиться с жизнью местного населения. А еще хочет он перелететь на «Аннушке» через Берингов пролив и на ней же продолжить полет над побережьем Аляски. Что ж, помощники для такого перелета среди российских пилотов всегда найдутся, и остается только пожелать ему успеха.

Рубрику ведет Л. ЧЕШКОВА

КАЖДЫЙ РЕЙС — ПОСЛЕДНИЙ

Дмитрий ДЕМИН

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОРЯКА ТОРГОВОГО ФЛОТА

Глухо и тревожно бьют старинные часы. Врывается ветер в открытое окно. Комната наполняется холодом наступающего вечера. Поскрипывают от сквозняка двери, на разрисованных стенах словно покачиваются ожившие корабли — ветер пытается расшевелить застывшее море, чтобы шумели волны, пели сирены и облака обгоняли паруса остроклювых чайных клипперов... Улыбается с портрета Джек Лондон, срисованный из «Всемирного следопыта». Улыбается на довоенной фотографии курсант Женя Лепке, которого море наградит в войну страшными, фантастическими приключениями и еще оставит на послевоенный год... Но, как говорит сам Евгений Николаевич Лепке, давайте все по порядку. Прервались мы лишь для того, чтобы снова встретиться и продолжить рассказ.

— Мне на «Ветлуге» говорили: «Ты в рубашке родился». «Ветлугу» к тому времени кое-как залатали, и мы пошли на ней в океан, в Америку, через Панамский канал в Сан-Франциско... А там получилось такое дело. Вызывают меня в Сан-Франциско в консульство и говорят: «Вот что, дорогой товарищ, с «Ветлуги» тебе придется уйти». Меня холодный пот прошиб — что я такое натворил? Может, после моих приключений на «Джассоне»? Все-таки в плену был, а за такие вещи не жалуют. «Увольняйся с «Ветлуги», — говорят, — получай деньги, покупай билет и езжай в Лос-Анджелес. В порту найдешь теплоход «Каличе». Им срочно в рейс идти, а штурмана нет. Будешь третьим штурманом».

Уф, отлегло! Но дурь осталась! «А кто, — спрашиваю, — меня сопроводить будет?» «Что? Тебе еще и нянька нужна?» — отвечают. Я даже удивился, что так получилось, а потом решил все списать на военное время — если надо, то и матросу могут доверить.

Приезжаю в Лос-Анджелес, нахожу этот теплоход, а он уже переименован в «Донбасс».

Рассказывать о плаваниях на «Каличе» особенно нечего — такая старая посуда доставалась, что сделали всего один рейс во Владивосток, вернулись в Америку и получили новый танкер — «Святой Джеймс» — и тоже его в «Донбасс» переименовали...

Пошли мы на нем в Атлантику и опять через Панамский канал. Американцы рекомендовали нам идти близ Кубы, огибать ее и следовать на север. В Филадельфии, на атлантическом берегу нас ждал груз.

Повернуть на север нам не удалось. Милях в 15-20 от побережья Кубы «Донбасс» был торпедирован. Чья лодка нас потопила — японская? немецкая? — мы так и не узнали.

Торпедировали, танкер быстро пошел на дно — в какие-то считанные минуты, — даже шлюпки спустить не успели, с борта попрыгали в воду. Хорошо еще отплыть успели, а то затянуло бы всех воронкой на дно. Пльвем, не оглядываемся, а оглянулись — нет нашего танкера, только вода бурлит... И чистый океан, солнце светит, вода теплая, приятная, можно сказать, одно удовольствие после северных купаний. Пльвем... Здесь долго можно плавать. Но и тут чепуха получилась. Вдруг заорал кто-то: «Акулы!» Мы, кто еще болтался на поверхности, стали подплывать поближе друг к другу, покучнее, чтобы они нас по одиночке-то не растаскали. Я уж и не знаю — успели ли кого-нибудь схватить акулы — кругом и так кричали, много было раненых... И вот тут появились спасатели. Нет, не корветы американские, те подошли чуть позже — дельфины! И стали они отгонять акул от людей, бросаться на акул. И так они рвали этих акул — ужас прямо. Вода вся ходуном ходила... Подошли торпедные катера на большой скорости. Да, а чтобы отогнать акул, с катеров стали глубинные бомбы сбрасывать. И акулы, и дельфины ушли, но, представляете, как нам досталось по тем местам, что в воде были. Все хозяйство отбили, так что мы полтора месяца провалялись в госпитале в Гуантанамо, на военно-морской базе американцев, пока не привели нас в порядок.

В Гуантанамо стоял танкер «Дей Лайт», и когда выписались мы из госпиталя, американцы отдали его нам. И снова его переименовали в «Донбасс» — это третий уже «Донбасс» мой получается. Что значит переименовали? На баке, на корме покрасили «Дей Лайт» и вывели — «Донбасс». Вот и все. А порт приписки Осло так и остался. Краски, что ли, не хватало? Так мы Осло и не покрасили. Танкер был норвежским. Взяли в Америке груз и пошли на Мурманск. И опять нехорошая история со мной получилась, ну что за невезенье!

Напали на наш «Донбасс» торпедоносцы, потопить не потопили — отогнали их корветы охранения, — а вот бомба упала рядом с танкером, и вышвырнуло меня с мостика взрывной волной. Подобрали быстро — корвет подошел, и минут через двадцать я был уже на палубе. Но так оглоушило, что весь рейс до Мурманска пролежал в лазарете, подняться не мог. Ладно, доставили груз и снова пошли в Америку. В Нью-Йорке весь экипаж с танкера сняли, «Дей Лайт» отдали норвежцам, а мы на поезде отправились в Сиэтл, штат Вашингтон. Там для нас построили новый танкер, и мы

Окончание. Начало в № 5/95

должны были его принять. Приехали, пришли в доки, смотрим — готовый танкер стоит.

— Нет, — говорят, — это не ваш. Ваш — вот он! — и показывают на стапели. А там ничего нет, только закладка происходит.

Строили американцы на удивление быстро — через полтора месяца мы приняли «Бикен Рок» — так назывался новый танкер. «Скала опасности», что-то в этом роде. Ну, и опять мы его перекрасили. Это был мой четвертый «Донбасс»...

Из Америки во Владивосток возили на нем бензин, мазут, спирт.

И был рейс с туалетом. Что это за штука — туалет, мы не знали.

— А-а, не знаете? — говорят американцы. — Ну вот посмотрите! — И наливают в металлическую посудину, колпак какой-то, грамм пятьдесят этого туалена. И от воздуха сразу же образовалась на нем корка. И вот на эту корку была пущена игла какая-то. И так это рвануло, настолько здорово, прямо взрыв настоящий.

— Вот, — говорят, — а вы повезете 16 тысяч тонн этого туалена. И если рванет, то ваши души на Луну полетят. А, скорее всего, и душ не останется... Так что старайтесь держаться подальше от американских берегов.

Загрузили мы это дело, 16 тысяч тонн туалена, а сверху залили машинным маслом, чтобы корка не образовывалась. Ну и пошли во Владивосток. Груз особенно ценный, ведь это было топливо для наших «Катюш», и не дойти с ним мы просто не могли. Два рейса сделали на этом танкере с туалетом, то бишь с «машинным маслом», как было записано в документах. Все нормально. Были, конечно, сложности, но это дело уж давнее...

А конец войны пришелся на мою вахту. Как раз пересекали мы 180-й меридиан. А при переходе 180-го меридиана в западном направлении одни сутки выпадают. И получилось так, что как раз девятое мая и должно выпасть! Ну как же так мы девятое мая можем выпустить? Никак нельзя. Так и остался у нас этот чудесный день, а десятое уж выпало.

Плавал я на этом, моем четвертом «Донбассе», до самого февраля 1946-го года... В эти дни где-то южнее Адена подводное извержение вулкана было, и огромные волны пошли по дуге большого круга. Вот такая штука...

Судьба уготовила ему место среди утонувших. Корежили торпеды его пароходы, и взлетали на миг к небу — на последний миг — корма и нос корабля, и с ревом погружались в воду. Теперь уже навсегда... А он спасался, выплывал на лачине с куском брезента... Падали у борта бомбы, бросала его в море воздушная волна, чтобы захлестнула, поглотили морские волны... Но приходили на помощь корветы охранения. Топили, топили, топили его волны — днем, ночью, в осеннем полярном море и под синим солнцем тропических морей, в черной глубине — а он не тонул.

Плюнула, видно, судьба с досады, надоело ей это занятие или пожалела она этого крепкого упрямого лобастого парня — не часто ей попадались такие! — да и отпустила его. «Черт с тобой, плавай дальше, если уж тебе так нравится это занятие...» Отпустила, пожалела его. Пожалела, да не очень...

Кричит сорокалетней давности телеграмма в раскрытом альбоме передо мной: «Радиоцентр Дальневосточного пароходства. 26.2.1946. При штормовой погоде 17 февраля около 15 часов судно «Донбасс» переломилось внезапно тчк после перелома надстройка под мостиком где в каютах находились люди моментально погрузилась в воду поэтому надо полагать что люди могли остаться в каютах кроме капитана и двух радистов которые успели выйти на мостик тчк один матрос который пытался перебраться на носовую часть погиб на глазах. Приняли Орлова Иванова в 6-35».

Этот переломленный пополам волнами Великого, или Тихого океана танкер — четвертый из «Донбассов», на которых плавал Евгений Лепке. Матрос, который пытался перебраться на носовую часть танкера и который погиб на глазах у одного из спасшихся моряков, — Евгений Лепке.

— Что это вы нашли здесь интересного, а? — вошел живой, бодрый и веселый Евгений Николаевич Лепке с чашками дымящегося кофе. — А-а, радиограмма... Храню...

— Но что же произошло на самом деле?

— Да все так почти и произошло... Мне еле удалось отодрать голову от палубы — на голове была корка ледяная, и волосы крепко примерзли. Приподнялся, встать на могу — такая тяжесть во всем теле, слабость неимоверная. — Кое-как уселся на палубе. Начал соображать, вспоминать.

Значит, так: я стоял вахту на мостике, огушительный треск, огромная волна, меня смыло куда-то, стукнуло хорошо, понесло, а когда кувырнулся, то так треснуло головой, что потерял сознание. Очень хорошо! Теперь соображаю, что же я собирался делать перед тем, как меня смыло и ударило? Ага, собирался подать конец. Я вспомнил, что на мостике осталось несколько человек, и нужно им срочно передать конец, чтобы они перешли на корму, чтобы их волной не смыло. Тогда надо вставать! Встал кое-как — и судно качает, и меня качает, но ничего — встал! Встал. Теперь что? Надо выброску искать! Пошел искать. А в голове же мельтешия... Ладно, кое-как нашел эту выброску. Пошел на палубу. Палуба прилипает. Смотрю под ноги, почему-то босиком по железу хожу. Ну это ладно, сейчас надо срочно выброску людям подать. Иду к мостику, подхожу... Смотрю. А смотреть-то и некуда! Бог ты мой! Некуда смотреть! Мостика нету! Ни мостика, ни людей, ничего! Бросать-то и некуда! Чистый океан!

Так я понял, что остался один, совершенно один на обломке танкера...

Сохранилось несколько вырезок из газет тех дней, несколько фотографий обломков танкера. Несколько радиограмм. К великому сожалению, нет в живых Ваги, капитана теплохода «Белгород», который первым увидел в океане странный предмет — обломок танкера с одиноким человеком.

— Так я понял, что остался один, босиком, весь в мазуте, на обломке танкера. Страх не было. Все-таки, хоть и на обломке, да на корабле. Все-таки плаваем, не тонем. Не впервой такое дело. Не такое, но не впервой. Ладно. А что нужно? Нужно потеплее укрыться да придти в себя. Поспать как следует, а там видно будет.

Пошел в подшкиперскую на бак. Там эти ростры, стрингера, полки такие сделаны, где боцман свое имущество хранил. На полках — полушубки. Замотался я в это хозяйство и уснул. На следующий день, или когда там, не знаю, проснулся. Есть жутко хочется. И вот только тогда я понял, что не несколько минут, а день или два провалялся без сознания на палубе. Вышел, осмотрелся. Еще штормило... Обломок мой торчит из-под воды почти под 45 градусов. Знаю, что есть в самом верху два спасательных плотика, но под таким углом, да еще в шторм, мне никак туда не добраться... Поискал вокруг, нашел бочку с техническим жиром. Попробовал этот жир глотать, и до того муторно стало, до того пить захотелось, что сил никаких нет.

Добрался до танка с водой — а на его горловину канат десяти дюймовый сваился, загородил. А как с моими-то силами этот канат двигать? Сдвинул, черт его подери. Отодвинул, значит, а там восемь болтов. По два с половиной дюйма каждая гайка. Как вручную? Никак. Вспомнил, что в помповом отделении такой ключ должен быть. Хорошо, нашел. Найти-то нашел, а этот ключ около десяти килограммов весит. И вот этим ключом я два дня отворачивал гайки. Голод еще можно вытерпеть — а вот жажду преодолеть оказалось мучительней. Так пить хотелось, что мне даже виднелась эта вода. Такими фонтанчиками — свежая вода, чистейшая, прямо кристальная, вся так и светилась на солнце...

Вот под эти галлюцинации я и открутил гайки... Да, совсем забыл, еще у боцмана в хозяйстве граненый стакан нашел. Но только отвернул я гайки да увидел в горловине воду — так и плюхнулся с головой туда, забыл про все на свете. Голова под водой — все вливаю в себя эту воду, не ртом — всеми порами; казалось. Напились до того, что, как удав, лежал на бортовом стрингере, и все доставал, уже стаканом, все пил эту воду, вливал себе в рот и чувствовал блаженство — чистую воду пью, а не какие-то там галлюцинации... А потом, знаете, от избытка выпитой воды, что ли, какой-то страх напал, боязнь появилась, что исчезнет, просочится куда-нибудь вода эта. И стал наполнять — все бачки, графины, ну все, что там было, во что налить можно, все стал наполнять водой.

Знаете, у Джека Лондона описан такой же случай. Правда, там речь шла о еде, но поведение такое же. Посмотрите рассказ «Любовь к жизни».

Но вылечился я быстро. Дня через два...

Вода есть, но теперь без пищи плохо. Силенок-то уж совсем мало. На пятый или шестой день погода утихла. Надо, думаю, добывать пищу, надо добраться до спасательных плотиков.

В подшиперской пояс был, на котором все инструменты развешиваются. Надел пояс, достал выброску. Тут-то, думаю, она мне и пригодится. Надо продумать все так, чтобы лишних движений не делать. Закрепил на поясе выброску, перебрал ее через ростры — она опустилась. Потом блочок туда подтянул, закрепил за ринг такой, что на палубе. Все закрепил, конец через блочок перекинул и связал его в виде беседки, чтобы хорошо, удобно было. Вот такой механизм я соорудил. И так — подтяну себя потихоньку — закреплю. Дальше тяну — снова закреплю. Таким образом и подтянулся под самые люки. Подтянулся, закрепился как следует и открыл барашки люка.

Открыл — а ведь все это хозяйство под большим углом — и все начало мне на голову валиться! И первым делом мне на голову свалилась... «Библия»!

Вот, думаю, еще не хватало — быть «Библией» пришибленным. Потом свалился «Лайф», американский журнал, как раз того года, когда строился корабль. И на обложке — в честь спуска танкера, что ли, — морда красная такого жирного громадного поросенка на подносе. Чуть дурно не сделалось! Все это, значит, для предполагаемых утопленников!

Делать мне потом было нечего, вот я «Библию» и «Лайф» и читал... Да, потом явился и контейнер с надписью «Фуд». Вот это как раз то, что мне нужно. Пища. Баночки со всякой пищей, открывашки, ключики разные. Причем все они были привязаны, чтобы, видимо, утопленники не растеряли...

Сбросил я все это хозяйство вниз, выгрузил на палубу. В первой же банке мне сразу же попался пеммикан. Вкуснейшая штука! Подсчитал банки — надолго хватит!

Были в этом спасательном контейнере и карта морская, и мореходные таблицы. Хронометр был, секстан. И тогда я определил точку своего обломка — широту и долготу — и потом уже каждый день отмечал на карте свое место. И понял, что несет меня куда-то в сторону Калифорнии. Подсчитал провизию — на месяц дрейфа хватит. Никакого страха не было, а только тоска, что долго придется жить в одиночестве.

Гудки мне стали слышаться. Спишь — вдруг вздрогнешь от гудка. Встанешь, выйдешь на палубу — а никого и нету. Чистый океан, волны шумят в темноте. Потом вспышки появились. Все во сне. Сначала вроде как огонек в иллюминаторе вспыхнет. И вот все ближе, ближе, ближе. А потом вспыхивает каюта! Выскочишь на палубу — нет, все спокойно, темнота, тишина. Гудки, огни, а иногда казалось, что обломок подо мной исчез, что плыву я в черной пустоте, в невесомости качаюсь... Как с этим бороться? Работать!

В носовой части помпа была. Соляр был. В плотике зажигалку нашел, развел огонь, разогрел котел, помпу запустил. Начал я мазут из танков в носовые откачивать — выравнивать обломок. И вот угол уже небольшой, по палубе ходить можно. Хорошо. А если бы ничем не занимался, а сидел и смотрел тупо, тогда не то что огни да гудки, может, что и похуже мерещилось бы... Да, вот что еще! В борта все время била якорная цепь. Ночью спать не мог, а днем — нервность какая-то не отпускала. И решил я избавиться от якоря. Сброшу, думаю, оба якоря, ни к чему мне тут лишнее железо. Отдаю стопор, пошла якорная цепь в воду. И вдруг меня как молнией ударило! Что же я делаю?! Ну, парень, ты даешь, а еще моряк называется! Стоп! Зажал стопор. Как же я сразу-то не сообразил?! А если подойду к берегу, да шторм будет? Разобьет к черту без якорей-то! Надо же на якорях задержаться будет! Якорь как раз и будет последней надеждой! И с тех пор — цепь бьет, а я еще спокойно сплю, даже убаюкивают цепи — якоря-то целы!

Так вот и плыл... Целый день в хлопотах — огонь добыть, котел развести, порядок навести — хоть и обломок, да корабль, все должно быть в полном порядке. Бегаешь целый день — тут ты и боцман, и матрос, и штурман, и кок. И полные сутки — все твоя вахта!

А хожу по кораблю как черт чумазый, весь в мазуте. Э-э, парень, непорядок! Разогрел воду, все приготовил. Даже кусок мыла нашел у боцмана в значке. Швабру достал, ту, чем палубу протирают. Полный порядок! Раз намылился — смысл. Два намылился — смысл. Что за черт?! Вроде бы и

отошло кое-где, а все черный! Что за мазут такой американцы подсунили? Особого, что ли, качества? Выскочил с горя на палубу проветриться — тут и рассмотрел! Ясночь полная. Нет, мазут-то нормальный, отмылся. Да я весь так и остался в черных пятнах. Синяки-то уже почернели, с фиолетовым отливом по всему телу. Хорошо, очень хорошо меня волна приложила. Жаль — сознание тогда потерял, — посмотреть бы на свои куальбиты!

Так вот и плыл. Все шло спокойно. А потом — снова гудки. Ночью, во сне. То не было, не было, а тут опять появились. Не сплю уже, ворочаюсь, а они все гудят. Черт, думаю, что предпринять? Не буду, думаю, вставать — погудят-погудят — перестанут. Не перестают — гудят проклятые! Вставать надо, заняться чем-нибудь, а то рехнуться недолго. Встал, вышел на палубу. А уже светает, море тихое, спокойное. И дымка такая, туман легкий. А оно-то из-за дымки и появляется. Вы же знаете, как фотография проявляется. Ничего, ничего, белая бумага, а потом темнеет, очертания появляются.

Так вот оно в тумане проявляется — судно, да еще и гудит при этом. Подходит близко. Надпись видна. Твою так! Наш! «Белгород»! С мостика сигналят что-то. Читаю. Там спрашивают: «Сколько человек на судне?» Отмашку делаю, передаю: «Один». Один, мол, на судне. Замолчали там. Что-то замешкались. Не понимают, видно. Снова сигнал, снова передают: «Сколько человек на судне?»

И я снова передаю — один, мол, один, значит...

К сожалению, я не мог встретиться с капитаном «Белгорода», принявшим в Тихом океане на борт истерзанного, но не сломленного Евгения Лепке. Сохранилась лишь справка, написанная рукой капитана Ваги, — в старом альбоме Евгения Николаевича:

«Дана настоящая второму помощнику капитана с турбозлектрохода «Донбасс» Лепке Евгению Николаевичу в том, что он был снят с носовой части танкера «Донбасс» и принят на борт танкера «Белгород» 26 февраля 1946 г. в Северной части Великого океана...»

И следуют широта, долгота...

«...погибли все судовые, а также его личные документы, удостоверяющие профессию, звание, занимаемую должность, образование и другое. Справка дана для представления в Советские учреждения, для восстановления погибших документов».

Справка для Лепке, телеграммы, вырезки из американских газет... Нашивки матроса корвета охранения, подобравшего в войну у берегов Кубы оглоушенного Лепке, подарившего их русскому моряку на память... Компас с немецкого катера, на котором удрали три моряка с «Джассона», русский, бельгиец и француз. Вот, пожалуй, и все реликвии, все награды. Все, что принесло ему море. И еще, недоверие к нему, к человеку. «Да как это вы, гражданин Лепке, на обломке уцелели? Да как же вас, гражданин Лепке, в шторм волной не смыло? И почему вы из плена, гражданин Лепке, смогли бежать? Все у вас как-то просто, гражданин Лепке, получается! И катер под парами стоит, и охрана ушла, и вы кулаками с вооруженными расправились! И, конечно, туман сразу нашел!» И смотрят так исподлобья... А летчик Девятаев с острова на «Хейнкеле» удрал? Сколько лет не верили... «Чтобы с острова, с немецкой секретной базы самолет угнать?! Быть такого не может!» Поверили, когда документы немецкие нашли.

— Нет, — смеется Евгений Николаевич, — знаменитостью я не стал. А вот сколько намаялся с этой справкой... Да, ладно, дело прошлое. Не будем это ворошить. Только вот что мне иногда думается — а не спасся ли тот подлец, не выжил ли скотина, что на плоту молча людей по головам бил, топил? Выжил да работал, как ни в чем не бывало? Мелькает такая мысль, куда ж он девался?

А вообще-то я многие годы никому ничего не рассказывал. Как-то стал на праздничном, что ли, вечере — делиться воспоминаниями о плаваниях в конвое. Внимательно так все слушали. А после подходят и говорят, недоверчивые, значит: «Да не придумал ли ты все это, брат? А? Знаем, любите вы, моряки, байки рассказывать. И после одного потопления люди с ума сходили, а если и выживали, так к морю и близко не подходили. Вон военные моряки — и самолеты сбивали, и лодки топили — вон орденов-то сколько, во всю грудь! А у тебя ни ордена, ни медалей нет. Так не голова!» И как им объяснить, что мы же не военные моряки были, мы только грузы возили. И в документах нам писали — «В войне не

участвовал». Вот только недавно участником войны стал. Что орденов-медалей нет — не беда. А вот вроде получается, что ты всю войну где-то в теплых морях проводил — это ни к чему...

— А, знаете, я чуть миллионером не стал. Самым настоящим. Как это получилось? Спас меня наш «Белгород», а обломок танкера с мазутом американцы вытащили на свой берег. А по их законам все это принадлежит спасшимся после кораблекрушения. А я же один на обломке оказался. Янки говорят: «Продашь — большим бизнесменом будешь!» Я им, знаете, по этому поводу большой морской загиб выдал. Самых отборных... Да, вот еще интересно. Мы на «Белгороде» только к берегу подошли, пришли в Сизта, и меня первым делом в госпиталь уложили, доктора американские собрались, целый консилиум. Серьезные доктора. Разложили меня на кровати, раздели — и тут-то им моя зебра неотмытая и явилась во всей красе. Доктора ни слова не сказали — окружили, ощупывают, во все места пальцами тыкают и головой качают. И молча так, внимательно. А потом один другому и говорит так ясно: «Такое может выдержать только русский варвар!» И все это так ясно, у меня под ухом. Они же не знали, что я по-английски говорю.

Ах, русский варвар! Очень хорошо! И тут я им такую фразу закатил, да так громко, что они все и отпрянули! Полную тираду самых отборных английских ругательств произнес в их адрес. Варвар так варвар, так и получайте! Конечно, наши довоенные дамы-англичанки нас этому искусству не обучали. Все эти тонкости морского словаря в арктических конвоях да на «Джассоне» постиг. Но уж все тонкости, ни убавить, ни прибавить. Когда торпедоносец немецкий над палубой появлялся да бомбы начинал бросать, — так ему вместе с орудийными такие залпы неслись, такие очереди выдавали! Причем, на всех языках мира. Жаль только вот, по латыни я не знал, а то бы докторам в самый раз пришлось.

Они, то есть доктора, обалдели сначала: «Как это так? Русский так бегло по-английски заговорил да с таким знанием дела?!» А потом за животы стали хвататься от хохота, извиняться начали: «О-о! Да ты хороший док-мастер! Так только наши самые лучшие мастера ругаются. А вообще-то мы считаем, что русские — очень крепкий народ. А это — варвар — просто идиоматическое выражение получилось!»

Ну, отношения и восстановились. Мир был заключен.

Потом проходу не было от фото- и всяких других корреспондентов. Стали водить меня по фешенебельным магазинам, одевать самым модным образом, кормить в шикарных ресторанах. И сразу же — во всех магазинах и ресторанах — рекламы огромные: «Здесь покупал штаны и штилеты штурман с «Донбасса»! «Здесь сидел русский моряк с погибшего танкера! Заходите, покупайте, занимайте его место!» В газетах американских — вот, кое-какие еще сохранились — я стал чуть ли не героем. «Робинзон на плавучем острове!» — писали.

Мы смотрим фотографии, вырезки из старых газет...

— Евгений Николаевич, сколько же, как вы говорите, «купаний» у вас получилось?

— Купаний? — смеется капитан. — «Игарка» пошла на дно, я купался — раз. «Джассон» торпедировали — когда из плена на катере удрали — два. «Святой Джеймс», то есть «Донбасс», — это у Кубы, когда акулы напали, — три. И в четвертый раз уже после войны, когда танкер на волне сломался. Ну а когда взрывом бомбы с мостика выбрасывало или волной смывало — это не серьезно. А так всего девять раз купался.

— Девять всего?!

— Всего девять...

— И потом, все в море, все в море?

— Да вот три года, как на пенсию отправили, а так все в море... И не верится, что плавать уж не придется больше. Вот выходим по утрам да вечером гулять с Джолли, проходим через парк к каналу, а все кажется, что бродим по пустынным причалам Рейкьявика еще с тем Джолли, с первым... Вот-вот выходит нам в море... Или — это Джолли провожает меня в рейс. Вот в таких мечтах и бродим. Что говорить, тянет оно, море...

И вспоминались его слова: «Сам. Все сам. Так и бегаешь целый день — тут ты и матрос, и штурман, и кок, и рулевой...»

Все делать своими руками, как научила его старенькая бригадирша «Вега». Теперь и сам капитан был похож на судно, которое смастерил своими руками.

— Я вам самое интересное-то не рассказал! Знаете, что больше всего врезалось в мою память из военного времени? Самое удивительное, самое невероятное приключение, о котором я чаще всего и с удовольствием вспоминаю? Это встреча с Джеком Лондоном!

Была ночь. Погасли фонари в парке. Прошел дождь, и пахло мокрой листвой и холодными спелыми яблоками. В разрывах облаков плыла луна — качался вечный «адмиралский фонарь» на невидимой в ночи, непостижимо высокой мачте, на фокке корабля, затерянного во Вселенной.

Капитан и черный сеттер Джоли шли по дорожке, теряясь в тени деревьев, и деревья качались и шумели, словно морские волны, — то накатывались на берег, то уходили в глубину...

Мы устроились на скамейке.

— Кто бы мог подумать, что такое приключится, — сказал капитан. — Стояли мы в Окленде, на берегу залива Сан-Пабло, как раз напротив порта Сан-Франциско. «Святой Джеймс» — будущий «Донбасс» — еще в доке, время свободное было, и пошли мы бродить по городу. Стемнело. Зажглись неоновые огни. И набрали мы на кабачок. Вошли, и у меня даже сердце дрогнуло... Да-а. Кабачок был построен из обломков фрегата, который разбился во время урагана в заливе Сан-Пабло, недалеко от этого места, и содержал его мистер Джеймс Хейнольд. Заманчиво назвал он свой кабачок — «Первый и последний шанс». Бросилось мне в глаза и то, отчего дрогнуло сердце, — надпись во всю стену: «Рандеву с Джеком Лондоном!» И только тогда понял — ведь это же родные места Джека! И, представляете, «Свидание с Джеком Лондоном», когда идет такая война...

В маленьком зале стояло пять круглых столиков, и мы сели за один. На всех стенах, даже на деревянном сводчатом потолке, были приколоты визитные карточки посетителей кабачка.

— О-о. Русские моряки! — обрадовался Джеймс Хейнольд, узнав, кто мы такие. Он подсел к нам.

— Это большая честь для меня! Русские — храбрый и благородный народ!

А когда он узнал, что я и моряком-то стал благодаря Джеку Лондону, разговорам не было конца.

Оказалось, что Джеймс дружил с писателем, и каких только историй не рассказал он — как ходил с ним по заливу на шхуне, как помогал строить Дом Волка, как люди подожгли этот дом и Джек потерял тогда веру в людей, стал крепко пить, а потом отравился люминалом. Джеймс хоронил его.

— Камень на могиле Джека, — говорил Джеймс, — красный камень дома, в котором Джеку не пришлось жить. Вы должны побывать на его могиле. Я поговорю с его вдовой, Чармиан. Она, я уверен, будет рада русским морякам. Я отвезу вас на своей машине. Это недалеко — в Сономской долине. Вы слышали о Сономской долине?

Сономская Долина! Лунная Долина! О-о, слышал ли я о ней! Не приснилось ли мне все это?! Побывать в Доме Джека, когда идет эта страшная война!.. Вот уж, воистину, первый и последний шанс!

Джеймс привез нас на своей машине. Элиза Чармиан Лондон встретила нас очень приветливо, показала дом, провела по комнатам. «Как бы был рад Джек, — говорила она, — как всегда он ждал встречи с русскими. Русских людей он представлял простыми, благородными и отзывчивыми...»

Разговор затянулся до позднего вечера, и нам пора было возвращаться на судно. Перед расставанием мы пошли на могилу Джека. Темнело. В долине было прохладно. Холмы окутала синева. А красный камень на могиле словно светился. Не гас в темноте. Чармиан осталась у могилы Джека, а мы все оглядывались назад, все прощались с ними... Так и осталось в памяти — маленькая, темная фигурка среди синих, почти черных холмов Сономской долины. Лунной долины. И красный камень, светящийся в темноте...

Была ночь. И был старый парк, насквозь пронизанный ветрами. Светила луна на фокке невидимой мачты. И казалось, что корабль плывет по Лунной Долине, а капитан и черной сеттер Джоли несут ночную вахту...

КАБАЧОК МАРИ ПОДЕРС

Анна МУРАДОВА

Как-то на одной конференции, куда съехались технические специалисты из разных стран Европы, произошел курьезный случай. Во время торжественного ужина некая дама оказалась возле одного из членов французской делегации. Они разговорились, и через некоторое время дама спросила:
— Вы прекрасно говорите по-французски, но у вас странный акцент. Вы, наверное, швейцарец?
— Нет, мадам, я не швейцарец.
— Все, теперь я поняла, вы — бельгиец!
— Опять не угадали.
— Так откуда же вы? — удивилась дама.
— Я из Франции, — невозмутимо отвечал ее сосед.
— Не может быть, — обиделась она, — француз не может говорить с акцентом!

Оказывается, может. Тогда собеседник этой дотошной дамы промолчал, хотя мог бы при желании рассказать ей и не менее удивительные факты из собственной жизни: то, что его родители, появившиеся на свет не где-нибудь в Алжире или Тунисе, а на северо-западе Франции, выучили французский в школе, а их родители вообще французского не знали.

На каком языке говорят во Франции? На французском, разумеется! На первый взгляд, такой вопрос кажется наивным. На самом же деле все не так просто, как кажется. Да, действительно, во Франции говорят по-французски. Однако не все знают, что французский язык — далеко не единственный из тех, на которых говорят во Франции. Сами французы, надо сказать, признают это с большой неохотой. И все-таки в этой стране говорили и говорят на нескольких языках.

С незапамятных времен на территории современной Франции проживают различные по своему происхождению народы — провансальцы, баски, каталонцы и корсиканцы на юге, эльзасцы и фламандцы на востоке, бретонцы — на западе. У каждого из этих народов своя история, своя культура, свой язык. Эльзасцы, к примеру, говорят на диалекте немецкого языка, фламандцы — на нидерландском; окситанский язык провансальцев, корсиканский и каталанский языки относятся к романским, язык же басков вообще не принадлежит ни к одной языковой семье.

Однако официально до самого недавнего времени этих языков как бы не существовало, несмотря на то, что на каждом из них говорили и продолжают говорить сотни тысяч людей. Власти старались просто не замечать эти языки. Более того, долгое время против них велась активная борьба, идеологами которой стали еще деятели Великой Французской революции. Они считали, что все местные языки должны исчезнуть, а французский должен стать единственным национальным языком, «языком свободы». «Мы революционизировали правительственные законы, торговлю, саму мысль. Давайте же революционизируем и язык — повседневное орудие всего этого. Свет, посылаемый на окраины Франции, приходя туда, гаснет, поскольку законы остаются непонятными». Поэтому, по мнению якобинцев, языки национальных окраин таили в себе опасность для самой революции.

Тогда, на рубеже XVIII и XIX веков, осуществить задуманное не удалось. Но французское правительство продолжило политику якобинцев. И сейчас, двести лет спустя, малые языки постепенно уходят в прошлое.

БРИТТЫ И БРЕТОНЦЫ

Один из так называемых региональных языков Франции — бретонский — давно заинтересовал меня. Об этом языке в нашей стране известно не так уж много. Он принадлежит к кельтской группе языков вместе с ирландским, шотландским, валлийским и корнским.

Предки современных бретонцев — бритты — переселились под давлением англо-саксов на полуостров Арморика, который они окрестили Бретанью. В середине XIV века Бретань стала одной из французских провинций. Но и до сих пор не все бретонцы считают себя французами. И сейчас иногда на вопрос: «Месье, вы француз?» отвечают полшутя: «Нет, месье, я бретонец!», чем повергают собеседника в шок. «Позвольте, — говорит он, — но ведь такой национальности нет!»

Тут надо пояснить, что во Франции нет нашего понятия «национальность»: а то, что называют этим словом, скорее передается нашим понятием «гражданство».

Так что все, имеющие французский паспорт, будь то кельты, арабы или чернокожие африканцы, называются французами. Понятно, однако, что все это — лишь официальная политика, и одного французского паспорта недостаточно, чтобы, допустим, марокканец стал потомком Карла Великого. На бытовом уровне разница между национальностями чувствуется во Франции не меньше, чем в нашей стране. Это относится не только к эмигрантам в первом поколении, но и к тем, кто невольно стал французом четыреста с лишним лет назад. Как-то в Париже, на людном бульваре мне никак не удавалось обогнать двух неторопливых прохожих, и, лавируя в толпе, я случайно подслушала их разговор.

— У моей тетушки, — рассказывал один, — три дочери. Так вот: не знаю уж, что на них нашло, новостривышли замуж за иностранцев: одна — за алжирца, другая — за серба, а третья, представь себе, за бретонца...

Для парижанина бретонцы, действительно, — иностранцы, хотя, чтобы попасть из Парижа в Бретань, вовсе не нужно пересекать государственную границу. Если вдаваться в детали, то и в самой Бретани не все так просто. Эта, по нашим масштабам, небольшая область делится на две части — Верхнюю Бретань, где говорят по-французски, и Нижнюю, где еще до недавнего времени почти все говорили по-бретонски.

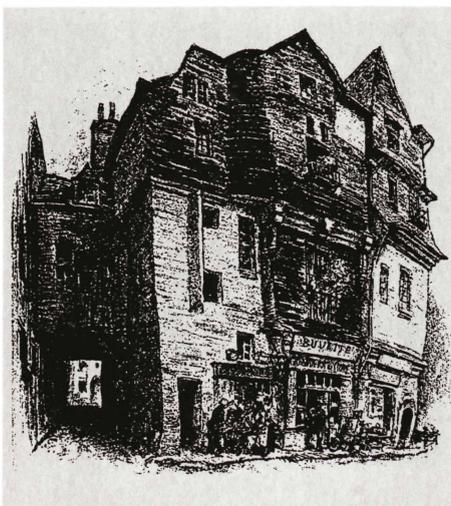
...Мое знакомство с бретонским языком началось еще в школе. Кельтские языки, их лингвистическое своеобразие заинтересовали меня в старших классах. В моих поисках помогли специалисты-кельтологи из Института языкознания. Так как я неплохо владела французским, мне посоветовали выучить для начала бретонский, наименее известный из кельтских языков, а потом уже переходить к валлийскому, корнскому и другим. Дали на время учебник, и я занялась увлекательнейшим делом — познанием нового языка. С валлийским и корнским помог случай. Кто-то из знакомых показал номер журнала «Вокруг света» с очерком «В поисках кельтов»¹, и я написала автору статьи, который не только откликнулся на мое письмо, но и снабдил литературой по этим языкам.

Итак, за несколько лет я выучила бретонский. Естественным, выучила — это преувеличение. Я смогла научиться только

бегло читать про себя и довольно сносно писать, так как в Москве трудно найти человека, с которым можно побеседовать на бретонском. Разумеется, мне всегда хотелось побывать в Бретани, о которой я столько читала и слышала. После продолжительной переписки со всеми бретонскими инстанциями, адреса которых добывали мне знакомые, работающие с французами, удалось связаться с Институтом Бретонской культуры и Вторым Реннским университетом, где, оказывается, преподается бретонский язык. Моей кандидатурой заинтересовались, и мне представилась уникальная возможность стать студенткой кельтского отделения Реннского университета.

Университет приветствовал меня двумя вывесками — на французском и на бретонском языках. Такого я не ожидала, ведь, согласно ученой литературе, которую я основательно проштудировала перед приездом, в Ренне по-бретонски не говорят.

Позже я узнала, что вокруг двуязычных надписей в Бретани долгое время шла самая настоящая война. Бретонцы боролись за право ввести повсюду надписи на их родном языке, ссылаясь на существование двуязычных дорожных указателей в Уэльсе. Так как власти не собирались идти им навстречу, защитники бретонского языка принялись закрашивать дорожные указатели на французском и писать бретонские названия городов и улиц. Подобная деятельность расценивалась властями как мелкое хулиганство, и многие осквернители дорожных знаков побывали за решеткой. Но в тот первый день пребывания в университете этих подробностей я еще не знала и восхищалась гордой надписью «Ренн-2» на языке, который предстояло как следует выучить.

Очерк о Бретани мы иллюстрируем открытками. На них бретонцы и бретонки в живописных национальных костюмах — в каждом уголке Бретани своей. Теперь, конечно, это увидишь разве что на фольклорных праздниках. Но еще совсем недавно, в прошлом веке Бретань была почти такая, как на открытках — об этом говорят старинные фотографии и гравюры.

ФУМИКО, МАКОТО И ВАЛЛИЙКА ФФРАН МЭЙ

Мне выпала честь быть первой русской, получившей университетское образование по специальности «Бретонский язык», но на кельтском отделении до меня училось много иностранцев. В основном — дальние родственники бретонцев: валлийцы, шотландцы, ирландцы. Иногда приезжают американцы, видимо, помнящие о своих кельтских корнях; при мне бретонскому успешно учился молодой человек из Канады. Но, пожалуй, самыми колоритными студентами за всю историю кельтского отделения были японцы — Макото Ногуши и Фумико Юкава. Макото заинтересовался бретонским языком, когда учился французскому в Ренне. Он не только выучил бретонский, но и пишет теперь на нем новеллы и театральные пьесы. Мало того, он женился на бретонке и поселился в Нижней Бретани, там, где еще можно обойтись без французского.

Рассказывают, как однажды кто-то из высокопоставленных французских деятелей приехал в небольшой бретонский городок и увидел такую картину: к рыбной лавке подходит японец и начинает разговаривать с пожилым хозяином на каком-то непонятном языке. Потом покупает рыбу и уходит. Удивленный француз подходит к хозяину лавки и говорит:

— Молодцы вы, бретонцы, чего не делаете ради коммерции! Японский вот выучили.

— Да нет, — отвечает торговец, — это не японский, а бретонский.

— Бретонский? Вот еще! Кому он нужен, этот ваш бретонский?

— Кому-то, выходит, нужен. Японцы вот учат, а они зря ничего делать не будут.

Возможно, это и выдумка, как и многие другие истории про Макото. Правда в ней то, что этот человек своим примером еще двадцать лет назад показал, что бретон-

¹ Лев Минц. «В поисках кельтов» — «Вокруг света» №1/92

ский язык — не досадный анахронизм, каким его считали, да и считают, что греха таить, не только французы, но и некоторые бретонцы.

По стопам знаменитого Макото двадцать лет спустя пошла Фумико. Она заинтересовалась бретонским еще в Японии. Сейчас работает в бригаде тележурналистов, снимающих передачи на бретонском языке. С иностранными студентами связано немало казусов. Несколько лет назад, например, в Ренн приехала Ффран Мэй, девушка из Уэльса. Она выучила бретонский у себя и собралась совершенствовать свои знания во Втором Реннском, а заодно и преподавать там валлийский. При этом она совершенно не знала французского. В кельтском отделении все прошло хорошо, а вот в первом же магазине выяснилось, что в городе Ренне с бретонским далеко не уйдешь. Ффран пришлось переходить на английский (которым, кстати, большинство французов если и владеет, то из рук вон плохо) и с грехом пополам объяснять, что ей нужно. Бедной Ффран пришлось срочно учить французский без всяких преподавателей и учебников (на дополнительные занятия у нее просто не было времени).

Познакомилась я с ней через год после ее приезда. Надо сказать, что сама я приехала в Ренн с хорошим французским (это мой первый иностранный язык) и с кое-какими познаниями в английском. По-бретонски же, как я уже сказала, первое время я могла только читать и писать. С валлийским я была уже немножко знакома, а потому решила взять его в качестве второго кельтского языка, который предсматривался программой. Ффран оказалась не только хорошим преподавателем, но и радушным, общительным человеком... Правда, мое общение с ней первое время было несколько затруднено. Французским Ффран владела тогда еще очень плохо и со студентами говорила либо по-английски, либо по-бретонски. Мне кое-как удалось ей объяснить по-французски, что бретонский на слух воспринимаю плохо, и мы попробовали перейти на английский. Я по самонадеянности считала, что, если уж я способна худо-бедно понимать английские радиопередачи, то с собеседницей разберусь — в крайнем случае, попрошу что-нибудь повторить. Не тут-то было! Английский язык Ффран настолько отличался от того английского, который мне доводилось слышать по радио, что нам... снова пришлось перейти на бретонский.

К чести Ффран, надо сказать, что уже к концу года она бегло говорила по-фран-

цузски и почти не делала ошибок, хотя ее британский акцент еще сильно чувствовался и во французском, и в бретонском...

НЕ СПОСОБЕН К АНГЛИЙСКОМУ — УЧИ БРЕТОНСКИЙ!

Учеба в Ренне оказалась чрезвычайно интересной во многом потому, что кельтское отделение, студенткой которого я стала, совсем не похоже на другие отделения университета. Только здесь преподаватели знают по имени каждого студента, только здесь преподавателей можно называть на «ты»¹ и говорить с ними о личных проблемах. Все те, кто учит и преподает бретонский язык, считают себя одной большой семьей, у которой одна цель — выжить и сохранить то, что делает бретонцев бретонцами. Да и сам факт того, что этот язык учат и преподают в университете, до сих пор воспринимается как скандал в благородном семействе.

К бретонцам во Франции относятся так же как у нас, например, к жителям Чукотки: про них сочиняют столь же остроумные анекдоты, а уж глупая бретонка Беккассина, героиня французских фильмов и комиксов, надоело и всерьез закрепила за бретонцами репутацию людей, скажем так, не в меру наивных. К изучающим бретонский язык относятся обычно с вежливым сочувствием, если не с состраданием. Я долго не могла понять, почему, и решила провести эксперимент.

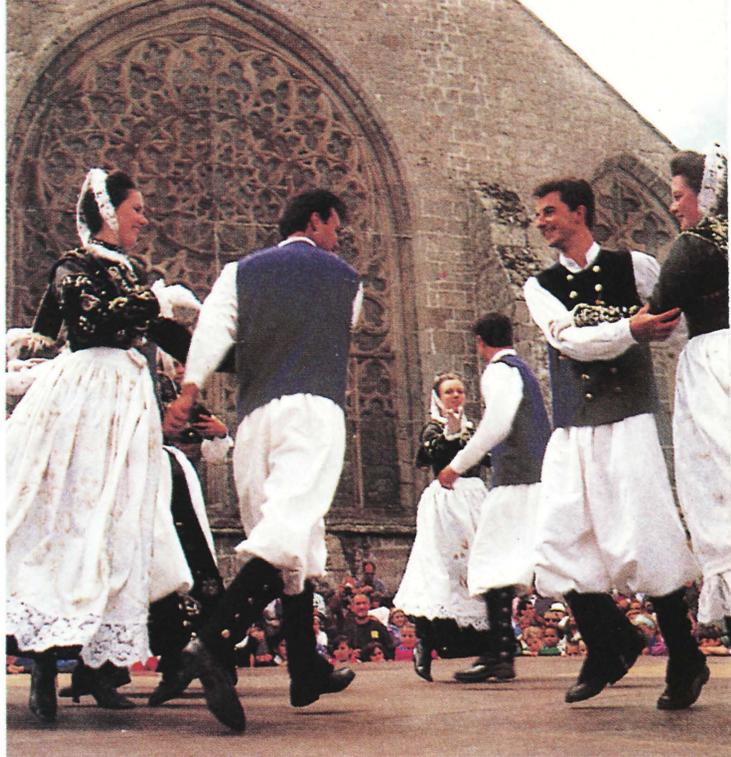
¹ Вот уж чего я не могла себе позволить так это назвать преподавателя просто по имени, хоть это и принято среди бретонцев. Так и хотелось обратиться по имени и отчеству. Что я иногда и делаю в письмах, где без обращения не обойтись, — например, Франсуа Ангуанович. — *Прим. авт.*

Часто в столовой или кафетерии студенты заводят разговоры на всякие невинные темы, вроде степени свежести обеда и тому подобного. От бифштеков и сосисок разговор переходит к философским материям и заканчивается обычно знакомством — кто на каком факультете учиться и что собирается делать после университета. Каждый раз, когда я говорила, что учу бретонский, новые знакомые смущенно замолкали. Наиболее пронзительные тут же сообщали: «А я сразу заметила, что ты говоришь с акцентом. Ты, случаем, не из Бигуденской области?» Наименее тактичные начинали выяснять — не провалилась ли я где на экзаменах. По их убеждению, умный человек, у которого все в порядке, бретонский учить не пойдет. Некоторые, узнав в конце разговора, что я русская, с облегчением вздыхали: «Что же сразу не сказала, что ты иностранка? Так бы и говорила — лингвистический интерес... Это мы понимаем!»

Когда я спрашивала, почему занятия бретонским неизменно ассоциируются с провалом на экзаменах, собеседники обычно краснели и смущались, как будто я интересовалась чем-то весьма неприличным. Наконец кто-то, кто сам когда-то учил бретонский, рассказал мне, что изучение бретонского в школе введено не так давно, и преподаватели просто горят энтузиазмом. «Чего, казалось бы плохого? — удивлялась я. — Наоборот, похвалю!» Все дело в том, что, прилагая гораздо больше усилий, чем их коллеги, преподающие, скажем, английский, учителя бретонского добивались того, что даже самые твердолобые лентяи неплохо усваивали язык. Ни один из них не проваливался на экзаменах по языку. В результате директор лицей или колледжа советовал родителям какого-нибудь оболтуса: «Ваш сын рискует не получить степень бакалавра. Его успехи в английском оставляют желать лучшего, и если вы не хотите, чтобы он остался на второй год, срочно примите меры. Я бы посоветовал вам перевести его из английской группы в бретонскую — уж этот-то язык не сдать невозможно!»

Так бретонский стал языком для лентяев. Кстати, не только в лицеях и колледжах. На кельтское отделение университета наряду с энтузиастами, любящими свой язык и культуру, тоже частенько приходят те, кто не рискует попробовать себя в чем-то серьезном. Те, кто просто не очень уверен в себе, вскоре освобождаются от своих сомнений и становятся полно-

правными членами «семьи» говорящих по-бретонски, ну а настоящие лентяи и лоботрясы, как правило, отсеиваются на первых двух курсах.

КАНИКУЛЫ В ДЕРЕВНЕ

Приближались каникулы, и я решила поехать в какую-нибудь деревню и послушать там живой бретонский язык.

— Поехать-то ты можешь, — сказали мне. — Но вот услышать бретонский где-нибудь просто так на улице тебе вряд ли удастся. При виде незнакомого человека каждый из вежливости перейдет на французский.

Оказалось, что заговорить с незнакомцем по-бретонски, — дурной тон. Даже если этот незнакомец сам с детства по-бретонски говорит. Вот так. Выходит, недостаточно знать язык, нужно еще и стать «своим» человеком, чтобы с тобой на этом языке говорили. Выручила меня Валери Коттен, студентка из моей группы. Мы поехали вместе с ней к ее родителям, которые живут в деревне близ города Кемпера.

Будь я простой студенткой из Ренна или, скажем, Нанта — кто знает, поддались бы родители Валери на наши уговоры и заговорили бы по-бретонски? Но когда они узнали, откуда я приехала, они не только согласились поговорить со мной, но и решили помочь мне и навестить всех пожилых родственников, которые могли бы составить нам компанию.

— Сами мы по-бретонски почти не умеем... — извиняющимся тоном сказала мать Валери. — И, вообще, мне всегда казалось, что бретонский язык... не совсем красивый.

Вечером, правда, выяснилось, что родители Валери прекрасно говорят по-бретонски. Кое-что, конечно, они подзабыли, отдельные слова подбирали с трудом, но их всегда выручала восьмидесятичетырехлетняя бабушка Валери, с которой меня в тот вечер познакомили. Тут и дала себя знать та знаменитая пропасть между литературным бретонским и диалектами. Однако моя собеседница оказалась на редкость терпеливой. Первые пятнадцать минут мы почти не понимали друг друга. Я старалась вспомнить то, чему меня учили на занятиях по диалектологии, а бабушка — уловить в моей речи хоть что-то понятное.

— Это не наш бретонский, — подбадривала она меня, — но все-таки это бретонский.

Скоро, однако, она привыкла к моему произношению, а я — к ее. К тому же Ва-

лери мне подсказывала слова местного диалекта... Через час стараний и усилий мы уже понимали друг друга.

Иногда, конечно, возникала небольшая путаница. Бабушка любила вспоминать о прошлом своего дома и, предаваясь воспоминаниям, как-то сказала:

— Раньше пол в доме был деревянный, и мыши прогрызали в нем дырки. Раньше у нас много мышей было...

— А тараканов у вас не было? — опасно спросила я.

— Были, что ты, были, — всплеснула руками бабушка, — маленькие такие, скользкие, по стенам ползали. От них мокрые следы по всем стенам... У нас их улитками называют.

Одна дальняя родственница Валери, живущая в Конкарно, рассказала мне, как в ее время было поставлено обучение французскому. Совсем маленькой ее отдали в религиозную школу, где монахини обучали девочек всему понемножку. Обучение, естественно велось на французском. Не искусственные в педагогике монахини действовали самым простым и доступным методом — методом запретов. Новички, не знающие ни слова по-французски, оказывались отрезанными от всякого общения: говорить по-бретонски строго запрещалось. «Прошло три дня, — вспоминала эта женщина, — прежде чем меня в первый раз покормили. Мне не давали ни есть, ни пить, пока я не попросила об этом по-французски».

Я услышала, конечно, и про печально знаменитый «символ» — кусок картона или деревянного сабо, который вешали на шею ученику, которого застали говорящим по-бретонски на перемене. Он должен был носить его до тех пор, пока не увидит за тем же занятием кого-нибудь из своих товарищей. Последнего из прови-

нившихся в наказание оставляли в классе после уроков. Те, кто пытался говорить по-бретонски на уроках, получали по рукам линейкой. При этом школьникам внушалось, что по-бретонски говорить стыдно, что образованный человек должен обязательно говорить по-французски. В некоторых местах такими методами обучения языку пользовались до шестидесятих годов нашего века. До тех пор, пока не стали сходить на нет последние островки, на которых бретонский язык еще не стал языком стариков...

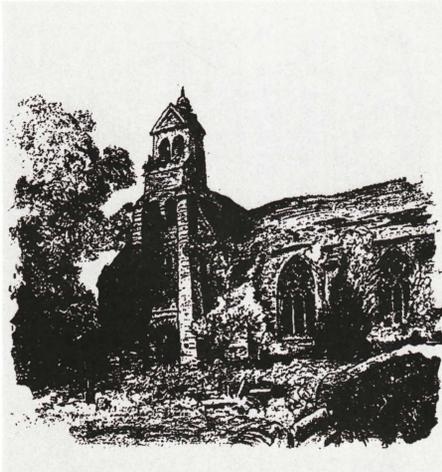
ГРАБЛИ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ БРЕТОНСКОГО ЯЗЫКА

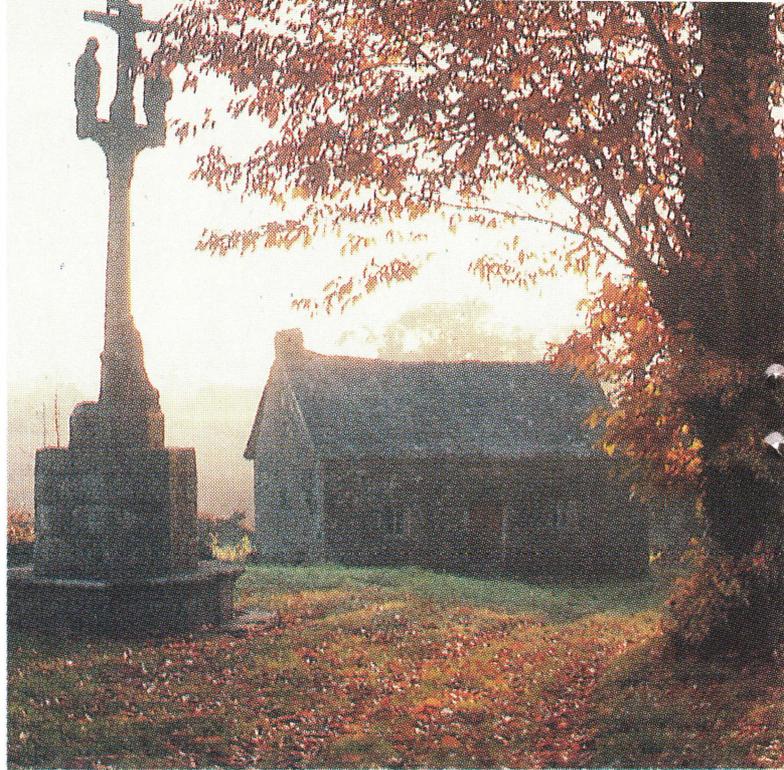
Как известно, ничто не возникает на пустом месте. И просто так, ради удовольствия, никто не станет переходить с одного языка на другой. Те, кто учит иностранные языки, знают, как это нелегко. И все-таки, несмотря на все сложности, люди выучивали чужой язык и забывали родной. Почему?

Бретонцы всегда были бедными. Двойной мировой войны, а кое-где и до шестидесятых годов, в Бретани на селе люди жили так же, как сто, двести лет назад. За водой ходили на реку, белье стирали в пруду, изредка ездили в город на ярмарку. В домах не было электричества, ни о каком комфорте и речи быть не могло. Полы в домах были земляные, их подметали вениками из дрока, а то и просто скакали кур поклевать крошки на полу и на столе... После кур протирали стол тряпкой и садились есть.

Я долго не могла выяснить, как будет по-бретонски «приятного аппетита». Оказалось, что такого выражения просто нет. В деревенских домах никогда не было слышком много еды и об аппетите и речи быть не могло — не остаться бы совсем голодным! Ну а те, кто ел досыта и больше, испокон веков говорили по-французски.

Сейчас все это осталось в прошлом. Даже в самых скромных домах пол кафельный, есть и электричество, и водопровод, никто уже не жалуется на недоедание. Но за внешним благополучием кроются новые проблемы. Цивилизация и комфорт пришли из Франции. А вместе с ними — новый язык и новый образ жизни. Те, кто хотел выбиться в люди и разбогатеть, должен был получить соответствующее образование, а для этого — как можно лучше выучить французский и забыть бретонский. И не одно поколение бретонцев слышало, наверное: «Учи француз-

ский, а то так и будешь всю жизнь коров пасти!»

А теперь у многих просыпается тоска по старым добрым временам, когда женщины ходили все вместе, с шутками и прибаутками, стирать к ближайшему пруду, вместо того, чтобы, как теперь, забросить белье в стиральную машину и отправиться снова смотреть телевизор. Пожилые люди часто говорят: «У нас жизнь была трудная, да и у молодых не легче. Нам было тяжело физически, а им морально». Те, кто оставил родной язык, уже не чувствуют себя настоящими бретонцами, но и французами они себя не чувствуют.

Но, что поделаешь, говорить по-французски всегда было модно и престижно, а всеобщее образование сделало престижный язык доступным для всех.

Не все, конечно, и не везде так сразу перешли на чужой язык, некоторые подсмеивались над такими «модниками».

Рассказывают, как один солдат, вернувшись с войны, «забыл» бретонский и разговаривал со своими родными и соседями только по-французски. Удивленные соседи мало что понимали, думали: уж не заболел ли человек? Новоявленный француз, однако, мгновенно «выздоровел», как только наступил на грабли, не заметив их в траве. «Чертовы грабли, и кто их только сюда положил?!» — воскликнул он по-бретонски без малейшего акцента.

Передо мной раскрывались старые альбомы с фотографиями. На всех довоенных снимках — женщины в высоких кружевных чепчиках и вышитых бархатных платьях, не по-деревенски элегантных национальных костюмах.

До недавнего времени чепчик был такой же обязательной деталью женского костюма в Бретани, как платок или повойник в России. Он был не только красивым головным убором, но и своеобразной визитной карточкой. В каждой области, чуть ли не в каждой деревне у женщин был свой, особый фасон. По чепчику издавна можно было узнать, откуда родом его обладательница.

Сейчас почти везде женщины отказались от традиционных головных уборов: несовременно как-то, да и хлопотно каждый день возиться перед зеркалом со шпильками. Исключение составляют жительницы Бигуденской области, но о них — немного позже. Все разнообразие и красоту бретонских костюмов можно увидеть на многочисленных фольклорных праздниках, которые так любят иностранные туристы. Бретонцы с горькой

усмешкой говорят, что многие бретонские традиции сохранились именно благодаря туристам, которые охотно расстаются со своими деньгами ради того, чтобы поглазеть на красочные зрелища, такие как, например, религиозные процессии или народные танцы. Самой большой популярностью пользуется Корнуайский фестиваль, который проводится раз в году в Кемпере. Вот уж где можно увидеть все костюмы и все танцы Корнуайской области! Гвоздь программы — конкурс красоты. Специальное жюри выбирает самую красивую девушку в самом красивом чепчике — королеву праздника.

Да и сами жители Кемпера и его окрестностей не упускают случая побывать на этом фестивале. Большинство приходит в обычной одежде (у многих просто нет настоящих бретонских костюмов), но те, кто не прочь поддержать традицию, одеваются так, как одевались их бабушки и дедушки еще до войны.

Валери рассказала мне многое из того, о чем не говорится в красочных книгах о Бретани, которые так любят иностранные туристы. Например то, как исчезал бретонский во многих семьях. Многие говорили по-бретонски со своими родителями, но к собственным детям обращались только по-французски. Часто по-бретонски говорили такое, что детям слышать не положено, и поэтому некоторые считают, что бретонский — язык пошлости и скабрёзности. Валери стала моим гидом — ведь мне пришлось объяснять многое из того, что для нее и для других было совершенно очевидным.

КАБАЧОК МАРИ ПОДЕРС

Вторым моим гидом был Андрео, уроженец Пон Л'Аббе. Несмотря на все уси-

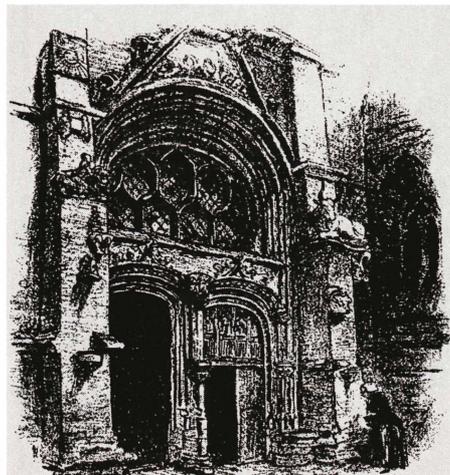
лия родителей, он прекрасно говорит на их родном языке. Его родители общаются между собой только по-бретонски, по-французски говорят еле-еле, только в случае крайней необходимости, которая возникает редко. Поэтому сына, когда он был еще совсем маленьким, они отдали в пансион и общались с ним как можно реже — пусть как следует французский выучит — глядишь, человеком станет. И все-таки Андрео, уже будучи достаточно взрослым, заговорил по-бретонски, научился читать и писать, а потом стал одним из лучших студентов кельтского отделения. Сейчас он преподает бретонский в Пон Л'Аббе на вечерних курсах для взрослых.

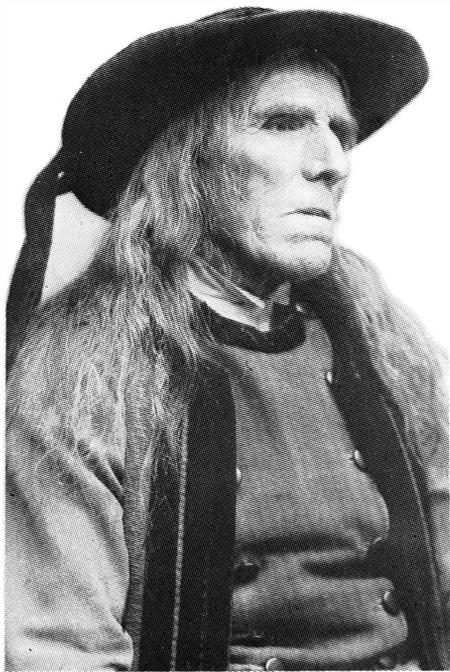
Он часто сетовал на то, что многие из тех, кто учит бретонский, не могут или не хотят оторваться от французского — отсюда, по его мнению и придуманные слова и некрасивые фразы, похожие на подстрочный перевод.

— Вот если бы все учились бретонскому у Мари Подерс! — как-то сказал он и предложил: — Если будешь в наших краях, заезжай в Пон Л'Аббе, я тебя с ней познакомлю.

И вот, обойдя, кажется, всех пожилых родственников, мы с Валери, которая тоже не раз слышала о Мари Подерс, решили воспользоваться приглашением Андрео.

Город Пон Л'Аббе — столица Бигуденской области — находится в двадцати километрах от Кемпера, что по бретонским меркам довольно далеко. И дело даже не в расстоянии. Тех, кто проживает в деревнях и в рыбацких городках Бигуденской области, в окрестностях Кемпера считают иностранцами. У них другой говор, который в Кемпере понимают с трудом, другие привычки, другие костюмы. Особенно знаменит бигуденский чепчик — башенка из накрахмаленного кружева высотой сантиметров в тридцать. В отличие от головных уборов других областей, которые можно увидеть разве что во время фольклорных праздников и фестивалей, бигуденский чепчик еще носят многие пожилые женщины. Некоторые жалеют, что и эта деталь национального костюма скоро станет музейным экспонатом. Но, к сожалению, в современных условиях жизни приспособить чепчик вряд ли возможно. Он вполне уместен на голове хозяйки какой-нибудь лавки или небольшого магазинчика, которая редко покидает свой родной городок, но большинство современных женщин часто пользуется машиной или, на худой конец, общественным

транспортом. В автобус в таком чепчике влезть еще, пожалуй, можно, но вот в машину... Я как-то спросила у Андрео — а как же бигуденки ездят на машине? Может быть, это для них специально придумали автомобили с окошком на крыше? Андрео задумался и ответил:

— Им, скорее всего, приходится наклонять голову набок. Но так ездить очень неудобно.

Большого труда стоит, наверное, водрузить такой чепчик на голову, и прикрепить его шпильками как следует — ветер на бретонских побережьях так и норвит сорвать с вас одежду. А ведь таинство надевания чепчика повторяется каждое утро. Впрочем, для пожилых бигуденок это такая же привычка, как чистка зубов или застилание кровати. И многие с этой привычкой ни за что не хотят расстаться.

Рассказывают, что одна бигуденка сломала правую руку, да так неудачно, что костине срослась рука навсегда осталась покалеченной. Бедная старушка уже не могла самостоятельно управляться по хозяйству, ей пришлось нанять служанку.

— Теперь вы, наверное, уже не будете носить чепчик? — спросили у нее.

— То есть как? — удивилась она. — Как же я смогу появиться на людях без чепчика — я буду чувствовать себя голой!

И каждый день она продолжала водружать на себя чепчик одной левой рукой — у нее на это уходило не меньше сорока минут.

Бигуденок очень любят иностранные туристы, в последние годы заполонившие Бретань. В когда-то тихие рыбацкие городки каждое лето съезжается сотни и тысячи отдыхающих со всех концов света. И чуть ли не каждый хочет сфотографироваться с бабушкой в высоком чепчике. Многим не по душе такое изобилие иностранцев, но, что поделаешь, туризм — одна из основных статей дохода для сегодняшней Бретани. Бретонцы — люди практичные. Первое время бигуденкам не нравилось, что их фотографируют, как каких-то экзотических зверьков, но вскоре и они перешли на рыночные отношения, проникающие в самые глухие уголки Европы. И, если приезжие попросят сфотографироваться с ними, бигуденки приветливо улыбнутся: «Конечно, конечно, двадцать франков за каждое фото!»

Надо ли говорить, что мне очень хотелось познакомиться хотя бы с одной из бигуденок?

Мы позвонили Андрео и договорились встретиться с ним после обеда в Пон

Л'Аббе в одном кафе. Андрео пришел заранее и, встретив нас на пороге кафе, предложил:

— Посидим пока здесь, к Мари Подерс ехать еще рано. Обычно посетители собираются у нее после четырех выпить по рюмочке вина и поболтать о том, о сем.

Когда подошло время ехать к Мари Подерс (ее кабачок находится не в самом городке, а чуть дальше) и мы, расплатившись, направились к выходу, бармен попрощался с нами по-бретонски. Действительно, в Кемпере мне никогда не приходилось слышать бретонский в кафе. Впрочем, немного позже я узнала, что и в Пон Л'Аббе не все так любят родной язык.

Едва уместившись втроем в старенькой машине Андрео, мы поехали куда-то за город и через несколько минут остановились перед небольшим домом у дороги. Дом как дом, ничего примечательного в нем не заметила. Никакой вывески, дверь закрыта, ставни заперты. Андрео объяснил, что кабачок Мари Подерс — нечто вроде клуба, куда пускают только «своих». Не потому, что эти люди прячутся от кого-то, нет. Они просто стесняются чужаков, с которыми надо говорить «покультурному», то есть на французском. К тому же вывеска на доме могла бы привлечь посторонних людей, любителей просто выпить. Здесь же собираются старые знакомые, и маленькая рюмка вина для них — всего лишь дань традиции. Главное — общение.

Андрео здесь свой человек. Его давно знают. Время от времени он приводит в этот кабачок своих университетских друзей, которые, как мы с Валери, хотят совершенствовать устный бретонский. А для Мари Подерс и ее клиентов такие ви-

зиты — просто удовольствие. Потому даже здесь, в Пон Л'Аббе, двадцатилетние болтают между собой на языке своих родителей.

Вслед за Андрео мы вошли в дом и сразу очутились в атмосфере, которую в такой ностальгической описывают бретонские писатели. За деревянными столами и около стойки посетители обсуждали местные новости. Увидев нас, они заметно оживились: «Э, да это Андрео! Опять кого-то к нам привел. Мари, принимай гостей!» нас представили самой Мари Подерс, озорной, несмотря на свой почтенный — далеко за восемьдесят — возраст, бигуденке. Одетая она была тишично по-бигуденски: темное платье, шаль на плечах, и, конечно же, чепчик, сверкающий белизной. Вообще, все здесь были одеты по старинке, половина старых моряков так и не перешла на современную обувь, а продолжала ходить в гулко стучающих по кафельному полу деревянных башмаках — «боту коад», как их здесь называют.

Действительно, здесь не слышно было французского. Воспринимать на слух местный говор было трудно, и Андрео не раз выступал в роли переводчика. Без него бы поначалу я не справилась: некоторые фразы приходилось просто угадывать.

— Хорошо вы по-бретонски говорите, — сказали нам, — хоть и не по-нашему, а все-таки здорово. Откуда будете, не из Кемпера, случаем?

— Валери, действительно, из Кемпера, — ответил за нас Андрео. — А вот откуда Анна — догадаетесь!

Имя у меня, как оказалось, типично бретонское. Свягая Анна, бабушка Иисуса Христа, считается покровительницей Бретани, второй святой после Девы Марии. Неудивительно, что бретонских девочек часто называли в ее честь. А ставшую легендой герцогиню Анну, до последнего пытавшуюся отстоять независимость Бретани, помнят и чтут все. Говорю это не для того, чтобы похвастаться, — просто многие из тех, кому меня представляли, не верили, что Анна — это русское имя. К тому же, в отличие от моих японских коллег, мне легко было сойти за местную, я оказалась внешне очень похожей на бигуденку, о чем мне весьма часто сообщали. По акценту, однако, Мари Подерс и ее клиенты определили сразу:

— То, что она не местная, — точно. Не из Кемпера, говорите? — И начали выдвигать гипотезы.

Никто, однако, не попал в точку. Вдоволь повеселившись, Андрео наконец

сказал им, откуда я. Последовали взрыв смеха и вопрос:

— А если серьезно?

В то, что я из России, никто не верил, пока я не показала свой студенческий билет, где, как это принято во Франции, было указано место моего рождения. Естественно, последовали удивленные возгласы и на меня обрушился шквал вопросов. Видимо, я была первой русской в кабачке Мари Подерс. Старых морячков интересовало в основном сельское хозяйство. С грехом пополам припоминая подробности сельской жизни, я продолжала постигать на практике все тонкости местного говора.

В кабачок тем временем приходили новые посетители, здоровались со всеми за руку и присоединялись к разговору. Вновь пришедших с удовольствием разыгрывали: предлагали угадать, откуда я родом. Снова приходилось доставать студенческий билет.

Видимо, наш визит надолго запомнился Мари Подерс и ее клиентам. Андрео часто передавал мне от них привет. Несмотря на свою нелюбовь к чужакам, Мари Подерс с удовольствием встречала (и, я надеюсь, встречает до сих пор) гостей, которых приводил к ней Андрео. В прошлом году у нее гостили корреспонденты валлийского телевидения, которых пригласил с помощью Андрео один университетский преподаватель, валлиец, прекрасно говорящий по-бретонски. Фотография Мари Подерс попала на обложки журналов.

Вообще, в бретонцах меня многое поражаало. Например, свойственная им боязнь незнакомых людей. И не только иностранцев, но и ближайших соседей. Это особенно разочаровывает собирателей фольклора. Часто они никак не могут добиться у какого-нибудь народного сказителя, чтобы он рассказал им сказку или спел песню. Ответ обычно такой: «Зачем вам наши сказки? Ведь вы не из нашего прихода!» В отличие от наших соотечественников, которые готовы порой излить душу случайному попутчику, бретонцы не привыкли просто так заговаривать с первым встречным. Да и со знакомыми разговор часто ограничивается двумя-тремя фразами. На вопрос: «Как дела?» отвечают обычно: «Спасибо, хорошо», если все в порядке, и «Спасибо, в общем неплохо», если дела не клеятся. Рассказывать же о своих заботах и радостях не принято. Такие новости приберегают для очень близких друзей или родственников. С незнакомыми людьми откровенничать

неприлично, а уж сказки рассказывать... Но если вы приходите к человеку раз, другой, третий, постепенно становитесь его знакомым, то, может быть, вам, как близкому другу, он и расскажет какую-нибудь из тех историй, что случились давным-давно.

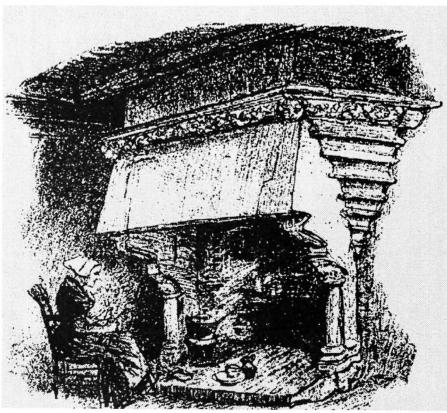
Андрео часто записывает на диктофон разные истории, которые рассказывают ему старички и старушки — им ведь редко когда удается найти благодарного слушателя. Он сетовал, что зачастую бывает очень трудно уговорить какую-нибудь стеснительную бабушку говорить перед записывающим устройством, а если и удается, то порой все ее красноречие куда-то исчезает.

СКАНДАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Как я уже говорила, не все бретонцы любят родной язык.

В том же кабачке у Мари Подерс с нами произошла маленькая скандальная история. Когда я мирно беседовала с одним милым дедушкой, заинтересовавшимся тем, как у нас в России выращивают озимые, а Андрео с Валери выяснили у кого-то местный вариант какой-то песни, в бар вошел нетипичный посетитель. Он был одет по-другому, да и держался не так, как все. Позже мне объяснили, что он работал в торговом флоте и часто бывал за границей, поэтому, вероятно, считал себя культурным человеком и смотрел на окружающую среду с некоторым свысока. Тем не менее он со всеми поздоровался, перекинулся двумя-тремя фразами (по-бретонски, разумеется) со старыми моряками и посмотрел на нас троих.

— А вы тут что делаете, интересно? — спросил он по-французски. Узнав, что мы студентки и приехали сюда попрактиковаться в бретонском, он неожиданно рассердился:

— И как вам не стыдно! А еще в университете! Кто только вас там учит? Молодежь, а туда же... Ну они, — он не очень уважительно указал рукой на завсегдатаев кабачка, — люди необразованные, не понимают, а вы-то должны понимать, на каком языке говорите! Это же фашистский язык!

Мы пробовали что-то возразить, но посетитель продолжал свой прочувствованный монолог:

— Дожили! Теперь бретонский преподают в школах! Хорошо еще не во всех... Да если бы у моих детей в школе преподавали бретонский, я бы забрал их оттуда. Пусть бы лучше совсем без образования остались, чем учили бы этот фашистский язык!

Честно говоря, услышав такое, я просто онемела. Сердитый посетитель удалился, а я решила выяснить у моих друзей, при чем тут фашисты. Вот что мне рассказали.

В любой семье, как говорит пословица, не без уroda. Любое национальное движение, особенно если оно встречает упорное сопротивление властей, может приобретать уродливую форму. Патриоты легко превращаются в шовинистов, а борцы за национальную культуру — в террористов. Было такое и в Бретани. Еще до войны на центральной площади Ренна бретонские террористы взорвали скульптуру, украшавшую здание мэрии. Скульптура, изображавшая колена преклоненную Бретань, отдающую свою свободу Франции, не лстыла самолюбию бретонцев.

Это происшествие, естественно, наделало много шума, как в буквальном, так и в переносном смысле, но несколькими годами позже произошло нечто куда более скандальное: некоторые бретонские писатели, лидеры национального движения, в пику французам, борющимся с фашистскими захватчиками, стали на сторону оккупантов. Этот факт был подхвачен прессой, и, как это всегда бывает, дурная слава распространилась и на всех тех, кто не имел никакого отношения к политике и занимался только языком и культурой.

Давно ушли в прошлое террористические акты, на смену которым пришли забастовки рыбаков и фермеров, но и сейчас, через пятьдесят с лишним лет, у многих словосочетание «бретонское движение» вызывает неприятные ассоциации. До сих пор многие, как тот сердитый посетитель кабачка, уверены, что бретон-

ским языком занимаются только фашисты. Часто можно услышать, как о ком-то говорят: «Он увлекается бретонской культурой... Но он не националист, не думайте, он просто собирает бретонские книги».

ГОВОРЯЩИЕ КОРОВЫ

Бретонцев так упорно убеждали, что их язык недостойн человека, что некоторые считают, что по-бретонски можно общаться только с животными. Как-то я спросила у одной фермерши:

— Вы говорите по-бретонски?

— Что вы? — искренне удивилась она. — Я не говорю по бретонски, а вот мои коровы — другое дело.

— То есть как?!

— Они понимают, когда я к ним обращаюсь по-бретонски — «Домой!», например, или «На луг!». Так они привыкли. А я сама по-бретонски только несколько слов знаю и до девятнадцати считать умею.

— А почему до девятнадцати?

— Я не знаю, как будет двадцать.

Все это показалось мне несколько странным, тем более, что от Валери я знала, что эта женщина выучила французский в школе и не может не помнить хоть чего-нибудь.

— А сколько у вас коров? — спросила я по-бретонски.

— Коров-то? — на том же языке ответила женщина — Двадцать четыре!

Иногда можно переубедить человека. После моих визитов на каникулах мадам Коттен, по-моему, перестала считать бретонский язык чем-то ненужным и некрасивым. По крайней мере, Валери в этом уверена.

Но переубедить — не значит вернуть потерянное. Можно, хоть это и нелегко, доказать людям, что не следует стыдиться собственного языка, но это не значит, что они смогут снова на нем говорить.

Перед нашим отъездом в Ренн семья Коттен решила устроить небольшой обед в кругу ближайших родственников. Собралось несколько человек лет пятидесяти. Видимо, долгие беседы о бретонском языке пробудили в них ностальгические воспоминания, и они решили: за столом говорить только по-бретонски. По-французски — ни слова. Но все оказалось не так просто. Язык, даже родной, с годами забывается. То и дело кто-то забывал какое-нибудь слово и обращался за помощью к окружающим. Через полчаса напряженных усилий всем стало тяжело и неловко. Однако переходить на фран-

цузский первым никто не решился. Положение спас один из младших кузенов Валери, неожиданно появившийся на пороге. «Интересно, — с надеждой спросила его, — а ты говоришь по-бретонски?» — «Каки следовало ожидать, он ответил: «Нет, я кроме двух или трех слов, ничего не знаю». Сидевшие за столом с явным облегчением вздохнули и перешли на французский.

ЗА ЧТО НАС БИЛИ ПО РУКАМ?

Как-то я спросила у Валери:

— А читать по-бретонски твои родители умеют?

— Нет, — ответила Валери, — даже бабушка не умеет. А вот мой прадедушка, ее отец, умел.

— А что если показать им бретонскую книгу?

— Не поймут. Я много раз предлагала им что-нибудь прочитать. Ты ведь видишь, какая разница между тем, как в книгах пишут, и тем, как здесь говорят. И произносится не так, и слова не те.

Действительно, иногда Коттены, забывшие многие слова, спрашивали их у меня или у Валери. Часто мы с Валери употребляли слова из стандартного литературного языка, которых здесь никто никогда не слышал.

— У вас так в университете говорят? — со смущением и опаской спрашивали нас. — Ну, значит, так и надо говорить, а мы, наверно, говорим неправильно...

И больших трудов стоило доказать им, что их живая речь ничем не хуже того языка, который преподают нам в Ренне.

Забавно, что те же самые слова, сказанные тем же тоном, я часто слышу от своего отца-ассирийца, который тоже говорит на диалекте и не умеет ни читать, ни писать по-ассирийски. В свободное время, когда таковое имеется, я стараюсь учить ассирийский по учебнику, с трудом

осваивая ассирийскую письменность. За консультациями, естественно, обращаюсь к отцу. Часто в учебнике знакомые ему слова рекомендуют произносить по-другому, или у них другое значение. И я вспоминаю родителей Валери, когда мой отец в сомнении произносит:

— В учебнике так написано? А у нас по-другому говорили... Может быть, мы говорили неправильно?..

При желании, конечно, те, кто говорят на диалекте, могут выучить литературный язык. На наше кельтское отделение часто приходят люди из тех областей, где в некоторых семьях еще говорят по-бретонски. Поначалу им трудно дается чтение и письмо, но зато в устной речи они оставляют далеко позади своих товарищей, которые начали учиться читать и говорить одновременно. А вот освоить другой диалект, не зная литературного варианта, гораздо сложнее.

Рашель, одна из моих университетских подруг, рассказывала:

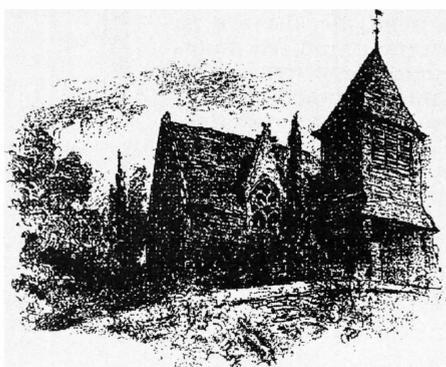
— Как жаль, что моя мама так и не смогла как следует выучить бретонский. Она сама бигуденка, а живем мы в Ваннской области. Она как-то даже записалась на курсы бретонского, но как услышала этот ужасный ваннский диалект — ничего не поняла, как ни билась. Пришлось бросить всю эту затею, хотя она очень об этом жалеет. Если бы она еще читать умела...

Теперь бретонский выучить легко, достаточно записаться на вечерние курсы. В школах он преподается по программе иностранного языка. Существуют созданные не так давно двуязычные школы, и даже шкдлы, где все предметы преподают на бретонском. Другое дело, что практичные и здравомыслящие люди спросят: а зачем его учить? На этот вопрос, мне кажется, каждый должен найти свой ответ. А если уж люди учат этот язык, значит он им нужен.

Пока интеллигенты в городах отправляют своих детей в бретонские школы, на селе по-бретонски говорят разве что с коровами. Долгие годы бретонцам, упрямо сохранявшим свой язык, внушали, что на этом языке говорить неприлично, а теперь энтузиасты пытаются заставить их понять, что без родного языка терется то самое главное, что делает бретонца бретонцем.

Действительно, парадокс. Как сказал один бретонский крестьянин, выучивший французский из-под палки в школе:

— Теперь по-бретонски и по радио, и по телевидению говорят. Стало бггь, нормальный язык, как все остальные... Так за что же нас по рукам били?

ОСЕРДЯСЬ, ОН СБРОСИЛ УКАЛЬ

*В воздухе кружила песня вместе с
белесыми завитками дыма,
шедшего из курильницы
с ладаном. Голос певца жаловался:
«Отчего же ей не постучать
у моих дверей?»*

*Краткий аравийский закат
удлинял тени.*

*— Микаиль, — говорил мне мой
старый друг Саид, — что ты все
расспрашиваешь о нашей одежде?
Что ты о ней записываешь? Эта
тема не для мужчины, а для
бабы. Черта ли в ней, в одежде?
Дело в сердце. Понять же наше
сердце может лишь тот,
кто постигнет жалобу этого дана¹
и заплачет над ним.*

*То ли дым был едок, то ли ветер
поднял песок, только в глазах у
меня и впрямь зашипало.*

Саид отвернулся.

*— Ладно, — сказал он. — Пиши хоть
и про одежду. А я буду тебя
поправлять.*

ОТ ПЕЛЕНОК ДО САВАНА

Как говорили арабские мудрецы: если тело человека есть храм, то платье — лучшее украшение этого храма. Впрочем, первая же встреча с действительностью в Аденском международном аэропорту вызывает совсем другие сравнения. В адской духоте кружатся босоногие мужчины в выцветших юбках или униформе цвета хаки, палестинских платках, армейских фуражках, тюрбанах. Степенно плывут черноокие женщины, закутанные в черное с головы до щиколоток, выставив напоказ тонкие пальцы, крашенные желтым корнем и расписанные хной; тут же их энергичные сестры в джинсах и мини-юбках. Пахнет бензином, ладаном и пылью. В таком Вавилоне кажется неуместным даже разговор о традициях. К счастью, это всего лишь первое впечатление.

Чем дальше от Аденского аэропорта, тем живее старина. Особенно если перенестись в глубинку на самолете внутренней авиалинии. В пустыне воздух здоровей и суше, а люди не забыли еще древний закон. Здесь не встретишь женщину с голым лицом.

Выходя из дома, она обязательно наденет покрывало-маску из черного панбархата и широкое платье из той же материи; сзади у него шлейф — по-местному «хвост» — а на подоле вырез чуть ли не до колен. Женщины в хвостатых платьях пасут овец и коз, работают в поле и даже взбираются на финиковые пальмы. Мужчины носят юбки, перехваченные широким брезентовым поясом с кармашками, сандалии на босу ногу и головной платок. Дети же щеголяют в тайваньском или сингапурском ширпотребе из ближайшей лавки. Можно встретить девушку в балетной пачке, играющую у порога жилого дома-башни, или у бедуйского шатра наткнуться на маленького кочевника в мундире опереточного генерала.

Одежда начинается с пеленок. Амuletы и ладанки защищают младенца от всякой напасти — злого глаза и нечистой силы. Чресла перепоясаны кожаным шнурком или бечевкой. И все. Так и щеголяет малыш до тех пор, пока не начнет понимать слова. Слова же, как известно, объясняют, что такое хорошо и что такое плохо: стыдно при всех обнажать наготу свою, надобно быть скромным и послушным, да вот не всегда получается. Лет в десять-двенадцать мальчик одет уже как взрослый. Девочка того же возраста появляется на людях в длинном темном платье, но пока еще с открытым лицом. Талию перетягивает широкий серебряный пояс.

— Ты что, никогда не видел золота на наших женщинах, Микаиль? — спрашивает Саид.

Конечно, видел. Лет тридцать назад южноаравийцы, работавшие в нефтяных районах арабских стран, привезли оттуда пристрастие к золоту. До того обычай предпочитал белый «металл Луны» желтому «металлу Солнца». Так было в древние времена, так было и на памяти старшего поколения, когда чуть ли не единственным средством платежа в этих местах служил австрийский серебряный талер Марии-Терезии. Серебро — закон предков, золото — нововведение. Велик соблазн считать реальную

картину мира случайным или злонамеренным искажением некоего идеала. Но чистых культур не бывает, поэтому первая заповедь для этнографа «в поле» — не увлекаться реконструкциями, а описывать то, что видишь.

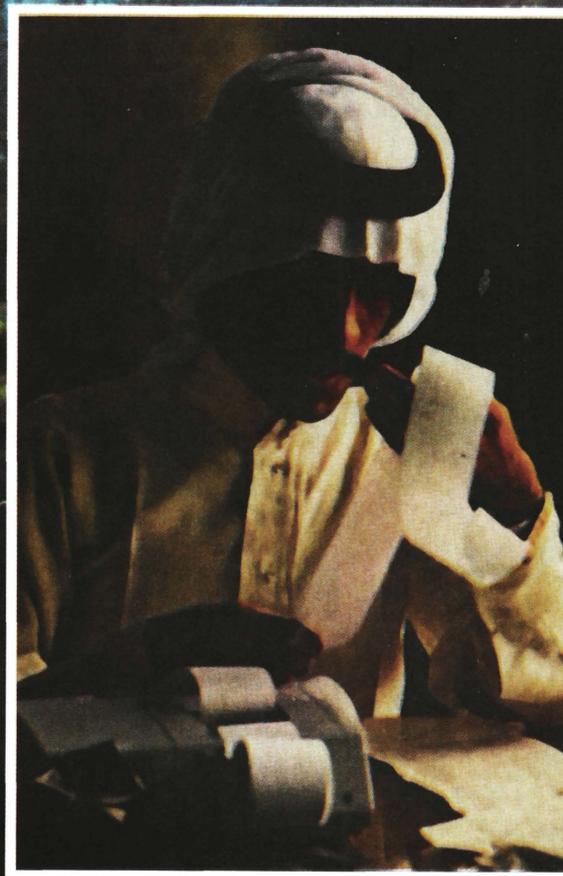
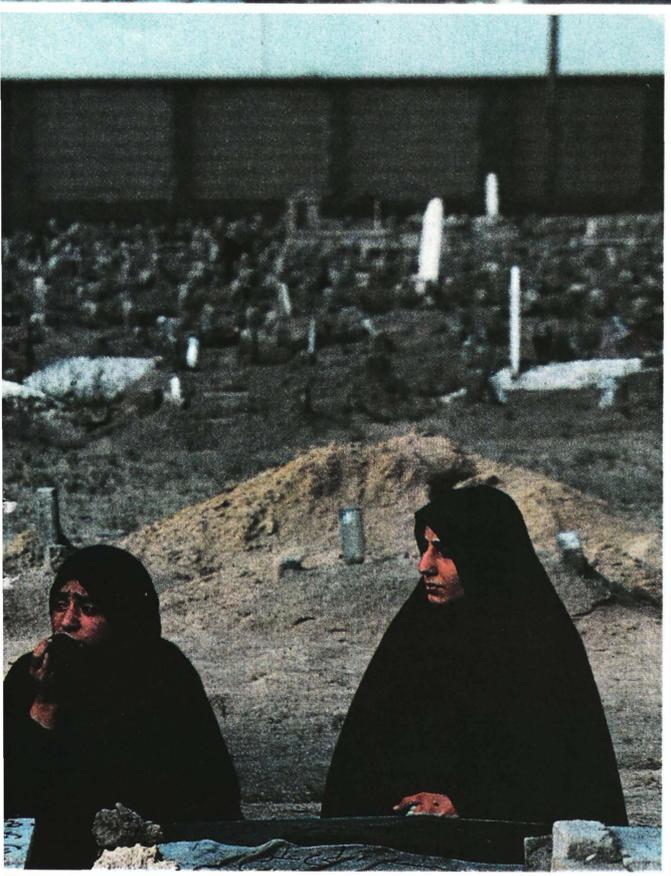
Итак, мужчина в Южной Аравии носит юбку. Это может быть дешевый саронг из Индонезии, где их производит какой-нибудь хадрамаутский эмигрант, или дорогой пестротканый шейдер, изготовляемый на горизонтальной раме умельцами из города Шихр.

В разных местах Арабского мира одним и тем же словом могут обозначаться разные предметы гардероба. В Адене шейдер — это просторное женское одеяние из блестящей материи, а уже километров на триста восточнее этим словом называют мужское опоясание — не застегнутое сбоку по всей длине полотнище, вроде саронга (еще его называют «фута»), а продолговатый кусок ткани с кистями и узорами. Местные краеведы усматривают в этих узорах полумесяц и солнце, профиль орла и семисвечник, змею и разные доисламские буквы.

Есть множество способов повязывать шейдер в зависимости от того,

¹ Дан, или дана-дан — жанр лирической песни-импровизации, популярный на юге Йемена. (Прим. ред.)

На этой фотографии мы, конечно,
не могли показать все разнообразие
арабского костюма.
Здесь представлен только Йемен,
да и то только часть.
Вы видите собравшихся отдохнуть
женщин — только женщин! —
поэтому лица их открыты.

куда отправился его хозяин — на прогулку в долину или в горы, на войну или на базар.

— Смотри, — говорит мне Саид, — нашему Салиму предстоит трудная дорога, видишь, он повязал свой шейдер по-горному...

Юноша, зрелый мужчина и старик одеты почти одинаково. Зато женская одежда не скрывает возраста своей хозяйки. У девицы на выданье черное платье лишено украшений. На свадьбу невеста надевает ярчайшее платье, расшитое всевозможными узорами, украшенное ракушками каури, блестками, серебряными монетами, шелковыми мешочками с кардамоном и даже кисточкой, срезанной с козлиного хвоста. После свадьбы молодая женщина ходит в черном платье с геометрическим орнаментом на груди и на спине. Квадраты и ромбы, вышитые серебряной нитью, образуют разнообразные звезды, в которых местная традиция видит сказочных птиц. С годами орнамент становится все скупее и скупее. Наряд женщины в летах уже мало чем отличается от девичьего.

Объяснить это нетрудно. Узор призван не столько украшать, сколько оберегать носителя одежды. От злого глаза помогает изображение недреманного ока. Звезды же, раковины каури (напоминающие женский детородный орган) и особенно шерсть с хвоста козла должны способствовать плодovitости, обеспечивать обильное и здоровое потомство. Вот почему орнамент, столь естественный на одежде продолжательницы рода, неуместен и неприличен на платье девицы, только вступающей в жизнь, или старухи, стоящей на пороге смерти.

На Юге Аравии тех, кто покидает сей мир ради жизни будущей, не обряжают в парадное платье, ибо голым приходит на землю человек и голым отправляется в нее. Усопшего заворачивают в саван — грубую неокрашенную хлопчатобумажную ткань. Обычай требует, чтобы саван для женщин был не больше и не меньше, чем в тридцать локтей и оборачивался вокруг тела двумя оборотами. Из этого же куска идет материя на рубаху, накидку и головное покрывало. Мужской саван, в двадцать четыре локтя, трижды охватывает покойного, а саван для ребенка рассчитан всего на один оборот — пять локтей.

«МОЯ ДВОЮРОДНАЯ СЕСТРА — МОЯ САНДАЛИЯ»

Одежда не только хранит от напастей, но и позволяет наглядно выражать различные чувства и отношения. Для этого особенно хороши головные уборы и обувь. В русской культуре чаще всего говорят о шапке: «не по Сеньке шапка», «шапочное знакомство», «шапками закидаем», «А еще шляпу надень...» У арабов многие вещи понимаются совсем по-иному, чем у нас. Мы обнажаем голову из уважения, благочестия и скорби. У них — это жест отречения и вызова. Если араб в традиционном головном платке сбрасывает наземь укаль — шерстяной шнур, удерживающий платок на темени, это значит, что ссора вот-вот перейдет в поединок.

У этнографов имеется на сей счет теория, объясняющая вышесказанное тем, что семиты — арабы и евреи — с особым пиететом относятся к волосам. Головной убор должен закрывать волосы, а если они не покрыты или срезаны — вспомните ветхозаветного Самсона! — это опасно для жизни. Народное чувство и у славян и у семитов подозревает в длинных волосах какую-то избыточную силу: недаром женщина входит в православный храм с покрытой головой, а мужчина только с обнаженной. В сиенагоге же или в мечети набожные мужчины и женщины предстают перед Богом только в головных уборах.

— Ты же знаешь, что это правило мусульмане соблюдают не всегда! — вмешивается Саид.

Конечно, в наши дни встречаются исключения. Особенно когда обязательная молитва совершается вне мечети, или если эта мечеть «домашняя», нечто вроде клуба соседей по улице.

У нас к головному платку приросло определение «бабий», но для жителей Южной Аравии платок, как и юбка, — одежда для мужчин. Конечно, женщины покрывают голову и плечи ажурными черными «нукбами», но настоящий платок всегда мужской, и способ носить его существует не меньше, чем вариантов бедуинского шейдера. По-особому его повязывают в горе и веселье, в пути и на привале, в холод и пыльную бурю, в бою и в мирное время.

Платки бывают белые и черные, зеленые и золотистые, пестрые, с разноцветными кистями и бахромой. Зато сандалии почти все одинаковы, разве что одни по старинке делают из кожи, а другие — из резины. Их скидывают у двери, ведущей в жилище, так что, если гостей скопилось немало и все они уходят разом, найти свою пару не очень-то легко. Вот тут и начинаются различные символические манипуляции. Гостю нежеланному, назойливому или нарушающему обычаи могут перевернуть сандалии подошвой вверх. Это значит, что от новых визитов лучше воздержаться. С теми же, кто не понимает намеков, может приключиться история вроде той, что рассказал мой приятель Саид:

— Что это за отцы коротких штанов¹ приехали к нам в долину Хадрамаут? Никто из нас не понимает их языка и не знает их страны. Они не носят юбку, как прилично мужчине, или длинные брюки, как подобает школьнику, солдату и чужеземцу. Наши женщины стали смеяться над ними и прятаться от них. Отцы коротких штанов ходят повсюду гуртом, словно овцы, и в таком позорном виде посещают наши башни, кладбища, дома султанов и жилища отпрысков Пророка. Перед входом в квартальную мечеть Аллаха все-таки надоумил их снять кроссовки. Пока они шурились в сторону Мекки, наши дети перевернули их обувь! Но отцы коротких штанов будто бы не поняли столь

¹ Слово «отцы» — красочный оборот, присущий семитским языкам (также можно сказать «сыновья»), — обозначает в данном случае «владельцы», «носители». «Отцы коротких штанов» следует понимать как «короткоштанники». (Прим. ред.)

ясного намека и в дерзости своей направились прямо в соборную мечеть. Выйдя из нее, они осознали, наконец, всю меру нашего возмущения: ведь их туфли исчезли! Босые и пристыженные, потупив взоры, зашли они в свой автобус и больше из него не показывались до самого отъезда. Ты знаешь, у нас не воруют, и от отцов коротких штанов мы ничего не хотим. Никто не позарился на их имущество, их кроссовки просто сбросили в пропасть.

С помощью обуви можно наглядно выразить отказ от своих прав или притязаний. Так, по древнему обычаю, двоюродный брат имеет преимущественное право жениться на своей двоюродной сестре. Ему делается скидка при выплате брачного выкупа, и никто другой не может взять в жены девушку без его разрешения. Чтобы показать, что он не возражает, устраивалась такая церемония, кое-где сохранившаяся до сих пор, — кузен сбрасывал с ноги обувь, приговаривая:

— Моя двоюродная сестра — моя сандалия, я отказываюсь от нее.

Такая традиция, вероятно, имеет общесемитское происхождение. Достаточно обратиться к ветхозаветной «Книге Руфь», где благочестивый израильтянин Вооз получает право купить земли покойных Елимелеха и двух его сыновей, а также жениться на вдове одного из них, моавитянке Руфи, «чтобы оставить имя умершего в уделе его и чтобы не исчезло имя умершего между братьями его и у ворот местопребывания его» (Глава 3, стих 10). Это право передает Воозу более близкий родственник усопших, сняв сандалию (в русском синодальном издании «сапог»). И в тексте поясняется: «Прежде такой был обычай у Израиля при выкупе и при мене, для подтверждения какого-либо дела: один снимал сапог свой и давал другому (который принимал право родственника), и это было свидетельством у Израиля» (Глава 3, стих 7).

А еще, если человек ходит, приволакивая ноги, в шаркающих сандалиях, значит он пренебрежителен и осторожен: шуршащие звуки отпугивают ядовитых змей и скорпионов.

ПО КИНЖАЛУ ВСТРЕЧАЮТ

На Юге Аравии редко судят о человеке по одежке. Никто не старается поразить окружающих пышностью или необычностью своего наряда. И когда живущие на плоскогорье мужчины племени сайбан носят в холодное время алые шерстяные шали сочного карминного оттенка, то делают это не для того, чтобы произвести впечатление на соседей, а просто потому, что здесь так принято.

Кстати, было бы неверным утверждать, что в мире традиционной одежды нет места изменчивой моде. За восемь лет, что я бываю на юго-востоке Йемена, традиционный крой женских черных платьев, конечно, не изменился, но в моду вошел «жатый» панбархат с рельефным узором и отделкой из тонкого золотого жгута. Появились ажурные лицевые покрывала-сетки, подражающие старым покрывалам-маскам. А сколько раз менялись головные платки у мужчин!

То в моду входили палестинские шмахи — черно-белые или бело-красные, то сделанные на заказ в Японии белые платки с вышитой в уголке волшебной птицей, то индонезийские, черные с кистями, придававшие мирным шоферам обличье кровожаднейших из пиратов.

Тут тоже есть мода, но развивается она по-своему. Дело еще в том, что в традиционной одежде жителей Южной Аравии отражалась их принадлежность к той или иной социальной группе. Свои отличия у потомков Пророка, ученых шейхов и людей из племен, а также у купцов, крестьян, ремесленников и других неполноправных «слабаков» — слуг и рабов. Так, белые одеяния носили женщины «из дома Пророка». Представители племенной группы имели право носить оружие. Редкий племенник, выходя из дома (из шатра, из пещеры), не прихватывал с собою фитильный мушкет, английский карабин или немецкую маузеровскую винтовку. До сих пор на юге Аравийского полуострова хранится такое количество старого стрелкового оружия любых марок, что его хватило бы не на один оружейный музей.

И все же сословные различия в одежде — особенно в племенах — мало бросались в глаза, а в наш-то век заметны и того меньше. Важно не как одет человек, а какое место занимает он за общей трапезой или на общем сборе; важно как он держится, как смотрит, как говорит.

И еще важен кинжал — кривая широкая джамбийя. На юге Йемена, если перед вами мужчина с кинжалом, значит, он вождь племени. На севере, где джамбийю носят многие, все дело в ее месте на поясе: висит справа, значит, большой человек, висит посередине — достойный человек, висит слева — тоже достойный, но почета ему меньше, чем первому и даже второму.

О социальном положении может говорить не только кинжал. Например, в Египте при короле Фаруке египтянин в длиннополый рубахе галабие слыл человеком второго сорта, деревенщиной. При входе в большие рестораны и кинотеатры Каира висели уведомления: «В галабиях вход воспрещен». Только после свержения монархии рубаха была наконец реабилитирована.

В Омане и Саудовской Аравии, напротив, белая рубаха до пят с длинными рукавами, шилаха, или дишдаша, считается самой достойной одеждой в отличие от «неприличной» мужской юбки. Аденский прокоммунистический режим тоже пытался бороться с юбками, запрещая таксистам и клеркам носить их в рабочее время. Но за-

щитная роль у мужчин прямолинейна — защищает тело от зноя и холода. (От всего остального мужчины защищаются оружием). Женская одежда оберегает свою хозяйку прежде всего орнаментами и узорами. Их всего больше там, где самые уязвимые места — на спине, у шейного выреза и на подоле, на плечах и под мышками. Хорошим оберегом служит и анонимность женского наряда: нечистая сила и лихой человек вряд ли отличат одну черную фигуру с закрытым маской лицом (то есть безличную, без лица) от другой, замешкаются и не успеют навредить.

Почти во всех культурах мужские и женские свойства противопоставляются, но цепочка таких противопоставлений может быть очень неожиданной для тех, кто считает свою культуру единственно правильной. Вспомним о мужских юбках и платках.

Гнев, скорбь, радость, заключение договора или сделки — все это с успехом можно выразить с помощью головного убора, сандалии, веера или платка. Я говорил уже о месте кинжала на поясе. Из этого следует, что и в южноаравийской культуре действует универсальное предпочтение правого (высшее место) левому (нижнее место). А промежуточная позиция остается за золотой серединой. Другая увлекательнейшая тема, прямо связанная с одеждой, — канон и мода. Насколько вообще застойно и неподвижно традиционное общество?

Вот несколько проблем и вопросов, над которыми стоит подумать. Кто знает, быть может, найдутся и достойные ответы.

ВВЕДЕНИЕ В ОДЕЖДОВЕДЕНИЕ

На всякую вещь под солнцем (и под луною) есть своя наука. Насекомых, почтовые марки, звезды, вирусы и предметы туалета объединяет то, что всех их можно собирать, рассматривать, обобщать и делать выводы.

Говорят и пишут о Человеке разумном, Человеке умелом, Человеке играющем. Но, будучи разумным, умелым и даже играющим, он вместе с тем Человек одетый, даже если наг и бос. Ведь отношение к обнаженному телу, положительное или отрицательное, сразу же дает живое представление о временах и нравах. Даже там, где обычный костюм был гораздо скуднее набедренной повязки и состоял меньше чем из двух-трех перьев — например на Огненной Земле, — люди часами покрывали свое тело сложнейшими росписями, чтобы выглядеть одетыми. Кстати, в Южной Аравии этот обычай сохранился у женщин, расписывающих тело хной от ладоней и лба до пупка и пят (в идеале должен получиться образ перевернутого древа — корни на лбу, листья и ветви — на животе).

В моих заметках речь шла о нескольких важных ролях одежды. Ее

защитная роль у мужчин прямолинейна — защищает тело от зноя и холода. (От всего остального мужчины защищаются оружием). Женская одежда оберегает свою хозяйку прежде всего орнаментами и узорами. Их всего больше там, где самые уязвимые места — на спине, у шейного выреза и на подоле, на плечах и под мышками. Хорошим оберегом служит и анонимность женского наряда: нечистая сила и лихой человек вряд ли отличат одну черную фигуру с закрытым маской лицом (то есть безличную, без лица) от другой, замешкаются и не успеют навредить.

Почти во всех культурах мужские и женские свойства противопоставляются, но цепочка таких противопоставлений может быть очень неожиданной для тех, кто считает свою культуру единственно правильной. Вспомним о мужских юбках и платках.

Гнев, скорбь, радость, заключение договора или сделки — все это с успехом можно выразить с помощью головного убора, сандалии, веера или платка. Я говорил уже о месте кинжала на поясе. Из этого следует, что и в южноаравийской культуре действует универсальное предпочтение правого (высшее место) левому (нижнее место). А промежуточная позиция остается за золотой серединой. Другая увлекательнейшая тема, прямо связанная с одеждой, — канон и мода. Насколько вообще застойно и неподвижно традиционное общество?

Вот несколько проблем и вопросов, над которыми стоит подумать. Кто знает, быть может, найдутся и достойные ответы.

Но есть и загадки, к которым пока не поймешь как подступиться. Например, почему на Севере Арабского мира так не любят широкополые шляпы и поговаривают, что в них залез шайтан, а на Юге Аравийского полуострова их носят как ни в чем не бывало?

Я наскоро перевел Саиду эти заметки.

— Конечно, со стороны кое-что виднее, — сказал он. — А на вопросы твоего «одеждоведения» мы тоже подумаем как ответить. Ведь кочевник пустыни не глупее этнографа или журналиста, правда, Михайль?

— Разумеется, — поспешил я согласиться. — Но ты обещал поправлять меня, однако не стал.

— Зачем? — улыбнулся Саид. — Вспомни мои слова: главное не одежда, главное — сердце.

ДИЛИЖАНС

С июля 1995 г. начинает выходить новый ежемесячный журнал «ДИЛИЖАНС».

Это увлекательный молодежный журнал, в котором обо всем на свете пишут сами подростки. Разные истории, путешествия, музыка, видео, мода, мистика и спорт — все самое интересное глазами молодых корреспондентов. «ДИЛИЖАНС» приглашает всех желающих сотрудничать в новом журнале.

По вопросам приобретения журнала обращайтесь в отделения связи.
Подписной индекс 72777.

СНОВА НА ПОЛЮС

Владимир ЧУКОВ
Фото Виктора РУССКОГО

Дневник руководителя экспедиции

6 апреля. За ночь мороз и ветер немного уплотнили снег. И хотя гряды торосов огромные, но, то переходя на «челнок», то на пеший ход, за два с половиной часа мы преодолели основную, можно сказать, непреодолимую зону торосов и теперь петляем по разбросанным пяткам ровных заснеженных льдин.

Перед самой остановкой на обед уперлись в гигантскую ледовую гряду. За ней — ровные поля, и, конечно, встать лагерем хочется по другую сторону этого вала.

Пробуем пройти без санок и лыж. Глыбы, в рост человека каждая, нагромождены в несколько ярусов, слегка прикрыты снегом и — сказочно красивы. Предчувствуя близкий обеденный отдых, взбираемся по этим гигантским ступеням и, только глядя сверху, обнаруживаем, что спуск по другую сторону гораздо сложнее. С санями его не преодолеть — разобьешь в дым.

Одни кое-как спускаются, другие, услышав, что их ждет впереди, возвращаются и ищут проходы в другом месте.

Вторая ходка с санями без лыж напоминает нам о свердловчанах. Нам их искренне жалко. Мы шагаем по глубокому снегу, пытаюсь обойти гряду справа. Наконец нам это удается. Рюкзаки и лыжи остались где-то метрах в 300-х слева, но намеченную задачу выполнили — обедать будем на краю хорошего ледового поля, и впереди, насколько видит глаз, дорога ровная. Это, пожалуй, самый лучший для нас подарок.

8 апреля. Сегодня наша широта $83^{\circ} 31'$. Медленно, но верно движемся вперед. Все чувствуют себя отлично. И тем не менее, идем все же медленнее, чем в прошлые годы. Пытаемся понять — почему? А причина простая. Ташим очень много лишнего и ненужного, взятого каждым лишь потому, что с этим он ходил много лет, привык. Какие-то меховые трухи, овчинные рукавицы, превратившиеся в куски льда, тяжеленные свитера, какая-то обувь, похожая на тонкие валенки...

А уж если говорить об упаковках, то здесь вообще резервов непочатый край. Какой раз кляню себя за то, что

на острове Среднем перед стартом не удалось все проверить самому.

С продуктами картина похожая. Взятго должно быть на 70 дней, но, видимо, не обошлось без небольшого запаса дней эдак на десять.

В очередной раз обращаюсь к массам с призывом расстаться с лишним барахлом, к завхозу — с предложением не слишком экономить продовольствие, чтобы не оставлять его потом на Полюсе. В обед решено распороть синтепоновую накидку, которой мы укрываемся поверх спальников, и наконец выдрать из нее один безнадежно промороженный слой.

12 апреля. Дорога по-прежнему тяжелая, петляем среди торосов, правда, все препятствия преодолеваем с ходу, без «челноков» и задержек.

За обедом вновь знакомая до боли картина. Народ ремонтирует сани. Кризис, как говорится, миновал, и теперь речь идет не о том, чтобы сохранить сани, а о том, чтобы заставить их лучше скользить.

Вася отвязал лыжи, Андреич подновляет «чешую», Виктор Владимирович все чаще жалуется на плохое скольжение, но ремонтом его саней занимаются другие. Я предложил ради интереса поменяться санями, чтобы можно было сравнить, как скользят мои, но что-то отклика с его стороны не встретил.

Безропотно тянут свою лямку два Ивана да Виктор Иванович, которому как-то удалось сохранить свои сани практически без повреждений.

Мои бронированные — настоящий бульдозер, но зато держатся и ремонта пока не требуют.

Вчера по радио от Васи Ленкова узнали, что Мишуря остался практически без бензина и продуктов, с промороженным спальником. При мысли о подобной ситуации, в которой сейчас находится японец, становится не по себе. Без тепла и еды тяжело. Я бы даже сказал более, чем тяжело...

После обеда выходим к широкой полосе совсем молодого льда. Разводья еще парят, простираясь строго с востока на запад. Пробую осторожно двигаться вперед, сняв рюкзак и положив его на сани. Но и это не помогает. Ближе к противоположному берегу лед совсем тонкий. Дальше и вовсе блестит полоса открытой воды.

Окончание. Начало см. № 5 /95

Вперед хода нет. Возвращаюсь. Решаем двигаться вдоль полыньи к востоку. Медленно шаркаем по раскисшей соли. В голове вертятся какие-то философские мысли о том, что же все-таки тянет нас в эти края.

Конечно, у каждого свой ответ, но вот свой я найти так и не смог. Случай особый. Эти ощущения почти постоянной тревоги, нередко даже страха, были пережиты здесь уже не раз, но тем не менее я снова здесь и чувствую, что на своем месте.

Бывают моменты, когда ловишь себя на мысли, будто видишь все происходящее на льду как бы со стороны, будто происходит все это с кем-то другим, а ты только наблюдатель. Странное, даже неприятное ощущение.

Как-то в разговоре с Иваном Федоровичем услышал от него: «Не могу представить, как можно решиться на все это еще раз, когда знаешь, что тебе здесь предстоит пережить. А ты идешь уже в третий...»

Незаметно появились признаки возможного перехода. Пробую. Удачно. Через полтора часа мы уже на другой стороне, и вновь эта полынья сразу же перестает для нас существовать. Все внимание сосредоточено только на том, что впереди.

Еще два часовых перехода, и мы встаем лагерем в чистом поле. Температура — минус 25⁰ С, легкий юго-западный ветер.

Со Среднего пришли новые известия о японце. Вчера в 3 часа ночи его подобрали диксонские вертолетчики и перебросили на 89-ю параллель, где развернута временная база для обеспечения очередной парашютной экспедиции на Северный полюс.

Норвежец где-то на подходе к 87 градусу.

14 апреля. Вчера пересекли 84-ю параллель. До Полюса еще, как до Питера, но ощущение такое, будто он уже совсем близко...

Вчерашний переход окончательно доконал мои сани. Их нос раскололся, как грецкий орех. Появились две трещины, одна продольная, по днищу, и вторая, «от уха до уха», по шву, соединяющему верхнюю и нижнюю половинки. Поднялся с дежурными пораньше и занимаюсь ремонтом на улице. Объем работ большой. Приходится накладывать «шины», сшивать все капроновым репом.

Однако ловлю себя на мысли, что тех ледящих душу ощущений, которые испытывали мы в первые дни при виде пробитых саней, уже нет. Мы не сомневаемся, что сани дойдут. Самое тяжелое, безусловно, уже позади.

Прошу ребят, чтобы меня не дожидались и начинали движение. Я догоню.

По проложенной дороге идетесь легко. Когда идешь последним, а впереди маячат точки ребят, двигающихся точно по курсу, хоть ненадолго, но спадает постоянное ощущение напряженности и какой-то необъяснимой тревоги. Так что это очень полезное и необходимое «лекарство».

Но вот вновь горизонт по нашему курсу начинает наливать чернотой — «водяное небо».

Удастся ли нам сегодня обойтись без разводьев? Избавь нас, Господи, от большой воды! Сейчас это самое для нас тяжелое.

19 апреля. Здесь, на льду, наши дни похожи друг на друга, словно близнецы. Уже выработалась определенная схема действий. Все первые переходы — за мной, первый утренний и первый послеобеденный. Объяснение очевидное — чтобы выйти из тепла палатки, нужно сделать над собой определенное усилие. Каждому хочется хоть на мгновение продлить блаженное состояние, и кому, как ни начальнику, брать на себя роль «добровольца».

Второй и третий переходы за Василием или Виктором Владимировичем.

Часто подключаются Борис Дмитрич и Иван Кужеливский. Тогда можно на ходу немного экономить силы, отвлекаться от постоянной задачи — держать курс, выбирать дорогу в частоколе торосов.

В этот день вновь пошли разговоры о том, что хорошо бы «рвануть» и сегодня вечером отпраздновать пересечение очередной параллели.

Боря Малышев, хоть и знает мое отношение к «гонкам» в Арктике, во время обеда все же подкатывается ко мне с этой идеей: «А что, Семеныч! Давай установим приз за каждый новый градус — двойной вечерний глинтвейн. Приготовление беру на себя, а с завхозом договоримся».

Сказано в шутку, также в шутку я поддержал идею. Зачем отказываться от дополнительного стимула? А 85 широта — это уже не шутка, а хороший результат. Тем более, что погода великолепная, дорога тоже. Легкий морозец и небольшой ветерок в спину — о лучшем нечего и мечтать.

Начинаю, как всегда, первым. Мой «дредноут» деловито плывет следом за мной среди редких невысоких торосов. Через четверть часа дорога начинает портиться, торосов становится все

больше. Вскоре пошли свежие, почти незанесенные снегом торосы, а, вернее, поля перемолотого льда и комьев жесткого, смерзшегося снега. Сани стонут, лыжитрещат, ноги выворачиваются, но все же пока еще идем.

В голове только одна мысль — ну как же тебя угораздило согласиться на какие-то гонки и рекорды? Сколько уже раз за все годы, проведенные в этих краях, Арктика предупреждала нас, что этот мир не для состязаний или социалистических соревнований и обязательств. Арктика принимает только тогда, когда ты осознаешь всю бессмысленность по отношению к ней таких понятий, как покорение, победа, рекорд.

Ни покорить, ни победить Арктику невозможно — ни на лыжах, ни на

Все! Это Полюс! Тот самый, к которому все мы так долго стремились и так долго шли.

Кто — 64 дня, а кто-то — многие годы...

атомных ледоколах. Это противостоит естественно. Арктику можно только попытаться понять, и если она тебе поверит, то пропустит, даст дорогу. А если не поверит или увидит в твоих действиях фальшь — напрасны будут все твои усилия.

Вскоре подобрались к самому разлому, по которому идет торосение. Края его настолько всторошены, что с нашим грузом перескочить через канал по шевелящимся округлым глыбам просто невозможно.

Сбросив рюкзак и отцепив сани, пытаюсь найти хоть какой-то способ перебраться на противоположную сторону.

Два часа эквилибристики на краю перемяющихся всторошенных полей результатов не принесли. Похоже, Арктика не на шутку возмутилась нашей выходкой и решила еще раз ткнуть нас носом, как проштрафившихся щенков. Остается только принять все как есть и не делать в этом отчаянном положении новых ошибок.

Метрах в четырехстах нахожу обломок старой, ровной льдины, на которой можно поставить палатку. В несколько приемов перебираемся на этот островок, стиснутый со всех сторон ледяными горами.

Рядом с нами — искрящийся на солнце обломок льдины, высотой в два человеческих роста, похожий на гигантскую руку с поднятым указательным пальцем. У всех одна ассоциация — это Арктика напоминает нам, что мы здесь гости и не должны забывать об этом. Как ни странно, этот знак-предупреждение словно придавал нам спокойствия и уверенности. Кажалось, мы поняли, чего от нас требует Арктика.

20 апреля. К утру по льду развело метров на 300-400. В обе стороны до горизонта открытая вода...

С большим трудом, прорубая во льдах путь ледорубам, выбираемся из своего ледового логова. Идем почти строго на восток, немного удаляясь от полыньи, — вдоль нее слишком тяжелое торошение. Идем по смерзшейся ледяной каше, выворачивая ноги на колдобинах и терзая сани об острые края льдин.

Часа через два останавливаемся. Разведка приносит грустную информацию: пространства открытой воды отходят дальше к югу, там, откуда мы пришли, похоже, тоже все расплодилось. Вода постепенно затягивается молодым льдом, но когда он окрепнет — сказать сложно.

В подобной ситуации продолжать движение бессмысленно. Остается одно — останавливаться и ждать.

21 апреля. Ночью несколько раз выбирался из палатки, проверял молодой лед.

К утру ситуация улучшилась. Движение замедлилось, лед окреп. Есть надежда перескочить полынью по восторощенным перемычкам и наслоениям тонкого льда.

Выходим. Я — с санями Малышева, Дмитрич — с моими, но без лыж. Решено их выбросить.

Минут за 20 удалось перескочить через полынью по перемещающимся полям молодого эластичного льда. Кое-где его толщина явно не дотягивала до нормы, но другого выхода не было.

Похоже, вновь вошли в режим. До обеда без особых приключений сделали четыре перехода. Правда, избежать приключений удалось просто чудом.

На одном из переходов, когда вел Шарнин, путь пересекла неширокая трещина с тонким ледком. Виктор Владимирович, не задумываясь, ступил на него и, чудом не провалившись, перешел на другой берег. Я едва успел остановить Ивана Федоровича, который уже сунулся следом в это гиблое место.

Виктор Владимирович что-то недоволен бурчит. Мол, занимаемся ерундой, перестраховываемся. Вступить в дискуссию нет ни времени, ни желания. Ведь невооруженным глазом видно, что, если не под первым,

так под вторым или третьим, этот мостик просто исчезнет! К тому же всего метрах в 50 левее трещина смыкается, и можно без всякого геройства спокойно идти дальше.

Сегодня прошли неплохо. Норму выполнили сполна — позади оставили еще одну параллель, 85-ю.

29 апреля. Вчера вечером отметили пятую годовщину смерти Александра Рыбакова, участника нашей первой автономной полярной лыжной экспедиции 1989 года. Он скончался на широте 88° 42' от острой сердечной легочной недостаточности, не дойдя до полюса 140 километров...

Второй день идем по тонкому, десятисантиметровому льду и разломам. Странно подумать: если оказаться в этих местах во время подвижек или открытой воды, где искать спасения?

Влетели в зону свежих трещин. Вода открытая, даже не покрыта «салом». Похоже, начались подвижки. Лавируем в лабиринте только что появившихся разломов и выходим к большой воде. Ширина 100-120 метров. По всем признакам, лучше идти влево. Там больше нагромождений льда, а значит и выше вероятность встретить ледовые перемычки, которые возникают при перемещении полей.

Минут через 30 подошли к «ключевому» месту. Можно перебраться через трещину, но тогда, вполне вероятно, окажемся на острове. Если упустить время, то через пару минут будет поздно и останется только продолжать обход.

Переходим! Минут 15 движения — и убеждаемся, что не ошиблись. Полынья начинает «выдыхаться», дробиться на отдельные рукава, которые уже можно преодолевать. Единственная проблема — разобраться, стоит ли пересекать все эти трещины? Ведь их общее направление почти на север.

Так, играя в эти шахматы без правил, медленно продвигаемся вперед в окружении трещин и разломов с открытой водой. Только под самый вечер удалось-таки выбраться из этой гигантской паутины. Дорога постепенно наладилась.

На ночевку встали прямо на свежих следах песка, который, кстати, тоже шел на север...

30 апреля. Солнечная погода, легкий северо-восточный ветер, мороз 25 градусов. Рабочий день постепенно подходит к концу. Последний переход. Движемся в приличном темпе, дорога хорошая, ровная.

Вдруг — как ушат холодной воды на голову. Без всяких видимых признаков перед самым носом поперек нашего пути — свежая черная трещина шириной 15-20 метров. Вода совершенно чистая, чувствуется, что трещина образовалась недавно.

Прошу Василия пробежаться вправо, сам иду к западу. Лед продолжает расходить, трещина растет на глазах. Наши поиски результатов не дали. Настроение мрачное. Кто же гла-

зил? Вспоминаю, что Витя Русский снова что-то планировал, кажется, 1 Мая встречать на 87-м градусе...

Вновь «наука». Ну как тут не удержаться от мысли, что здесь все за нас планирует судьба. Обходить бессмысленно. И справа и слева разводья отворачивают к югу.

Принимаем решение останавливаться. Завтра Пасха. По всем христианским заповедям, работать в этот день — грех. Вот судьбе, видно, и не все равно, возьмем ли мы на себя этот грех — «пахать на Пасху». Решила устроить нам день отдыха.

Такое объяснение сложившейся ситуации нам по душе и здорово поднимает настроение. Устраиваем хороший праздничный ужин. Василий готовит пасхальный кулич из итальянской вермишели, а Дмитрич — угощает своим фирменным глентвейном. Завтра постараемся хорошенько выспаться. Надеюсь, что этот вынужденный отдых пойдет всем на пользу.

2 мая. Проснулся, и первым делом к полынье. Похоже, Господь услышал нас... За ночь ледок чуть окреп, и там, где образовались наслоения, можно будет попытаться счастья.

В темпе завтракаем, снимаем лагерь. Мостик, пожалуй единственный, прямо напротив нашего лагеря. Вскоре мы все уже на другом берегу, а полынья вновь приходит в движение, появляются новые трещины, все вокруг парит.

Первый, второй, третий переходы. Идем ровно, плотной группой. Иван Иванович рванул «дуже борзо», однако, как ни странно, никто не отстает. Вот что значит немного отдохнуть.

Но после обеда не прошло и получаса — вновь уткнулись в воду. Полынья даже шире, чем утренняя. Пытаюсь пройти с ходу, оставив группу на берегу. Всем сразу на этот молодой лед выходить опасно.

Вначале удается двигаться с грузом. Потом оставляю сани, рюкзак и осторожно продолжаю идти дальше. Примерно посредине проходит граница с еще более тонким льдом. Он просто продавливается лыжной палкой. По этой границе идет подвижка, почти встречное перемещение льда. Скорость подвижки не более полуметра в минуту. Это нетрудно заметить по ползущим друг по другу пластам тонкого льда. Если так будет продолжаться, ждать не менее полутора часов.

Но и эта надежда вскоре исчезает. Подвижки прекращаются. Хоть разбивай лагерь снова и жди, когда окрепнет лед.

Решаю идти на разведку с очень зыбкой надеждой на успех. Ребята остаются на ледовом поле, а я ухожу налегке по молодому льду — на восток. Примерно через 40 минут резвого хода приближаюсь к небольшому изгибу, который делает полынья. В этом месте зона более-менее прочного припайного льда подходит к противоположному берегу, образуя узкую перемычку. Переправляюсь на противоположный берег, но сознаю, что пройти по этому мосту нам всем не

удастся. Слишком длинен он, и вряд ли лед выдержит хотя бы половину группы.

Продолжаю двигаться вдоль полынни, но уже по противоположному берегу и за поворотом обнаруживаю еще одно подходящее место. Здесь лед чуть прочнее и гнилая зона несколько уже, около 10-12 метров. Это какой-никакой, но реальный вариант.

По новому пути перебираюсь на исходный берег и спешу назад. Чувствую, что ребята не на шутку обеспокоены моим долгим отсутствием. В глазах у Андреича, встретившего меня на полпути, читаю немой укор. Так же молча его принимаю. Что говорить, когда и так все понятно.

К месту переправы подтянулись только через час. Ситуация здесь не совсем обычная. Случись что на этом гнилом месте — помочь будет трудно, потому что подобраться к провалившемуся не удастся. Значит, и проваливаться нельзя.

Но лучше к купанию все-таки подготовиться и в первую очередь проверить, чтобы буксирный пояс можно было сбросить моментально.

Медленно, внимательно следя друг за другом, мы проходим эту зону без рюкзаков, закрепив их поверх саней и по возможности увеличив длину буксирной веревки, чтобы хоть немного отвести подальше от себя вес саней.

Ровно через час мы все собрались на берегу и поздравили себя с 87-м⁰. Эта параллель нам далась особенно тяжело.

3 мая. Пятидесятый, юбилейный день нашего путешествия не прошел без происшествий. Виктор Владимирович совершил-таки «заплыв», к чему он так долго и настойчиво стремился.

На последнем, предобеденном переходе Владимыч тропил и немного оторвался от группы. Трещин по-прежнему было достаточно, но мы уже к ним пригляделись и ориентировались без особого труда. Поровнявшись с одной из них, Владимыч вдруг с ходу ступил на тонкий лед. Трещина, по всей вероятности, разошлась совсем недавно: сверху не лед, а всего лишь «нилас», просто кисель. Удивительно, почему Владимыч не провалился тут же, а успел сделать два или три шага. Теперь помочь ему с нашего берега было уже невозможно.

Несколько секунд он барахтался почти по пояс в воде, но все же выбрался на низкий противоположный берег и даже не потерял лыж.

Нам надо тоже срочно искать переход. Метрах в 300-х к востоку находим небольшое сужение. Дальше трещина вновь расширяется, льда практически нет.

Выбирать не приходится. Надо что-то придумывать, чтобы выручать Шарнина. Применяем опробованный еще в 1987 году способ. Осторожно, чтобы не пробить тонкий лед, выкладываем на него несколько лыж, снимаем рюкзаки, отцепляем сани и по кошачьи переходим трещину, благо, ширина самого дохлого места не более полутора метров.

После этого без особых проблем перетаскиваем все санки, сцепленные цугом, а в конце операции сгребаем самой дальней лыжей, к которой привязана для этой цели веревка, все остальные, уже порядком вдавленные в мягкий лед.

Тут же встаем на обед, заставляем Владимыча переодеться полностью, одежды запасной у всех более чем достаточно.

Вначале герой дня сидит тихо, но вскоре, оставаясь верным себе, начинает делиться опытом, как надо и как не надо ходить по тонкому льду.

Терпение мое лопается, и я выдаю ему все, что думаю по этому поводу, а заодно напоминаю точно такую же ситуацию несколько дней назад, когда он чудом остался сухим. Стараюсь объяснить, что сейчас все, ради чего мы здесь, может полететь в тартарары от малейшей неосторожности или глупости. Каждая такая случайность может для всех нас обернуться потерей Полюса. И от ребят Виктору достается «на орехи». Похоже, он даже не ожидал такой реакции на произошедшее.

4 мая. Не проходит и получаса, чтобы мы не пересекали молодые разводы по едва окрепшему льду.

На этот раз — разводье, шириной метров 250-300. Лед тонкий, но идти вроде можно. Кое-где свежие трещины. Впечатление такое, будто перед нами огромное озеро, со всех сторон стиснутое скалистыми берегами-торосами.

Обходим его вдоль правого берега, но перед самым выходом на противоположную сторону путь преграждает открытая полутораметровая трещина. Вынуждены возвращаться на тонкий лед в поисках какого-нибудь сужения, которые обычно встречаются у изгибов.

Выбрали наиболее подходящее место. С нашей стороны небольшой выступ, с противоположной — ровно, будто кто-то срезал лед ножом. Лед тонкий, не более 7-8 см, и когда подходишь к краю, льдина подтапливается и становится точно ровень с водой.

Мне кое-как удается перебраться, но без санок и рюкзака. Следом за мной идет Василий. Переходит, но подламывает тот самый выступ, из-за которого я и остановил свой выбор на этом месте. Вновь приходится изобретать новые приемы.

Прошу на исходном берегу вдоль самого края положить запасную лыжу. На нее, задниками, укладываем две мои крепления вниз. Чтобы носки лыж не утыкались в лед, а лыжи имели хоть какую-то устойчивость, приходится подкладывать под них плоский обломок льдины. Длины моих лыж едва хватает. Они лежат, касаясь креплениями воды. Смотреть на эту конструкцию без ужаса нельзя, но это тот мост, по которому всем предстоит пройти.

Следует еще заметить, что без лыж на этом льду находиться рискованно, так что всеми строительными работами мы с Василием занимаемся, имея одну его пару на двоих.

Все заканчивается благополучно. Ребята на нашем берегу. Наверно, более сосредоточенных лиц, чем в момент этой переправы, представить невозможно. Теперь дело за санками. Они стоят на противоположном берегу, сцеплены «цугом», сверху закреплены рюкзаки, буксирный конец первых санок у меня в руке. Остается подвязать веревку, чтобы удобнее было тянуть, но тут ощущаю, как постепенно буксирный конец натягивается и начинает медленно сдвигать меня к трещине.

Не сразу соображаю, что это трещина начала расширяться и времени на приготвления у нас ни секунды. Если сани останутся там, без купаний нам их уже не достать. Кричу, чтобы все помогли и, наматывая на руку остаток веревки, упираюсь в лед. Народ вцепляется в меня, и восемь саней, выстроившихся в ряд на мокром раскисшем льду, срываем одним махом.

Как только первые сани перескочили через трещину, перехватываемся удобнее и начинаем тянуть более продуманно. Наши укороченные сани наверняка не имеют никакой остойчивости на воде, уж не говоря о плавучести, а плыть им все-таки предстоит. С рюкзаком наверху — это затаея гиблая. Так, с индивидуальным подходом к каждому санкам, мы благополучно форсируем эту преграду.

Когда покидали это место, представить, что здесь мы только что прошли на лыжах, было невозможно.

Но сегодняшние волнения на этом не закончились. На третьем послеобеденном переходе нас поджидало новое испытание.

Тропил Иван Иванович. Недолго, минут 20, и уперся в заторошенную трещину. Вода открытая, ширина около пяти метров. Таких трещин сегодня было уже с десяток, если не больше.

Невдалеке нашелся мостик, но трещина расплзалась, и мост постепенно рушился. Кричу мужикам, чтобы быстрее шагали ко мне. Пока ребята подходят, на месте недавнего моста уже трещина чуть более метра. Будь берега ровные, плоские, проблем бы больших не было, но наша льдина гораздо выше, и с нее дорога только в воду.

Пускаем в ход ледоруб, выламываем смерзшиеся глыбы льда и снега, сбрасываем их в воду, лихорадочно пытаемся сделать что-то вроде наплавного перехода. Одновременно переправляем на противоположный берег Василия и Ивана Федоровича. Перекидываем им все рюкзаки, успеваем переправить сани. Остальным пути нет.

Ситуация принимает серьезный оборот. Трещина расходится все шире. Все ближайшие льдины, которые мы способны были выкорчевать, давно пущены в дело, но сейчас «бутить» уже бесполезно. Мелькает мысль попытаться использовать санки для переправы людей, но они не готовы. Их надо разгрузить, обвязывать, а время не ждет. Ширина уже метра три. Нет, это тоже не выход.

Остается искать обход. Кричу Василию, чтобы все-таки разгружал це-

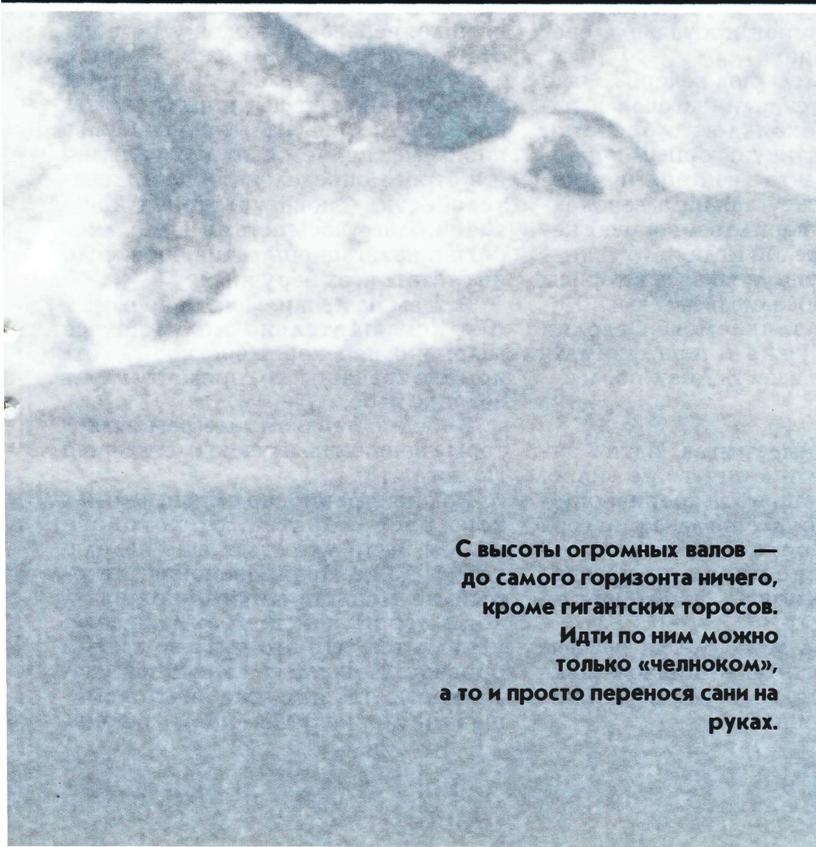
Пошли свежие, почти незанесенные снегом торосы, а, вернее, поля перемолотого льда и комьев жесткого смерзшегося снега. Сани стонут, лыжи трещат, ноги выворачиваются, но все же пока еще идем.

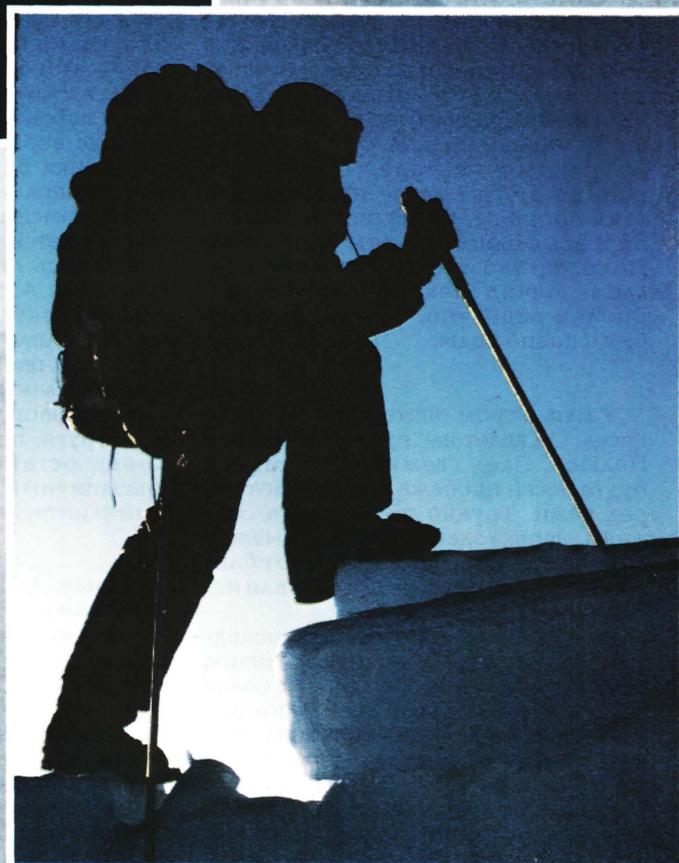
Когда идешь последним, а впереди маячат точки ребят,двигающихся точно по курсу, хоть не надолго, но спадает постоянное ощущение напряженности и какой-то необъяснимой тревоги.

Сколько раз за все годы, проведенные в этих краях, Арктика предупреждала нас, что этот мир создан не для состязаний или социалистических соревнований. Арктика принимает только тогда, когда ты осознаешь всю бессмысленность по отношению к ней таких понятий, как покорение, победа, рекорд.

С высоты огромных валов — до самого горизонта ничего, кроме гигантских торосов. Идти по ним можно только «челноком», а то и просто перенося сани на руках.

лые санки и шел вдоль трещины за нами. Мы рванули влево, где громоздились торосы. Проход нашли лишь минут через сорок, но с уверенностью сказать, что мы на той же самой льдине, где и наши двое, нельзя. Вполне возможно, что, обходя трудные торосы, мы просмотрели поперечные трещины, и радоваться пока рано.

Но когда через несколько минут мы разглядели Васину фигуру, который приближался к нам откуда-то из глубины ледового поля, волока санки, вздохнули с облегчением.

Переправа длилась около двух часов, но часы эти стоили больших нервов. В памяти отчетливо стояла та трехсотметровая полынья, которая образовалась точно из такой же трещины буквально у нас на глазах. Не знаю, можно ли забыть эти мгновения и можно ли обычными словами выразить те ощущения, которые наверняка и в тот раз, и сейчас испытал каждый из нас...

5 мая. Вчера на последнем переходе шел последним, и ребята сами выбрали место для лагеря. Почему-то оно мне не понравилось. Попросил ребят пройти еще немного, буквально сотню-другую метров, и встать по другую сторону невысокой молодой гряды торосов.

Эти несколько десятков метров избавили нас от серьезных неприятностей. Утром за нашей палаткой вдоль этой гряды плескалась открытая вода...

Сегодня солнце жарит так, что испарение снега происходит прямо на глазах. Между нами и ближайшими торосами метров 60, но и перед ними плотная, колеблющаяся пелена тумана. Свежие, зеленоватого цвета торосы, возникающие из тумана, вводят меня в трепет. За каждой грядой жду разлома или трещины с открытой водой. Пока все обходится. Молю Бога, чтобы не отбирал дороги, пусть хоть какой угодно трудной.

Трещины опутали со всех сторон, но в этом хаосе проще находить проходы, маневрируя и перебираясь с одной льдины на другую. Похоже, что это те самые места, где закончил свою эпопею Мицура. Вполне вероятно, что тогда здесь было полно воды.

7 мая. Утром опять идем по следу песка. Он ведет нас прямо на север, к полюсу. След свежий, четкий, как будто песец пробежал за полчаса перед нами. Трудно представить себе этого зверька здесь, посередине между Канадой и Сибирью, за 800 км от ближайшей суши. Что это? Норма или исключение?

В обед — наверняка уже в последний раз — провели полную ревизию продуктов и бензина. Запасов более чем достаточно. На 16 дней — продовольствия, на 19 дней — бензина. При необходимости этого может хватить и на три недели.

Много раз рассказывал ребятам о нашей пятисуточной голодовке на Полюсе в 1990 году. Тогда авиация смогла

пробриться к нам только с третьего раза, а продукты закончились день в день. Повторение такого полюсного финиша нам явно не грозит.

88-й градус встречает нас, как положено, трещиной, правда, затянутой молодым хорошим льдом.

До самого вечера идем по разводьям недельной давности. Лед молодой, в трещинах, мокрый. Попасть сюда во время разводьев с открытой водой перед самым Полюсом очень обидно.

Вечером долго не спим, вспомнили Юру Подрядчикова, нашего друга, погибшего здесь в 1987 году, долго говорим о Полюсе и о том, что он значит для каждого из нас.

9 мая. Если увидеть Арктику в такие дни, как сегодняшний, то невозможно не согласиться со Стефансоном, назвавшим ее гостеприимной. Творится просто что-то невероятное. Солнце жарит так, что хочется сбросить все и остаться в одной рубашке. Мой меховой старенький шлем явно не по сезону.

Только дорогу сегодняшнюю гостеприимной назвать трудно. Такое впечатление, будто океан сделал глубокий вдох и все его тесные одежки разом затрещали, где по швам, а где и по живому. Если сохранится все без изменений, то это не страшно, потому что петлять между трещин не сложнее, чем среди торосов. Но если все придет в движение — дело примет серьезный оборот. Не дай нам Бог этого.

В обед в палатке настоящие тропики. Тамбур держим нараспашку, чтобы не получить с непривычки тепловой удар. Дмитрич и Вася решили подлатать и мои сани. Сквозные дыры гребут снег так, что за полдня забивается все свободное пространство, а оно, слава Богу, уже есть. Как-никак — второй месяц на исходе. Приладили и мне «чешую», так что напоследок поблаженствую.

Пока заряжались аккумуляторы, солнечная батарея протаяла в снег почти наполовину.

Все изменилось под вечер. Только что, кажется, сидели, загорая и наслаждаясь шоколадом с орехами, сравнивая Арктику с горным курортом, как откуда-то в считанные мгновенья свалилась густая мгла, заволочила солнце, растворила все вокруг в непроницаемой белой мгле.

Идем наощупь, утыкаясь в торосы и заструги, проваливаясь в ямы. Наконец останавливаемся. Сегодня праздничный ужин и наш фирменный глинтвейн в честь Дня Победы.

10 мая. Донимает мгла. Идти в очках сложно, и так ничего не видно. Приходится напрягать зрение, ощущение такое, будто в глазах по горсти песка. Состояние знакомое. Надо все же постараться не спалить глаза до конца. Этого еще не хватало.

После обеда мгла слегка рассеялась, видимость улучшилась. Движемся теперь ходко, несмотря на приличное торшение.

Преимущественно молодые поля, много трещин, местами лед совсем тонкий, но наслоения позволяют пользоваться мостиками. Вероятно, недели две назад здесь было очень много воды, а это как раз 20-е числа апреля, когда здесь проходил Берг. Да и Олег Кажарский, радист парашютной экспедиции, пролетавший над этими местами 10 апреля на Полюс, передавал, что в районе 89-го градуса полно воды. Как мог Берг так смело заявлять на подходах, что будет на Полюсе через три дня?

12 мая. Вчерашний день чуть не доконал наши глаза. Виктор Владимирович идти впереди не может. Дмитрич хоть и может, но следить за тем, куда он идет, еще сложнее, чем идти самому. Остаемся мы с Васей и Иваном Ивановичем.

К середине дня пошел снег. Теперь не определишь даже, где небо, а где «земля». Какое счастье, что дорога простая и достаточно видеть только то, что у тебя непосредственно под ногами.

Обеденная привязка дала долгожданный результат — впереди только один Северный полюс. Наша широта 89° 02' 00,6"! Не верится, что до Полюса счет пошел на минуты.

Во второй половине дня видимость несколько улучшилась. Движемся, как какой-то один, огромный механизм.

Идем плотно, почти касаясь санок впереди идущего своими лыжами. Лишь на крутых грядах торосов, через которые раньше переходили бы только «челноком», происходят небольшие заминки.

Вечером снова торжества по случаю последней северной параллели. Передали на «базу», чтобы к 18 мая были готовы лететь за нами на Полюс.

13 мая. Любопытно, вчера утром мои часы отстали ровно на час. Не особенно вникая, почему это произошло, перевел. Сегодня утром они отстали ровно на два часа. Причем, минуты верные, дата — тоже. Чтобы так случайно перевести часы, нужно произвести 9 (девять!) манипуляций с кнопками, причем с заглубленными, и в строго определенной последовательности! Снова установил наше время, благо, часы есть и в видеоканнере, и в навигационном приборе, если не считать всех наручных.

Встаем на лыжи. Погода прежняя. Лед исключительно молодой, все взломано, перекорежено, кое-где открытые трещины, по горизонтупарит водяное небо.

В обед составляем телеграммы, которые пошлем по случаю достижения Полюса.

Как ни странно, но сейчас уже нет того беспокойства, от которого нельзя было укрыться еще неделю назад. Даже Иван Иванович, который не меньше меня переживал, когда дорогу нам преграждала вода, удивляется, что это чувство совсем пропало. Появилась спокойная уверенность, что нам уже ничто помешать не должно. Мы сполна хлебну-

ли всего, что положено отвесть на пути к Полюсу.

14 мая. С часами вновь такая же история. Вечером сверил с остальными — утром отстают ровно на два часа. Вновь перевожу, но особых шуток ни у кого это уже не вызывает. Пытаюсь найти какое-то объяснение, но ничего не получается.

Погода чуть улучшилась. Температура — минус 8. Движемся по полям торошения, по-прежнему много трещин, и старых и совсем свежих. Начинает проглядывать солнце. Теперь на дорогу смотреть — одно удовольствие. Дай нам Бог такой дороги до самого Полюса!

Где-то на западе черное «водяное небо», но надеемся, что оно нам уже не страшно.

Перед самой остановкой на ночевку врубаемся в такую стену торосов, что я не решаюсь соваться туда на последнем переходе. С высоты огромных валов — до самого горизонта ничего, кроме гигантских торосов. Идти по ним можно только «челноком», а то и просто переноса сани на руках.

Решаю оставить эту проблему на утро, а сейчас вставать лагерем.

15 мая. С часами прежняя история. В четвертый раз. Закрывать глаза на это и отшутиться? Делать вид, что ничего особенного не происходит? Или попытаться найти, ну, хоть какое-то объяснение? Пробую последнее.

Нашим главным помощником для определения нужного курса является тень от нас самих. Мы всегда держим направление, сохраняя в течение одного часа заданный угол между этим направлением и нашей тенью в зависимости от времени суток. Через час этот заданный угол должен корректироваться на 15 градусов, то есть на тот угол, на который за этот час Солнце переместится по небосклону. Если часы отстают, то есть показывают более раннее время, следовательно, тень от нас падала бы левее, а значит, и наше направление движения было бы левее, то есть западнее. Отставание на 1 час — курс западнее на 15 градусов. На 2 часа — соответственно на 30 градусов.

Это простейшее объяснение показалось настолько логичным и понятным, что я успокоился.

Выходим. Держим курс с поправкой к западу, оставляя непроходимую зону торошения справа. Через четверть часа в провале между торосами проглядывает поле. Пробираемся на него, но брать курс строго на север не решаюсь. По-прежнему идем с поправкой к западу.

В середине второго перехода выходим точно ко внешнему углу молодых разводьев, уходящих в одну сторону далеко на

восток, а в другую — на северо-запад. Не меняя курса удается идти прямо. Случись идти восточнее, без поправки, уперлись бы в воду, стали бы искать обходы, а вокруг все перекоренжено непроходимыми торошениями.

Перед нами только один проход — по тонкому припайному льду между водой и высокой стеной торосов. Трещина тянется справа от нас, то приближаясь, то удаляясь, а когда поворачивает к западу, возникает небольшой ледовый мостик.

Последующие переходы приводят нас в настоящую сказку. Таких разломов я еще не встречал. Противоскиваемся по узким, замерзшим, почти меридиональным трещинам сквозь фантастические, безупречной симметрии ледовые арки, петляем по лабиринтам трещин в этом хаосе льда, снега и воды. Но самое главное и удивительное — идем вперед, практически не замедляя движения.

16 мая. Дежурные будят как обычно, в 6.00. На дворе пурга, температура — минус 5, ветер почти в лицо.

С часами все в порядке, ходят, как ни в чем не бывало. Широта $89^{\circ} 41' 47''$. Решил идти с прибором GPS, пора уже чаще контролировать свои координаты, чтобы меньше петлять перед Полюсом.

Лед постоянно шевелится, идут слабые подвижки на сплочение. Справа по небу, совсем рядом, низкие белые клочья облаков, а вернее, тумана. Значит, только что открылась новая вода.

В обед определили дрейф. Он южного направления, но незначительный. За обед уплыли от Полюса на 480 метров.

После обеда неприятные наблюдения. Ближайшая трещина постепенно расходитя...

К западу от нас фантастическая картина: мглистое солнце, подсвечивающее льды каким-то холодным светом, и мрачное серое небо. Настоящий лунный пейзаж. Неужели сегодняшней вечерний переход — последний, и завтра такого не будет?

После ужина — работа для радиостов. Косяком пошли телеграммы. Руководству Сибирского химического комбината в Томске, в Норильск, в Москву, родным и друзьям.

Договорились, чтобы «база» ждала нас завтра на частоте с 14.00.

17 мая. 6.00. Подъем, температура — минус 8. Ветер чуть ослаб, солнце во мгле, высокая облачность. Начинается наш последний ходовой день. $N 89^{\circ} 52' 26''$; $E 96^{\circ} 43' 15''$.

10.15. Восток постепенно светлеет. Приближается полоса чистого неба.

11.25. Пересекли трещину с водой. Похоже, пора привязываться чаще, через каждые 30 минут.

13.05. Встаем на обед. До Северного полюса 4 километра. Не хочется никаких гонок. Наоборот. Хотим быть на Полюсе без всякой суеты и спешки. Мы спокойно шли 64 дня и оставшиеся часы пройдем также спокойно.

14.00. Связь с «базой». Даем координаты:

$N 89 0 57' 51,0''$; $E 108 0 07' 31,3''$.

Последние часы, последние минуты нашего перехода. Иван Иванович не выпускает камеры из рук. Движемся ровной, плотной колонной. Идем молча, сосредоточенно. Уверен, каждый думает сейчас о чем-то очень для него важном, чего, может быть, там, дома, ни за что не решишь и не поймешь.

Все еще попадают какие-то трещины, но мы их уже не замечаем.

17.25. $N 89^{\circ} 59' 27,4''$; $E 136^{\circ} 28' 16,4''$.

Снимаем рюкзаки, отцепляем сани. Теперь, чтобы выйти в точку, нужно работать с прибором непрерывно, меняя курс в зависимости от долготы чуть ли не на 90 градусов. Лучше сначала найти Полюс, а потом уж двинуться туда со всем своим грузом.

18.20. $N 89^{\circ} 59' 59,2''$; $W 12^{\circ} 28' 16,4''$.

Полюс смог объединить всех нас, чтобы сделать сильнее. Он научил нас быть чуть-чуть мудрее, чуть-чуть терпеливее и чуть-чуть внимательнее друг к другу. Такие простые и понятные вещи. Неужели они нужны только на пути к Полюсу?..

Восемь бородатых мужиков стояли среди бескрайних ледовых полей, куда они пришли, оставив позади половину Ледовитого океана. Стояли молча, положив руки друг другу на плечи и пряча друг от друга глаза.

Им отчаянно повезло. Они оказались первыми, но они заслужили это право, потому что многому научились у Арктики.

И я ни за что не поверю, что тот, кто прошел этот путь, сможет забыть пережитое на арктическом льду, сможет предать или забыть тех, с кем выбирался из отчаянных положений, забыть тех, кто не вернулся вместе с ними и уже никогда не вернется.

Деннис УИТЛИ,
английский писатель

Роман

СОКРОВИЩА ЩАРЯ КАМБИЗА

Глава XXI
СПАСЕНИЕ

Одна-единственная ниточка надежды, что я наконец услышу этот крик, удерживала меня от падения в бездну безумия на протяжении всех шестидесяти казавшихся бесконечными часов моего заточения в гробнице.

И теперь он прозвучал, как зов трубы. Я моментально вскочил на ноги и уперся плечом в огромный кусок гранита, часть расколовшейся крышки гроба, которую мне удалось подвинуть на самый край. Она наклонилась и с грохотом, от которого, казалось, содрогнулся склеп, упала на пол.

В следующую секунду из коридора донесся еще один крик, но в отличие от предыдущего, низкого и гортанного, этот был высок и пронзителен. За ним последовали еще крики и топот ног, характерный для бегущих в панике.

Я чувствовал легкость в голове, в ушах стоял звон, а толстый, распухший язык приклеился к небу пересохшего рта. На секунду я потерял ориентацию, промахнулся мимо свечи и принял лихорадочно шарить руками в темноте. Но необходимо было действовать спокойно. На чаше весов находились жизнь и смерть.

Я нашел свечу, зажег ее и вышел в коридор. То, что я соорудил там двумя днями раньше, когда мог еще мыслить логически, находилось у стены.

Взглянув на свое произведение, я не удивился, что оно вселило такой ужас в Уну и Саида. Установив один на другом обломки каменной крышки гроба, я соорудил некое подобие столба, прислоненного к стене коридора. Натянув на него свою рубашку и кальсоны, увенчал все это белой панамой. Весьма условно, с

помощью пыли и слюны, размазав ее широкую тулью, я попытался придать ей подобие человеческого лица.

Повернув из коридора, Саид и Уна должны были неожиданно увидеть прямо перед собой это чучело, преградившее им путь. В неверном свете свечи они, похоже, приняли его за мой призрак. Грохот упавшей крышки гроба должен был завершить впечатление: мой рассерженный дух здесь и готов отомстить убийцам.

Думаю, подобное подействовало бы не только на суеверных египтян, но даже на зачерствелых европейских преступников.

В отдалении еще слышался стук камешков, скатывающихся по крутым ступенькам из-под бегущих ног.

Я не сомневался, что они не остановились, чтобы убрать мостик, но все же испытал огромное облегчение, обнаружив его на месте. Теперь все зависело от того, как быстро они придут в себя и запрут ли железную решетку. Пытаясь подстегнуть их, я попробовал кричать, но из растрескавшихся губ вырывался только хриплый шепот. Лишившись голоса, я все же старался произвести как можно больше шума, громко топая по каменному полу и ударяя рукой по стенам.

Наконец чуть потянуло свежестью, и я понял, что приближаюсь к входу. Решетка была открыта, и вскоре я уже стоял на дне глубокой ямы и глядел вверх на острые скалы и мерцавшие в вышине звезды.

Я отдал бы все на свете, чтобы лечь на камни и вдыхать свежий ночной воздух, столь ароматный после затхлой и душной атмосферы гробницы. Однако опасность еще не миновала. Если они вернуться и найдут меня здесь, то просто перережут мне глотку, поскольку в теперешнем состоянии я не смог бы оказать серьезного сопротивления.

Трудно вспомнить, как мне удалось взобраться по лестнице. Много раз я мог сорваться и сломать шею, но в конце концов все-таки очутился наверху. В свете звезд я различил каменную тропинку, идущую по оврагу и дальше, вдоль обрыва. Я пошел по

* Окончание. Начало в №№2, 3, 4, 5/1995

ней, постоянно спотыкаясь, падая, ползя на четвереньках и вновь вставая. И каждое усилие отнимало остатки сил.

Последние метры я буквально катился по тропинке на дно долины. Пройдя затем до гробницы Тутанхамона, я вскарабкался на другой склон, что едва не доконала меня, и оказалась около сторожки. В полном изнеможении, опустившись на крыльце на колени и не в состоянии издать ни звука, я колотил кулаками в деревянную дверь, пока не разбудил сторожей.

Мне повезло, что они были арабами, — европейцы могли дать мне вдоволь напиться и этим наверняка убили бы меня. Но арабы просто омыли мне лицо и губы, зная, как обращаться с человеком, найденным в пустыне и умирающим от жажды. Один из них положил в чашку горстку свежих фиников, добавил немного воды, размял их в жидкую кашу и заставил меня проглотить ее крохотными порциями. Когда я справился с этим, мне позволили выпить несколько капель эвИАнской воды, взятой из запасов археологов. Только после этого боль в желудке слегка утихла, и я мгновено заснул.

Когда я проснулся, за окном ярко светило солнце. Я лежал на низкой кровати, обнаженный и завернутый в одеяла. Я смутно помнил, как ночью сторожа сняли с меня одежду и обтерли измученное тело смоченной в воде губкой. Я пошевелился, и сидевший на полу араб встал и дал мне воды. Затем он вышел и вскоре вернулся с пожилым англичанином.

Первым делом посетитель спросил, кто я и как оказался в таком состоянии, но я смог лишь прохрипеть свое имя. В любом случае, мне нужно было время, чтобы обдумать, что же рассказывать.

— Хорошо, старина, — дружелюбно сказал он. — Не надо сейчас говорить.

И, взяв из рук араба чашку с чем-то, напоминающим творог со сливками, принялся кормить меня.

— Вы почувствуете себя лучше, когда проглотите это, — продолжал он, — это лядди забади, свернувшееся козьё молоко, пища, легкая для желудка и содержащая огромное количество витаминов. Самые мудрые из арабов едят его каждый вечер в месяц Рамадан, когда постятся от восхода до заката солнца, в то время как простые феллахи половину ночи занимаются обжорством.

Он дал мне еще воды и оставил спать.

Проснулся я только поздно вечером. Арабов в комнате не было, и я мог спокойно состряпать небылицу, удовлетворившую бы их любопытство. Я знал, что, если скажу правду, Уна будет предьявлено обвинение в покушении на убийство, но, несмотря на все выпавшие на мою долю страдания, я не был готов к этому.

И когда английский археолог вновь посетил меня, я сказал ему, что тремя днями раньше вместе с Уной посетил долину и в последнюю минуту решил отказаться от участия в экспедиции, отравлявшейся в тот же день. Мне не захотелось самому разговаривать со своими товарищами, и я попросил Уну сделать это. Мы расстались на тропе, ведущей через холмы в Дейр-эль-Бахри, и условились, что я вернусь в Луксор, когда участники экспедиции уже уедут. Сидя на вершине скалы, я заскучал и отправился исследовать заинтересовавший меня овраг, находившийся в нескольких милях. Но прежде чем я успел вернуться на тропинку к Дейр-эль-Бахри, меня застигла ночь, я сбился с пути, проблуждал свыше двух с половиной суток без пищи и воды и лишь на третью ночь, при последнем издыхании, вернулся в Долину Царей.

Такая история покрывала все непредвиденные случайности, и археолог с готовностью проглотил ее. Затем он спросил, собираюсь ли я вечером возвращаться в Луксор, и, после утвердительного ответа, пошел договариваться о моей отправке.

Одеявая я, размышляя, заметил ли он, что под жилетом на мне нет никакого нижнего белья. Относительно арабов, раздевавших меня, можно было не беспокоиться: для них вообще не имело значения количество предметов одежды. Рано или поздно рубашка, кальсоны и шляпа, оставшиеся в гробнице, конечно же, будут обнаружены, и это заставит их задуматься. Но к тому моменту я уже буду в пустыне с Бельвилями, за сотни миль от Луксора.

Швейцар «Зимнего Дворца» при моем появлении впал буквально в шок: сторожа, как могли, почистили мою одежду, но все равно она была невообразимо грязна и разорвана во многих местах после моих кувырканий в погребальной камере и бесчисленных падений на пути в долину. А когда я взглянул на себя в зеркало, то увидел человека, постаревшего на десять лет: с огромными темными кругами под глазами, ввалившимися щеками и запавшими висками. Неудивительно, что швейцар был так изумлен.

Я спросил о своей комнате, но мне ответили, что в отеле создало впечатление, будто я уехал четыре ночи назад, — и это подтвердило мои предположения относительно тактики Уны. Управляющий получил телеграмму — якобы за моей подписью, с просьбой собрать мой багаж и передать его горничной Уны, чтобы она взяла его в Каир вместе с багажом своей госпожи. Я не отрицал и не подтверждал отправления телеграммы, но просил как можно скорее устроить меня, и, видя, в каком я состоянии, меня проводили в номер, не вдаваясь в выяснение подробностей.

Я проспал почти весь день и к вечеру чувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы осилить хороший обед, после чего опять завалился спать.

К следующему утру прошло уже около двух с половиной суток с момента моего спасения, — почти столько же, сколько я провел в гробнице. Большую часть времени я спал, и мои силы понемногу

восстанавливались, круги под глазами исчезли, и, сбрызнув пятидневную щетину, я увидел, что выгляжу почти нормально. Единственный костюм был отнесен в починку, почищен и отутюжен, и в нем вполне можно было выйти за покупками. Швейцар уже достал мне рубашку, галстук и нижнее белье, поскольку благодаря «заботам» горничной Уны, я лишился всего своего гардероба.

Сильвия и Бельвили, как и было условлено, уехали пять ночей назад, и прежде, чем они успеют углубиться далеко в пустыню, можно попробовать догнать их на самолете. Деньги у меня были, и в аэропорту Луксора я нанял для поисков небольшой четырехместный самолет. Пилот, молодой араб, похоже, знал свое дело. Мы взяли курс на юго-запад вдоль берега реки, затем повернули на запад, и, оставив позади Ливийские холмы, оказались над пустыней. Еще через час с небольшим под крылом потянулись плодородные земли Великого оазиса Харга, с запада и востока ограниченные морем желтых песков.

Он тянется почти на двести миль с севера на юг и в одном месте достигает сорока миль в ширину. Там много деревьев и два довольно больших города: Берис, в центре, и на севере — Аль-Харга; даже соединенный с долиной Нила железной дорогой, используемой для перевозки фиников — главного средства существования жителей оазиса.

Мы приземлились около Аль-Харги, хотя я мало надеялся найти там Бельвилей. В Сахаре путешествуют медленно, и поиск проводников мог обернуться многочисленными задержками, но я думал, что моим друзьям хватит шести дней для всех необходимых приготовлений.

Выяснилось, что экспедиция покинула Аль-Харгу три дня тому назад и отправилась по караванной тропе в сторону оазиса Дахла, не столь крупного, как Великий оазис, но не уступающего площадью графству Дорсет в Англии.

Через час мы вновь были в воздухе и к полудню приземлились в самом центре оазиса, у города Мут. Мы вновь навели справки, и нам сообщили, что Бельвили отбыли только вчера. Пролетев затем до северной границы оазиса, мы сели около маленького поселения Каср Дахла, но оказалось, что экспедиция покинула его сегодня рано утром.

Зная, что Бельвили не могли намного обогнать нас, я убедил пилота отправиться на поиски, и мы полетели над безжизненными ничейными просторами Африки. Я надеялся, что мы без труда заметим караван с воздуха, но в середине дня они наверняка остановились переждать жару, а на столь неровной местности не так-то просто различить неподвижный объект.

Более часа мы кружили над пустыней, снижаясь над каждым вади — безводным руслом высохшей реки — в надежде наткнуться на их стоянку. Наконец в узком ущелье мы заметили в тени скал автомашину и натянутые тенты.

Самолет приземлился на ровном участке песка, примерно в двух милях от них, и спешивший пилот помог мне выгрузить багаж. Нас заметили — в бинокль я увидел, как Гарри и Амин заторопились к нам. Я распроцался с пилотом и пошел навстречу бежавшим друзьям. Как только они приблизились на расстояние, позволявшее в странно одетом человеке узнать меня, они разразились криками радости и удивления и возбужденно замахали руками. Амин вернулся на стоянку за носильщиками, а я, оставшись с Гарри, сказал ему, что Уна заманила меня в ловушку, из которой я чудом выбрался, но подробности пообещал сообщить позже.

Кларисса была неподдельно рада мне, а Сильвия язвительно заметила, что я выгляжу так, словно несколько дней провел в обществе вампира.

Грузовики и легковые автомобили с огромными баллонами на колесах оказались куда более подходящими для путешествия в пустыне, чем гусеничные тракторы.

Однако мы продвигались очень медленно, так как о движении прямо по компасу не могло быть и речи. Чтобы преодолеть каждую милю, приходилось высылать вперед людей для разведки. Иногда путь преграждали гряды низких холмов, и караван отправлялся в длинные объезды. Бывало, какая-нибудь машина застревала в зыбучих песках, и приходилось раскатывать перед ней сорокафутовые полосы брезента, поверх которых укладывались для сцепления доски. Машину привязывали тросом к одному из грузовиков, который и выдергивал ее из песка. Если колеса увязали слишком глубоко, их приходилось откапывать лопатами.

Существует особая техника передвижения по пустыне, и мы специально подобрали водителей, знакомых с ней. Суть ее — в следовании вдоль русел вади, при необходимости меняя их, но стараясь придерживаться заданного направления. Однако и на дне вади ровные участки желтого песка крайне обманчивы. Их следует избегать всеми способами, и водителю приходится двигаться вдоль по склону. Автомобиль идет с большим креном, постоянно рискуя опрокинуться. Плюс непрерывные толчки и удары, поскольку в пустыне нет и намека на дороги. Более неудобный и утомительный вид передвижения трудно себе представить.

Перед заходом солнца мы встали на стоянку.

После ужина я поведал своим друзьям о печальных событиях, помешавших мне отправиться вместе с ними из Луксора, и в завершение сказал, что очень рад вновь оказаться в их обществе. Как я и предполагал, Уна послала телеграмму за моей подписью с сообщением, что в последнюю минуту я решил отказаться от участия в экспедиции и возвращаюсь в Каир.

Сильвия выглядела очень пристыженной и сказала, что с удовольствием превратила бы Уну в медную статую, вонзив в нее

три тысячи шестьсот канцелярских кнопок, — по одной за каждую минуту, проведенную мною в гробнице.

С заходом солнца температура в пустыне падает необычайно быстро. Здесь нет никакой растительности, чтобы разжечь костер, — пищу приходилось готовить на керосиновых горелках, — и сейчас, несмотря на теплые пальто, мы жилили от холода, сидя в палатке, служившей кают-компанией. И как только я закончил рассказ о своих приключениях, все потянулись к спальным мешкам.

Я вслушивался в окружающую тишину, так мало похожую на мертвую тишину гробницы, и чувствовал, насколько мы оторвались от мирской суеты. О'Кив и его марионетки были, казалось, бесконечно далеко от нас, где-то по другую сторону этих безжизненных пространств, неизменных с сотворения мира. Теперь мы не опасались, что он организует конкурирующую экспедицию, и я был уверен, что он не висит у нас на хвосте. Я поразмышляла о сокровищах, нахождение которых мне представлялось маловероятным, немного подумал о Сильвии и очень много — об Уне, а затем погрузился в сон.

Глава XXII

МОРЕ ПЕСКА

Утром Амин разбудил нас в пять часов. Слуги Омар и Муса принесли фрукты и чай, и я распорядился сворачивать лагерь.

В нашей экспедиции не было пассажиров, и еще в Каире мы договорились о распределении обязанностей.

До женитьбы на Клариссе Гарри был продавцом автомобилей, и, хотя не добился в этом бизнесе заметного успеха, устройством машин изучил досконально. Он возглавил транспортную группу, и все водители подчинялись ему.

Кларисса вела учет запасов, определяла ежедневный рацион, отдавала распоряжения повару Абдулле и слугам, организовывала питание и вообще стремилась всячески облегчить путешествие.

Сильвия была штурманом экспедиции. Каждый полдень она определяла высоту солнца с помощью секстанта, вычисляла наши точные координаты и по компасу намечала направление движения на следующий день. Она говорила по-арабски гораздо лучше меня и постоянно советовалась с проводниками об оптимальном выборе курса.

Я оказался начальником лагеря. Мне приходилось выбирать места для дневных и ночных стоянок, следить за разгрузкой и погрузкой вещей и за действиями арабов, когда приходилось вытаскивать застрявшие машины.

Около шести часов мы двинулись в путь. В половине девятого, совершенно неожиданно, на возвышенности перед нами появились два всадника на верблюдах. Вскоре их было уже около полудюжины, молчаливо стоявших и смотревших, как мы приближаемся, но не предпринимавших никаких действий, — ни дружелюбных, ни враждебных, хотя их неподвижные фигуры выглядели угрожающе.

Наши, шедшие немного впереди, проводники бегом вернулись к нам с возбужденными криками, и Амин перевел их местный диалект, который я плохо понимал. Всадники на верблюдах оказались туарами. Все они были в масках и голубых бурнусках. В памяти всплыло, что именно так одеваются представители этого рассеянного кочевого племени, скитающегося от оазиса к оазису в глубине Северной Африки, нападая на плохо вооруженные караваны и убивая мирных торговцев.

В пустыне действует закон силы. Готовясь к экспедиции, мы помнили об этом и не рассчитывали на пощаду, если дело дойдет до схватки с бандой головорезов. Поэтому захватили с собой оружие и боеприпасы: у каждого из четырнадцати арабов было по современной винтовке, а у нас с Гарри еще и пистолеты.

Говорили, что туареги — непревзойденные снайперы, они пользуются длинноствольными ружьями старинного образца, нося их на плече, так что ствол торчит выше головы на целый фут. Однако в случае столкновения нам не составило бы труда отогнать их магазинными винтовками.

Я выстроил машины по окружностям, и мы с оружием в руках приготовились встретить атаку. Но ее не последовало. Самый высокий из туарегов тронул своего верблюда, развернулся и доскакал с холма вниз, и вскоре вся банда исчезла так же таинственно и молчаливо, как и появилась.

Мы с некоторыми предосторожностями двинулись в путь и, когда тремя часами позже расположились на отдых, выставили двух часовых. Мы едва начали разбивать лагерь, как один из часовых увидел двигающийся в нашу сторону большой караван. В бинокли мы смогли разглядеть верблюдов, груженых огромными тюками, и белые бурнусы всадников; по всем признакам, караван принадлежал миролюбивым торговцам.

Через полчаса к нам подъехал возглавлявший караван, благородного вида пожилой человек и дружелюбно приветствовал нас: «Ас-салям алейкум!». На что мы в той же манере ответили: «Мархаба, мархаба!». Представившись шейхом Абу Харизем из оазиса Фарафра, он велел своим людям разбить лагерь рядом с нашим.

Среди мирных путешественников в пустыне существует обычай оказывать безграничное гостеприимство, и, когда встречаются два каравана, они всегда делятся друг с другом всем, что у них есть. Мы немедленно предложили гостю воспользоваться нашими запасами, а он тут же сделал подобный жест со своей стороны. Но, как оказалось, в обоих караванах ни в чем не ощущалось недостатка, поэтому церемония приветствия свелась к обмену подарками. Мы послали шейху много чая и сахара, зная,

что последний особенно ценится в пустыне и считается одной из форм денег. В ответ нам прислали банановую ветвь с двенадцатью гроздьями бананов и очень вкусный шербет.

Когда караван приблизился, Сильвия вместе с Клариссой удалились в палатку, и, учитывая религиозный фанатизм жителей пустыни, к трапезе вышли, подобно египтянкам, в длинных барраканах из хлопка и с закутанными лицами. Этой одеждой Сильвия запаслась специально, и, как выяснилось, они с Клариссой ехали так через оазисы Дахла и Харга.

Шейх пригласил нас на чай, и, преодолев песок, разделяющий оба лагеря, мы сели рядом с ним и двумя его сыновьями.

Для арабов-бедуинов чаепитие заменяет кино, бега, танцы и почти все прочие развлечения. Этот торжественный ритуал начинается с того, что слуги берут большой чайник, наполовину наполняют его сахаром, еще на четверть — засыпают чайным листом и заливают доверху водой. Затем эту смесь кипятят, переливают в другой чайник, и добавив воды, опять кипятят и переливают обратно. И так до тех пор, пока чай не приобретет нужный вкус. Его пьют из маленьких чашечек, смакуя и шумно втягивая губами, чтобы показать удовольствие.

Во время чаепития хозяин и гости неторопливо и любезно беседуют на всевозможные темы, а когда распорядитель церемонии чувствует, что пора отправляться в путь, то добавляет в чайник немного мяты, и гости, выпивая последнюю чашечку ароматного напитка, воспринимают это как знак прощанья.

Шейх сообщил, что его караван направляется на юг, в маленький оазис Балла, находящийся в сотне миль от его дома, и, чтобы сократить путешествие, срезает путь через Великое песчаное море. Арабы довольно часто поступают так, но он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь пересекал эту огромную пустыню целиком.

Мы провели почти два часа у гостеприимного шейха, и, после многочисленных прощаний и пожеланий безопасного и удачного путешествия с обеих сторон, караваны расстались. Через полчаса верблюды шейха скрылись за грядой низких песчаных холмов, и мы остались одни.

На третий день пути от оазиса Дахла мы оказались в настоящих песках. Ранее песчаные участки перемежались скалистыми формированиями, возвышавшимися здесь и там. Теперь же только дюны вздымались волна за волной, и с возвышенности, случайно оказавшейся на пути, было видно, что их бесконечные гребни расстилались до самого горизонта. Но чаще поле зрения ограничивалось близлежащей дюной, пока мы пересекали очередную неглубокую ложбину.

Двигаться, как раньше, зигзагом, из одной ложбины в другую стало невозможно, валь дюн тянулись на многие мили, под углом к направлению нашего движения. В некотором смысле ехать было легче, так как поверхность дюн ровнее склонов вади, и мы могли ориентироваться по компасу, но зато приходилось взбираться на каждый гребень и спускаться с него. Более того, склоны очень часто оказывались чересчур круты для грузовиков, и приходилось разгружать один из них, чтобы использовать его как буксир, а затем вновь загружать.

День за днем мы бороздили нескончаемые пески, преодолевая дюну за дюной, чтобы вновь увидеть лишь вздымающиеся песчаные гребни. Иногда удавалось проехать за день двадцать миль, иногда — сорок, в зависимости от времени, затраченного на откапывание застрявших автомобилей, и песчаных бурь, налетавших с юга. Несколько раз на нас обрушивался джибли, как называют в Ливийской пустыне южный ветер, несущий огромные массы песка. Каждый раз приходилось останавливать караван и закрывать окна автомашин, но песок проникал в мельчайшие щели, золотистая пыль тонким слоем покрывала нашу одежду и все предметы внутри, вызывая кашель и причиняя массу других неудобств. Мы беспокоились, как бы не засорились двигатели, хотя, уезжая из Луксора, запаслись специальными защитными чехлами, пока не подвожались. Все бури оказывались непродолжительными, кроме одной, начавшейся с появления полудюжины «песчаных дьяволов» — огромных вращающихся над столбов песка, с колоссальной скоростью несущихся над песчаными холмами и впадинами.

Увидев их, мы немедленно остановили караван, закрыли машины, а лица обернули тканью. Буря бушевала больше часа, и все это время видимость была хуже, чем в самом густом лондонском тумане. Песок несся с такой силой, что действовал подобно наждачной бумаге. Когда мы наконец смогли выйти из машин, оказалось, что с наветренных бортов начисто содрана краска.

На пятый день мы обнаружили первые следы погибшей армии Камбиза. Около десяти часов утра один из наших проводников указал в сторону большого пятна на склоне дюны. В первый раз за последние два дня мы видели какое-то образование, отличающееся от монотонно-желтого цвета песка, и решили осмотреть его.

К нашему великому восторгу, это оказались остатки одного из громадных складов, в котором интенданты Камбиза запасали кувшины с водой для своей армии, и участок длиною более мили был усеян глиняными обломками, частично засыпанными песком.

Мы провели более часа в надежде отыскать что-либо еще. Но нам не удалось обнаружить ничего, кроме бесконечных осколков. Однако эта стоянка безоговорочно подтверждала истинность записанного Геродотом рассказа, а сам факт, что последними и, возможно, единственными людьми, стоявшими до нас на этом самом месте, были те самые персидские воины, ночевавшие здесь много столетий назад, действовал на всех нас возбуждающе.

Надо сказать, Сильвия заметно оттаяла после того, как я поведал о своих злоключениях. Она больше не позволяла себе саркастических острот в мой адрес, и оказалось, что уживаться с ней значительно проще, чем я думал. Она не отличалась особой эрудицией ни в чем, кроме египтологии, но я подозревал, что и это было результатом длительной совместной работы с отцом. Однако она была очень сильной физически, обожала разнообразные упражнения, и жизнь в пустыне, казалось, вполне устраивала ее, позволяя проявить все свои лучшие качества.

Незначительные происшествия, случавшиеся в экспедиции, никогда не выводили ее из равновесия, и меня всегда восхищало спокойствие, с которым она отдавала распоряжения, окруженная возбужденно тараторящими арабами. Она не была подвержена солнечным ударам, никогда не надевала шляпу, и ее золотистые волосы стали совсем светлыми.

Однако меня всегда удивляло, что Сильвия не проявляет ни малейшего интереса к приготовлению пищи. Однажды, когда мы вдвоем шли впереди каравана, она сказала, что терпеть не может готовить. На мое замечание, что это может оказаться серьезной помехой, если она соберется когда-нибудь выйти замуж, она ответила:

— Вы правы. Если я стану женой бедняка, из меня не получится ничего хорошего. Однако я ужасно хочу выйти замуж и обзавестись семьей. Я сыта по горло нищенским существованием, которое влачила последние годы, — постоянная нехватка денег, вечная экономия, чтобы выгадать гроши. Отец пытался соблюдать приличия и жил в дорогих отелях, но ему то и дело приходилось договариваться с управляющими об отсрочках и страдать от унижения, недоплачивая слугам. После смерти матери наша жизнь пошла наперекосяк, и я многое отдала бы, чтобы иметь свой дом и каждую зиму не устраивать здесь nepозвоительную показуху, а летом, в Англии, не жить в грязи дешевого пансионата.

Эта вспышка приоткрыла жизнь Сильвии с совершенно неожиданной стороны, о которой я не подозревал, хотя и знал, что ее отец не из богатых.

— Такая жизнь, должно быть, весьма утомительна, — участливо кивнул я. — Но здесь вы вращались в весьма состоятельных кругах, и вам наверняка встречалось немало подходящих женихов.

— Каждый сезон я торчала на раскопках с отцом, — вздохнула она, — а в таких местах можно встретить лишь молодых археологов — энтузиастов своего дела, но почти без денег. И, кроме того, только очень богатые люди могут позволить себе отдых в Каире или Луксоре, и это, в подавляющем большинстве, — люди среднего возраста или уже старики.

— Ну, не сгущайте краски, Сильвия! — возразил я. — Вы на редкость привлекательны и знаете об этом; кто-то наверняка увлекся вами.

— О, да. Но те, у кого были деньги, почему-то оказывались вдвое старше меня или уже женаты, а единственный интересовавший меня человек не имел ни цента. Он был археологом, одним из самых многообещающих, когда-либо работавших с отцом, но все его расходы оплачивало университетское археологическое общество. Я уже собиралась все бросить и выйти за него замуж, но отец сказал, что в таком случае выгонит его. Мне не хватило духу с самого начала семейной жизни существовать на подачки.

— Думаю, вы правы, — сказал я. — Через несколько недель любовь в шалаше не доставит особой радости, к тому же, всегда остается вероятность появления детей, что еще больше может все осложнить.

Ее лицо зарделось, и она повернулась ко мне.

— О-о, но я обожаю детей. Именно поэтому я так стремлюсь замуж. Я хочу завести не менее четырех и не страшусь работать в детской до мозолей. Я уверена, что стала бы хорошей женой, поскольку по натуре преданна и научилась быть экономной. Но, если я не смогу позволить себе завести слуг, то, думаю, возня на кухне сведет меня с ума через несколько месяцев.

— Но разве вы не можете устроиться на работу, чтобы быть в состоянии платить слугам? — спросил я.

— Я много раз думала об этом, но, к сожалению, почти все, что я умею делать, не приносит денег. Моя единственная специальность — египтология, а здесь полно студентов из университетов, жен и дочерей археологов, способных и желающих бесплатно выполнять канцелярскую работу, которой я занимаюсь. Я не сильна в современных языках и медленно учусь всему новому, поэтому вряд ли смогу получить место секретарши. Я могу стать продавцом или манекенщицей, но на этом много не заработаешь, и потом, если я буду целый день отсутствовать, кто будет заниматься детьми? Нет, Джулиан, моя единственная надежда — эта экспедиция. Если она окажется успешной, я смогу обеспечить себя и выйти замуж за кого пожелаю. Если нет, это будет мой последний сезон в Египте, я вернусь домой и стану поденщицей, зарабатывающей пару фунтов в неделю и проживающей в дешевом пригороде Лондона.

— Что случилось с вашим другом?

— Не знаю, — с горечью ответила она. — Он поссорился с отцом, главным образом, из-за меня, и уехал домой, надеясь раздобыть денег. Но он очень непрактичен и, как я слышала, угодил в скверную историю. На академическом образовании не просто разбогатеть, и я почти потеряла надежду, что он когда-либо вновь появится в моей жизни.

После этой беседы наши отношения с Сильвией стали более дружескими.

На одиннадцатый день после отъезда из Дахлы мы, наконец, достигли цели. Я почему-то втайне надеялся на какой-нибудь

ориентир, отмечающий ее, совсем, как ребенок, думающий, что на Северном полюсе торчит покрытый льдом флагшток.

Трудно сказать, что я ожидал увидеть — какие-нибудь развалины или небольшой оазис, но был весьма разочарован, когда через полтора часа пути от места нашей дневной стоянки Сильвия велела остановиться и крикнула:

— Приехали!

Караван только взобрался на высокий гребень, и вокруг, насколько хватало глаз, простирались монотонные бесконечные дюны, на преодоление которых ушло, казалось, полжизни.

Я направил машины в ближайшую ложбину, где лагерь был бы защищен от ветра, и вернулся на гребень. Сильвия уточняла, где мы находимся, измеряя высоту солнца и делая поправку по времени.

— Мы почти рядом, — закончив, сказала она. — Насколько я могу судить, нужная точка отстоит отсюда на три четверти мили к югу вдоль этого гребня.

Вместе с Гарри и Клариссой мы отправились туда пешком, надеясь, что даже беглый обзор позволит обнаружить случайно завалившиеся древко копыа или какие-то другие следы многих тысяч погибших людей. Но дюны были здесь столь же ровными и гладкими, как и везде.

Еще в Каире Сильвия рассказала мне о законах, которым подчиняются пески Ливийской пустыни, и я был не особенно оптимистично настроен относительно успеха экспедиции.

Дюны выглядят достаточно статично, хотя на самом деле они медленно, но постоянно движутся. Ветер преобладающего направления сдувает через гребень песок с наветренной стороны на подветренную, так что вся дюна постоянно перемещается. Поскольку это происходит с каждой дюной, то все песчаное море движется в одном направлении. Через несколько веков дюна, на которой мы стояли, могла удалиться на многие мили к северо-западу от места, где находилась сейчас. Поэтому месторасположение дна ложбины тоже меняется и, таким образом, каждая точка пустыни является поочередно то обнажившимся дном ложбины, то погребается под миллионами тонн песка.

Последние стоянки заблудившейся армии наверняка были устроены на дне ложбин, чтобы укрыться от холодного ночного ветра. Через несколько месяцев или лет все следы ее гибели были уничтожены ближайшими подвижными дюнами, но дюны продолжали двигаться, и со временем останки снова оказывались на дне новой ложбины.

Трудно сказать, с какой периодичностью это случалось. Вполне возможно, в год юбилея королевы Виктории на том гребне, где мы сейчас стояли, было дно ложбины, тянувшейся на многие мили, усыпанное обломками металла, которые подобрал бы всякий, оказавшийся рядом.

Не было сомнений, что останки воинов армии Камбиза находились здесь, но успех или неудача экспедиции зависела от чистой случайности — от того, на какой глубине они окажутся захороненными в этом году. Утешало лишь то, что армия в пятьдесят тысяч человек располагалась на значительной территории. Более того, многие из воинов наверняка разбрелись в разные стороны в последних, отчаянных попытках вырваться из западни. Поэтому, если останки одних погребены сейчас очень глубоко, останки других могут оказаться на дне соседних ложбин.

В тот день мы успели осмотреть ложбину, в которой разбили лагерь, но ничего не обнаружили. Как сказала Сильвия, даже небольшая ошибка египетского астронома, определявшего положение звезд, на вычисления которого мы полагались, чтобы найти нужное нам место, могла увести нас в сторону на несколько миль. И ближайшей задачей было разведать на машинах окружающую территорию.

На следующий день мы выбрались для начала юго-восточный сектор, через который двигались сюда. По нашим предположениям, именно в этом направлении отступала персидская армия. Гарри предложил ускорить разведку, посылв два автомобиля в разные стороны, но я считал это слишком опасным. Даже в коротких вылазках в пустыню в окрестностях долины Нила, по специальному правительственному закону, должно участвовать не менее двух автомобилей. До принятия его правительство несло большие издержки, вынужденное посылать самолеты на поиски одиночных групп, чьи автомобили сломались, а сами туристы заблудились в пустыне. У нас не было самолета, и, случись что-либо с автомобилем, это стоило бы жизни его экипажу. Мне удалось убедить моих спутников посылать оба автомобиля вместе.

Без грузовиков мы могли двигаться быстрее, преодолевая до семидесяти миль в день, но, хотя мы рыскали по окрестностям почти с восхода до заката, в последующие пять дней все поиски были безрезультатны, а к концу этого срока появились и первые сомнения в успехе экспедиции.

Весь запас воды составлял шестьсот галлонов и был поровну распределен между двумя грузовиками. Вода была отфильтрована и залита в емкости перед самым отправлением в пустыню, из последних колодезь оазиса Дахлы.

Исходя из рациона на один галлон воды в день на человека, воды должно было хватить для группы в восемнадцать человек на тридцать три дня. Мы добрались сюда за одиннадцать дней, и я рассчитывал, что потребуется не менее двенадцати дней, чтобы вернуться, — плюс один день на возможные случайности. Стало быть, продолжительность поисков ограничивалась десятью днями, пять из которых уже прошли.

Мы самым строгим образом следили за использованием воды и, думается, смогли бы сберечь немалое ее количество, если бы не приходилось доливать воду в радиаторы перегревавшихся моторов, что свело на нет все усилия по экономии; и через шестнадцать дней после отъезда из Дахлы запасы воды уменьшились почти наполовину.

Бензина же у нас было достаточно. За время путешествия мы израсходовали меньше половины всего запаса, а, поскольку последние пять дней грузовики бездействовали, оставшегося горючего с лихвой хватило бы для разведочных поездок и возвращения обратно.

Главной проблемой была вода. Даже если мы обнаружим под занавес следы погибшей армии, у нас просто не останется времени на раскопки.

Мне казалось, что через пять, максимум шесть дней придется сворачивать лагерь, как бы ни печально это было для Сильвии. Неудача нашего предприятия для нее была бы гораздо большим ударом, чем для Бельвилей или меня. Между нами существовала договоренность, что после покрытия издержек Клариссы львиная доля всех найденных сокровищ должна принадлежать Сильвии.

Я легко мог понять ее чувства, помня о тоскливом существовании, которое ей приходилось вести из-за нехватки денег, и о ценностях, что находились где-то рядом с нами. Даже ничтожной доли этого богатства хватило бы, чтобы возместить все расходы на экспедицию и на всю жизнь обеспечить Сильвию.

Я прекрасно осознавал это. Иначе никогда не поддался бы уговору Сильвии и Бельвилей разделить и в оставшиеся дни отправляться разными маршрутами, чтобы охватить как можно большую территорию.

Во время поездок главной заботой было не застрять, но, проведя в пустыне более двух недель, мы научились хорошо определять опасные и безопасные участки песка, слегка отличающиеся друг от друга по цвету. Мы считали, что, в худшем случае, если машина глубоко увязнет, всегда можно вернуться в лагерь пешком, придерживаясь проложенной колесами колеи.

К сожалению, однако, оставались одна-две случайности, которых мы не предусмотрели.

Глава XXIII

ПОТЕРИ И НАХОДКИ

Несчастье настигло нас на второй день раздельных поисков, когда мы с Сильвией съезжали по склону дюны под не особенно крутым углом. Неожиданно одно из колес сильно ударилось обо что-то, машина опрокинулась, дважды перевернулась и приземлилась на крышу на дне ложбины.

Стальной кузов автомобиля защитил нас, и кабина не сплюснулась, но я сильно ушибся головой, а Сильвия подвернула ногу. С большим трудом мы выбрались из машины. Автомобиль лежал колесами вверх, глубоко зарывшись в мягкий песок, и перевернуть его своими силами не было никакой возможности. Мы почти исчерпали время, отпущенное на поездку, и всего несколько минут назад говорили о том, что пора возвращаться, — мы находились в тридцати милях от лагеря и в двенадцати — от места встречи с Гарри и Клариссой. Пройти двенадцать миль по песчаным дюнам было не так просто, но мы успели бы до захода солнца, если бы не нога Сильвии.

Правда, я не особенно волновался, зная, что не встретив нас в назначенное время, Гарри и Кларисса отправятся на поиски и без особого труда найдут нас, двигаясь вдоль колеи, оставленной нашей автомашиной. Гарри должно хватить трех часов, чтобы доехать до нас; обратная дорога займет больше времени — в темноте придется двигаться очень медленно, чтобы в свете фар не потерять колею, но к раннему утру мы должны оказаться в лагере.

Сильвия, однако, храбрилась и уверяла, что сможет идти. Я пытался разубедить ее, но потом уступил, понимая, что чем ближе мы окажемся к месту назначенной встречи, тем скорее Гарри сможет подобрать нас.

Мы отправились в путь, и Сильвия отважно заковыляла, обхватив рукой меня за плечи, но боль, видимо, была очень сильной, и нам приходилось отдыхать все чаще и чаще. Так или иначе, нам удалось преодолеть лишь пару миль, когда она разразилась рыданиями, умоляя простить ее за то, что она не может больше сделать ни шагу.

Прошел еще час, и Сильвия неожиданно забеспокоилась. Воздух стал горячее, поднимался ветер. Приближалась песчаная буря.

Мы замотали лица одеждой, крепко обнялись и легли на песок; через несколько секунд небо на юге почернело и вокруг засвистели песчаные вихри.

Слава Богу, джибли оказался не очень сильным. Но когда мы вновь смогли взглянуть на расстилающуюся вокруг пустыню, следы колес нашего автомобиля — единственное, что связывало нас с Гарри и с жизнью, — были начисто стерты.

Буря наверняка захватила и Бельвилей, и им самим потребуются многие часы, чтобы найти экспедиционную стоянку. А когда они отправятся искать нас, это будет равносильно поискам иголки в стоге сена.

Мы с Сильвией посмотрели друг на друга. Ни я, ни она не произнесли ни слова, но каждый знал, что только чудом мы можем избежать участи, постигшей армию Камбиза двадцать четыре столетия назад.

Я с мрачным юмором подумал, что мне, всего полмесяца назад изнедававшему все муки приближающейся смерти от жажды, предстоит вновь такое же испытание.

И на этот раз я твердо решил: мы будем держаться до последней минуты, пока будет надежда, что Бельвилей найдут нас, но затем я застрелю Сильвию и себя.

Я инстинктивно потянулся к поясу, где обычно носил пистолет, и тут вспомнил, что в последние дни перестал брать его с собой. Сильвия заметила мое движение и правильно истолковала его.

— Вы оставили его в палатке, — сказала она. — Я видела его там перед отъездом. Но даже если бы пистолет у вас был, я не позволила бы застрелить меня. Мне не хочется умирать таким способом. Где жизнь, там всегда надежда, и у меня есть свои резоны предпочитать самую мучительную смерть самоубийству.

— Какие же? — с любопытством спросил я.

— Я не верю, что кто-либо страдает больше, чем может вынести, — медленно проговорила она. — И хотя следует сознательно избегать страданий, однако приходится принимать их, когда они выпадают на нашу долю. Это как проверка духовной силы, и тем, кто успешно проходит ее, воздается.

— Вы говорите о будущей жизни?

— Да. Всякий, кто достаточно изучал древние религии, приходит к выводу, что у древних были куда более логичные верования относительно загробной жизни, чем у современных людей. Было бы ужасно несправедливо судить людей на основании мизерного отрезка времени в шестьдесят с небольшим лет, а затем награждать их венком и арфой или навечно проклинать.

— Так вы верите, что у нас много жизней?

— Я в этом не сомневаюсь.

Я был немного знаком с буддизмом и, студентом, сам увлекался им. Меня не удивили воззрения Сильвии — мне приходилось сталкиваться с подобными следствиями упрощенного взгляда на христианство, позволявшим человеку в течение одной жизни достичь того, что обещалось буддизмом лишь за многие миллионы рождений, но его строгие концепции Добра и Зла не позволяли человеку впадать в характерный для буддизма этический релятивизм. Однако эта беседа так увлекла нас, что на несколько часов мы начисто забыли о своем отчаянном положении.

Солнце, словно огненный шар, медленно опустилось за горизонт, небо расцвело великолепными красками, которые постепенно угасли, и вокруг сгустилась тьма.

У нас имелось по фляге с водой, а у меня в кармане нашлась плитка шоколада. Мы разделили ее между собой, запили несколькими глотками воды и этим завершили ужин.

Есть странное очарование в ночной пустыне. Ее абсолютное спокойствие вызывает ощущение полного умиротворения, и в кристально чистом воздухе мириады звезд небесного свода сверкают так ярко, что человек, знакомый лишь с ночным небом пыльных городов, не может даже себе представить.

Длительные рассуждения о загробной жизни — или жизни, как продолжала считать Сильвия, — подействовали удивительно. Мы не могли спастись своими силами, и теперь только от воли небес зависело, умереть нам здесь или остаться в живых.

Правда, уже давал о себе знать холод, что разливается в воздухе после захода солнца и к рассвету становится очень сильным. Чтобы меньше мерзнуть, я вырыл мелкую траншею и, закончив, сказал Сильвии:

— Ложитесь сюда и засыпьте нижнюю часть тела песком. Он немного защитит вас от холода, а я вырою рядом еще одну, для себя.

— Вместе нам будет куда теплее, — тихо заметила она.

Я расширил траншею, мы легли рядом и я обнял ее за шею, чтобы она могла положить голову мне на грудь и устроиться поудобнее.

Мы молча лежали, согревая друг друга, и совершенно не чувствовали холода. Сна не было ни в одном глазу, и я изучал очертания созвездий. Я уже думал, что Сильвия уснула, когда она неожиданно чуть повернула голову и проговорила:

— Знаешь, Джулиан, в ту ночь около пирамид, когда мы впервые встретились, я подумала, что мы станем любовниками.

— И я тоже, — подтвердил я, — однако, вернувшись в «Семирамиду», ты выбрала странный способ выразить свои чувства.

Она тихо рассмеялась.

— Но, согласись, та прогулка через хлопковые поля исчерпала бы терпение любой девушки. А мне к тому же стоила одного из немногих выходных платьев, и я основательно сидела на мели, чтобы купить ему замену.

— Бедняжка. Если бы я только знал о такой трагедии, я приволок бы тебе целую дюжину.

— Какой ты счастливчик, Джулиан, у тебя столько денег! — вздохнула она.

— К сожалению, никакие деньги не помогут мне стать тем, кем я был раньше.

— Ты все еще человек-загадка?

— Ты не устаешь? — спросил я.

— Ничуть. Сейчас только половина девятого, и я не усну еще несколько часов.

— Тогда я могу рассказать о своем темном прошлом.

— Хорошо бы. — Она устроилась поудобнее рядом со мной. — Я не менее любопытна, чем всякая другая женщина, и ты не представляешь, сколько размышляла, что же за тайну ты так тщательно скрываешь от всех.

Я поведал ей о своей краткой карьере дипломата и о ее трагическом завершении. Но она сочла, что я делаю из мухи слона и веду себя, как идиот, скрываясь под вымышленным именем. Она сказала, что мне просто не повезло, и никто из знавших подробности случившегося, не обвинил бы меня.

— Ты была бы грандиозной женой, Сильвия, — неожиданно сказал я.

— Это предложение? — рассмеялась она.

— Нет, дорогая. Боюсь, что нет. Несмотря на все сказанное тобой, я не такой мерзавец, чтобы просить приличную девушку разделить полуподпольное существование, выпавшее на мою долю. А потом, ты ведь любишь не меня, а своего археолога.

— Я любила его душой и телом. Мы прожили вместе три месяца, но я абсолютно убеждена, что, когда наша страсть угаснет, мы все равно будем очень счастливы вдвоем. Это настоящая любовь, и, если бы мы могли пожениться, я была бы всегда верна ему. Однако есть другой тип любви — обычное физическое влечение. Такое состояние недолговечно, но пока оно не прошло, с нами случаются удивительные вещи.

— Можешь не говорить мне об этом, — улыбнулся я, — я не так давно испытал подобное по отношению к Уне.

— Так ты никогда не женился бы на ней?

— Упаси Боже! Она очаровательная подруга, но, будь у нее и другой характер, нам хватило бы пары месяцев, чтобы наскучить друг другу.

— Я понимаю, о чем ты говоришь. В такие моменты за себя трудно отвечать.

Сильвия подняла голову и взглянула мне в лицо. И когда она заговорила, глаза ее сияли в свете звезд.

— Я бы не стала твоей женой, Джулиан; даже если бы мы выкарабкались отсюда и ты попросил бы меня об этом. На всем свете есть только один человек, за которого я вышла бы замуж. Но я не вижу, что мешает тебе поцеловать меня перед сном.

Утром мы проснулись с восходом солнца, зажегшего небо на востоке. Ни один звук не нарушал тишины пустыни, ни одна тень не мелькнула среди безлюдных дюн. Мы сделали по глотку воды из фляжек, но у нас не было ни крошки еды, и я знал, что мы должны попытаться вернуться к автомобилю, ориентируясь по солнцу.

Нога у Сильвии распухла и ныла, но острой боли при ходьбе она не испытывала, и нам некуда было торопиться. К счастью, у меня в памяти осталось, что, возвращаясь назад по колею, мы преодолели четыре гребня, и когда спускались по откосу четвертой по счету дюны, я был уверен, что мы добрались до той самой ложбины, где случилась авария. Однако, к нашему разочарованию, автомобиля там не было.

Мы решили, что слишком сильно отклонились вправо, и пошли по ложбине в противоположную сторону. Вдруг Сильвия заметила чуть впереди темное пятно на песке, похожее на небольшой коричневый булыжник. Нагнувшись, чтобы получше разглядеть находку, я дотронулся до нее, и она распалась под рукой.

Осмотрев ее более внимательно, мы выяснили, что это толстый кусок кожи, после многих сотен лет столь хрупкий, что рассыпался в пыль от одного прикосновения. От него осталось лишь железное кольцо и железная распорка в центре. И тогда мы поняли, что за странную шутку сыграла с нами судьба. Отрезанные от лагеря, почти безнадежно потерявшиеся в песчаном море и готовые встретить крадущуюся по пятам смерть, мы наконец-то обнаружили первые следы погибшей армии Камбиза. Распавшийся предмет был когда-то грубым кожаным шлемом персидского пехотинца.

— Удивительно, как кожа могла так долго сохраняться, — сказала Сильвия. — Возможно, только вчерашняя буря смела песок со шлема. Давай посмотрим вокруг, нет ли чего-нибудь еще.

— Не стоит тратить силы, — возразил я. — Сначала надо разыскать автомобиль. Если нас самих когда-нибудь найдут, мы всегда сможем вернуться сюда.

Но, пока мы шли по ложбине, нам встретилось немало подобных реликвий, разбросанных на пути. В основном это были такие же куски хрупкой кожи от шлемов, поясов и щитов или их грубо обработанные железные части, а также наконечники и рукоятки копий. Однако мы нашли один дротик и довольно красивую пряжку от пояса — медную, с чеканкой.

Прошло более полутора часов с момента первой находки, когда, к великому облегчению, мы заметили перевернутый автомобиль. Еще через двадцать минут мы подошли к нему и первым делом проверили свои припасы. В нашем распоряжении оказались две бутылки эвианской воды в кварту каждая — без такого резерва автомобили никогда не выезжали из лагеря, — бутылка оранжада, а также запас консервов на два дня. Вдобавок здесь находились наши пальто, чтобы согреться ночью, и всякие полезные мелочи. Сильвия сообразила, что, когда иссякнет вода в бутылках, можно пить воду из радиатора, которой, даже с учетом испарения, никак не могло быть меньше половины галлона. По нашим оценкам, воды должно хватить на четыре-пять дней, и это несколько увеличивало шансы на спасение, поскольку Гарри будет ежедневно искать нас с утра до вечера.

Однако я был весьма далек от оптимизма. Отсюда до лагеря было не менее тридцати миль. Если принять его за центр круга, от которого мы уехали на юго-восток, Гарри ограничит поиски сектором, опирающимся на дугу длиной в четверть этой окружности, то есть около ста восьмидесяти миль. Обзор при движении — около полумили в обе стороны, а мы забрались так далеко, что более одной поездки за день он сделать не сможет. Давая ему пять дней на поиски, я прикинул, что вероятность обнаружить нас не более чем один к девяти.

После скромного завтрака из консервов я решил выяснить, на что же наткнулось колесо нашей машины. У меня были некоторые предположения на этот счет, и, оставив Сильвию в тени автомобиля, я полез вверх по склону.

Я обнаружил выпирающий из песка большой кожаный сундук, для прочности перехваченный железными полосами. Колесо автомобиля раздробило его крышку, но, заглянув внутрь, я понял, почему перевернулся автомобиль: сундук был до краев наполнен древней обеденной утварью, что и делало его таким массивным.

Взяв оттуда тарелку и внимательно осмотрев ее, я сразу понял, что она представляет ценность только как предмет древности, и металл, из которого она была изготовлена, скорее всего, олово, но с каким-то красноватым оттенком.

Набрав кучу посуды, я заспешил к Сильвии. Случись такая находка сутки назад, она привела бы нас в необычайный восторг. Но даже сейчас, когда безвыходное положение омрачало радость первой, действительно ценной находки, мы не могли удержаться от восхищения.

Мы взяли лопаты и отправились на склон. Едва начав копать вокруг сундука, мы обнаружили на глубине всего в несколько дюймов немалое количество всевозможных предметов. Большинство из них сгнило, но нам удалось собрать небольшую коллекцию из наконечников копий, дротиков и мечей, а после двух часов работы моя лопата наткнулась на странное приспособление, напоминающее остатки портшеза.

Сильвия предположила, что это были крытые носилки важного военачальника, либо раненого, либо слишком старого, чтобы ездить верхом. Мы удалили верх носилок и принялись руками выгребать песок изнутри.

Когда мы достаточно очистили портшез от песка, нашему взору представало мрачное зрелище — в нем все еще находились останки мертвеца.

Он, очевидно, здесь и умер. Возможно, он был слишком слаб, чтобы вырваться наружу, а может быть, решил отнестись к смерти философски и хотя бы укрыться в портшезе от палящего солнца. Его тело, в отличие от тел его спутников, было защищено остоном носилок; постепенно сквозь щели внутрь просеялся песок и защитил от распада тело, со временем мумифицировавшееся.

Как только мы добрались до уровня плеч, голова мумии отвалилась, и, подняв ее, я удивился, что она почти ничего не весит. Мы продолжили копать в надежде наткнуться на что-либо ценное. На его груди висело прекрасное украшение из необработанных рубинов в золоте, еще ниже мы обнаружили кривую саблю с полудрагоценными камнями на рукоятке, а у ног — статуэтку Осириса, по-видимому, выпавшую из рук, когда он умирал. Она была высотой в десять дюймов, из чистого золота, а на месте глаз были вставлены крошечные сапфиры. Статуэтка, очевидно, была частью награбленной добычи, взятой персами с собой из древних Фив. Сильвия заявила, что такая вещь сама по себе ценится гораздо выше, чем золото, из которого она сделана, и может стоить от двух до трех тысяч фунтов.

Помимо этих, действительно важных находок мы обнаружили еще пряжку от пояса, серебряные и золотые пуговицы от туники и несколько тончайших золотых полосок, по словам Сильвии, использовавшихся вместо денег. Похоже, обеденный сервиз также был частью его багажа, и мы надеялись обнаружить поблизости и другие его вещи.

Полуденное солнце стояло почти над головами, и мы решили сделать перерыв. Забрав главные находки, мы вернулись к автомобилю, слегка перекусили и договорились вечером возобновить раскопки. Поскольку автомобиль был перевернут, я разместил подушки сидений на крыше и сверху накрыл нашими пальто. Затем мы забрались внутрь и, обнявшись, мгновенно уснули.

Проснулись мы одновременно от рева двигателя. На секунду я было предположил, что это Гарри съезжает в своем автомобиле по склону дюны прямо на нас. Однако звук доносился с неба и мог быть только ревом самолета.

Выкарабкавшись из автомобиля, я сразу увидел низко кружащий над нами самолет. Сильвия тоже выползла наружу, и мы принялись отчаянно размахивать руками и кричать во всю силу легких.

Люди в самолете заметили нас, и машина пошла на снижение. Она медленно развернулась против ветра и мягко приземлилась на дне ложбины, в сотне ярдов от места, где мы стояли.

От возбуждения Сильвия позабыла про боль в ноге, схватила меня за руку, и мы побежали к самолету. Это была небольшая четырехместная машина, но для нас она означала жизнь.

Мы были в двадцати ярдах от него, когда дверь самолета открылась и оттуда выпрыгнул араб, одетый в европейский костюм. В его руках была винтовка, которую он проворно вскинул к плечу. И не успел я вскрикнуть от изумления, как в двери самолета появилась фигура второго человека, которого я сразу же узнал. Это был Син О'Кив.

Глава XXIV

СХВАТКА

Затем из самолета выпрыгнул толстый, лоснящийся, улыбающийся Закри-бей. Человек с винтовкой продолжал держать нас на прицеле: они, вероятно, считали, что мы вооружены, и решили не рисковать.

Мы с Сильвией остановились всего в пятнадцати шагах от них. Восторженные восклицания замерли у нас на губах, а безумная радость, охватившая нас при виде приземляющегося самолета, погасла, как пламя свечи, когда мы узнали прилетевших людей.

Онемев, мы, как громом пораженные, стояли с открытыми ртами и тупо смотрели на О'Кива. Он был одет совершенно неподходяще для поездки в пустыню. Мягкая фетровая шляпа скрывала седые волосы, однобортное серое твидовое пальто, более уместное для Лондона, свободно болталось на его костлявой фигуре.

Легкая усмешка мелькнула на его тонких губах, когда он обратился к Сильвии:

— Добрый вечер, мисс Шэйн. Возможно, вы помните, как несколько недель тому назад вы гостили в Исмаилии, где я имел честь недолго развлекать вас. К сожалению, мне пришлось поспешно отбыть, и я не успел попрощаться с вами.

Сильвия сурово посмотрела на него, но ничего не ответила.

Закри захихикал на жутко фальшивой ноте. Так мог смеяться евнух или школьник, но отнюдь не мужчина.

— А вот и мистер Джулиан Дэй, — взглянув на меня, продолжил О'Кив, — который так интересовался моими вещами, пока мы плыли на «Гемпшире». Теперь я вижу, что мы встречались еще раз и даже обменялись выстрелами, хотя тогда я не узнал вас без бороды. Было лишь ощущение, что ваше лицо смутно знакомо мне.

Он на мгновение запнулся и неожиданно сделал шаг вперед.

— О, Боже! Я узнал вас. Вы — Дю Кроу Фернхерст!

Я кивнул.

— Именно. После того, как из-за ваших грязных махинаций меня вышвырнули с дипломатической службы, я взял имя Дэй, чтобы облегчить себе жизнь, встречаясь с приличными людьми.

К нему вернулось его обычное спокойствие.

— Это многое объясняет. Я всегда был уверен, что вы не связаны ни с полицией, ни с «Интеллѐженс сервис»; и меня озадачивало, почему молодой человек по имени Джулиан Дэй суется не в свои дела и с таким, совершенно необъяснимым жесточением преследует меня.

— Да, — согласился я. — Закрытием притона Гамалья в Каире и разгромом борделя в Исмаилии вы обязаны мне. Оба этих дела оставили мне колоссальное удовольствие.

Он вновь улыбнулся.

— Мой дорогой мальчик, не следует воображать, что подобные булавочные уколы могут причинить мне сколь-нибудь серьезные неприятности. Гамаль просто поплатился за свою тупость, а потеря нескольких девиц вообще не имеет значения. Как ваш старинный приятель, я весьма опечален, что обстоятельства могут помешать вам и дальше наслаждаться ролью «чистильщика». Вы привлекли мое внимание к слабым звеньям в нашей организации; это очень важная услуга, и я не останусь в долгу. Но как ваши успехи в поисках сокровищ Камбиза?

Скрывать наши раскопки было невозможно, поэтому я пожал плечами и взглянул в сторону выкопанного портшеза и сундука с тарелками, находившихся выше по склону.

— Вы сами можете убедиться. Мы нашли несколько безделушек, но ничего особенно ценного.

— Я вижу, вы потерпели аварию, — указал он на перевернутый автомобиль, — и, если не ошибаюсь, застряли здесь.

Секунду я колебался, раздумывая, не лучше ли сказать правду, рассчитывая на его сострадание. Но, как я знал, это чувство ему незнакомо.

— О, вовсе нет, — с легкостью, которой постарался придать естественность, рассмеялся я. — Бельвию и все остальные копают в соседней ложбине. Этим утром наш автомобиль перевернулся, но так как мы не вернулись после ланча в лагерь, они, естественно, разыскивают нас и могут появиться в любую минуту.

— Вам бы сильно повезло, будь это правдой. Но я прилетел сюда на самолете. Если бы ваши друзья находились поблизости, мы бы наверняка заметили их. Сегодня вы не брились, мой юный друг, и мисс Шэйн выглядит далеко не безупречно. Этот автомобиль перевернулся вчера, и прошлую ночь вы провели в пустыне. Вы потерялись и умерли бы от жажды, не найди я вас.

— Так вы возьмете нас с собой? — неожиданно спросила Сильвия.

Он пожал костлявыми плечами.

— Боюсь, что это будет весьма затруднительно. Видите ли, в нашем самолете всего четыре места, и все они, в том числе и место пилота, заняты.

— Но четырехместный самолет в состоянии взять на борт шестерых, — торопливо возразила Сильвия. — Вы же не можете оставить нас здесь умирать.

— Могу, — спокойно сказал он, — хотя пока не собираюсь этого делать. Сейчас, я думаю, мы взглянем на сокровища.

О'Кив с большим энтузиазмом начал осматривать наши находки, и я вновь поразился, сколь многогранной была эта странная личность. Через несколько мгновений он казался совершенно иным человеком; проявляя всю свою эрудицию и шарм, обманувшие столько людей, он оживленно беседовал с Сильвией о египтологии, и она, казалось, забыла, что разговаривает с убийцей своего отца и недавним своим похитителем, а не просто с милым, хорошо образованным джентльменом средних лет.

Затем он повернулся ко мне, и его глаза сверкнули из-под пенсне.

— А теперь вы, возможно, позволите мне взглянуть на кольца и прочие безделушки, которые были на этой несчастной мумии, когда вы откопали ее.

Все ценные находки мы отнесли к автомобилю и сложили в одну кучу, совершенно открыто. Возражать было бесполезно — скажи я, что на останках человека в портшезе не нашлось ничего стоящего, он никогда не поверил бы.

О'Кив с огромным любопытством осмотрел золотого Осириса и драгоценности. Затем протянул их Дауду и заметил:

— Думаю, лучше отнести их в Дауду.

Около сокровищ лежал секстант Сильвии, Закри подобрал и его:

— Он нам потребуется, чтобы определить точные координаты этого места, — прошепелявил он и обратился к Дауду: — Возьми его и вели пилота сделать это сейчас же.

Когда головорез пошел к самолету с нашими находками и секстантом, я хрипло сказал:

— Я бы не возражал, если бы вы захватили с собой и мисс Шэйн.

О'Кив покачал головой.

— Вы не совсем правильно меня поняли. Вы, молодые люди, с самого начала вели себя на удивление глупо и упрямо. Если бы вы оставили меня в покое, когда я завладел одной половиной таблички, и дали возможность без помех получить другую половину, я сам организовал бы экспедицию и вы не оказались бы в таком затруднительном положении. У меня не осталось иного выбора, кроме как позволить вам отправиться в экспедицию, раз уж вы так решили. Я даже подумал, что, дав вам неделю на поиски, избавлюсь от хлопот самому искать и откапывать сокровища. Вы привели меня к месту, где погибла армия Камбиза, и подарили несколько интересных сувениров, которые я захвачу с собой. Теперь я вернусь, когда захочу, раскопаю всю долину и выгребу ее сокровища. Сейчас мне осталось только отблагодарить вас за все ваши действия и спасти от ужасной смерти, э-э-э... застрелив вас.

— Черт побери! — дрожа от ярости, взревел я. — Оставьте при себе выражения благодарности и не тратьте патроны. Мы застряли здесь и через неделю будем мертвы и без стрельбы.

Закри причмокнул и проговорил тонким фальцетом:

— Ваши друзья недалеко и могут обнаружить вас. Неужели вы думаете, что мы станем рисковать и оставим вас в живых? О нет, ни за что! Вам слишком многое известно. Принцесса Уна сказала нам, что была чересчур откровенна с вами.

О'Кив кивнул.

— Я вижу, вы совершенно пришли в себя после пребывания в гробнице. Когда Уна обо всем рассказала, я догадался, какую шутку вы сыграли с ней, и на другой день сам спустился взглянуть на фигуру, которую она приняла за ваш призрак. Это была великолепная идея, немало позабавившая меня. Бедная принцесса сейчас расходует значительные суммы на мессы за упокоение вашей души, надеясь с их помощью сократить на несколько тысяч лет время вашего пребывания в чистилище.

— Послушайте, — сказал я, — я не воспользовался ничем из того, что Уна сообщила мне.

— Но вы сможете сделать это, если представится случай, и к тому же, честно говоря, вы утомили меня. Я больше не вижу привлекательности, присущей вам в молодые годы.

Я страстно желал вцепиться этому мерзавцу в глотку, но прекрасно понимал, что меня изрешетят прежде, чем я смогу убить его голыми руками. Сдерживая себя, я глухо произнес:

— Хорошо. Делайте со мной, что хотите. Но при чем тут мисс Шэйн? Ради Бога, неужели вы не можете совершить хоть один милосердный поступок в своей жизни и взять ее с собой?

— И этим дать ей возможность сделать заявление в полицию, что вас застрелили в пустыне? Нет уж, благодарю, мой юный друг. Вы оба дошли до точки. Дауд! — бросил он вернувшемуся арабу. — Кончай их! Сначала женщину.

Хитро улыбаясь, Закри поспешил вмешаться:

— Займись им, Дауд, а ее оставь мне.

Закри был патологически ненормален, и Уна рассказывала мне, что он, вдобавок, люто ненавидел женщин. Нотка садистской радости в его голосе выдавала, какое извращенное наслаждение доставит ему убийство Сильвии.

Я приготовился броситься на О'Кива. Раз они собирались застрелить нас, не было смысла ждать, как овца на бойне. Но отвратительная страсть Закри к убийству вселила в меня такую ненависть, что в последнюю секунду я рванулся к нему и закричал:

— Беги, Сильвия!

Этот рывок спас меня от пули Дауда, но моя жизнь чуть было не оборвалась по иной причине. В тот момент, когда я прыгнул в сторону Закри, где-то рядом раздался одиночный винтовочный выстрел, пуля пробила мне полу куртки и ударила в колесо перевернутого автомобиля.

С неожиданной злобной восторгом я увидел выражение смертельного ужаса в черных глазах Закри и в следующую секунду ударила его кулаком в лицо, раздробив нос.

Он упал на песок, а я, ожидая пули Дауда или О'Кива, мгновенно повернулся, но О'Кив уже со всех ног бежал к самолету, только развевались фалды его серого пальто.

Пистолет Дауда был направлен в мою сторону, но сам он оглянулся на О'Кива, и теперь колебался, не сделать ли ему то же самое.

Это и погубило его. Две, три, четыре винтовки выстрелили. Резко вскрикнув, Дауд зашатался, поднял руки и упал, и изо рта его потекла струйка крови.

Теперь стреляли не менее полудюжины винтовок, но я даже не взглянул в сторону О'Кива. Закри вновь был на ногах, и, полуослепший от крови из перебитого носа, сжимал в руке пистолет.

Я бросился на него прежде, чем он успел его поднять. Я схватил его тонкое запястье и вывернул с такой силой, что услышал звук ломаемой кости. Пистолет выпал из его онемевших пальцев. Другой рукой я ударил его в грудь, в область сердца, и мы оба упали на песок.

Я не ощущал ни малейшей жалости к нему.

Стрельба продолжалась, и, взглянув в сторону самолета, я увидел, что О'Кив забирается в него, и пилот завел двигатель. Пуля ударила в хвост самолета, уже начинавшего разбег, и через несколько мгновений он был в воздухе, быстро набирая высоту.

Арабы из нашей экспедиции с криками появились на гребне ближайшей дюны. Они в сердцах продолжали палить в самолет, упустив О'Кива, представляющего отличную мишень, пока он бежал сотню ярдов по открытой местности.

У Сильвии хватило здравого смысла распластаться на песке, когда началась стрельба, но, увидев наших спасителей, она вскочила и, хромя, побежала вверх по склону навстречу появившемуся на гребне Гарри. К нам подбежала Кларисса, так опасно размахивая пистолетом, что он выстрелил, когда она обняла меня руками за шею, но, кроме моих едва не лопнувших барабанных перепонок, от выстрела никто не пострадал, и пуля вошла в песок; тем временем Сильвия целовала Гарри так, словно он был ее давно потерянным возлюбленным.

Когда возбуждение слегка улеглось, мы узнали, что спасением своим обязаны, как ни странно, самолету О'Кива. Не встретив нас вчера в назначенное время, Гарри и Кларисса попытались было найти нас, но сами заблудились в темноте и чудом вернулись в лагерь в час ночи. Задолго до восхода солнца Гарри разгрузил оставшиеся машины экспедиции, чтобы они могли двигаться належку, расположил их в ряд, заняв место в центре, и, едва забрезжил рассвет, отправился на поиски. Автомобили двигались в одном направлении на расстоянии полумили друг от друга, и, таким образом, в поле зрения оказывалась территория шириною в три мили.

За полчаса до появления О'Кива крайняя правая машина проехала всего в двух милях от нас и, по словам Гарри, он вовсе не был уверен, что в оставшиеся дни оказался бы ближе к нам, поскольку ему надо было осмотреть огромную территорию. Однако они обратили внимание на самолет и увидели, как, сделав несколько кругов, он пошел на посадку справа от них.

Гарри знал, что в этой пустыне с воздуха можно различить не так уж много интересных объектов, и предположил, что этим объектом были мы. Поэтому он немедленно развернул автомобили и поторопился в сторону, где приземлился самолет.

Не заинтересуйся О'Кив останками перса, мы были бы мертвы прежде, чем Гарри добрался бы до нас. И, когда его автомобиль первым оказался на гребне дюны, он сразу же узнал Закри и понял, какая опасность нам угрожала. Именно выстрел Гарри чуть было не задел меня, но зато обратил в бегство О'Кива и спас нам жизнь.

К сожалению, О'Кив украл все наиболее ценные находки, но Гарри, Кларисса и арабы буквально ликовали, когда выяснилось, что нам наконец-то удалось наткнуться на следы персидских сокровищ.

Мы решили заночевать прямо здесь, поскольку возвращаться в лагерь было уже поздно.

Вечером мы держали совет.

После долгих размышлений мы решили продлить наше пребывание здесь до четырех дней и оставить десять дней на обратный путь, уменьшив ежедневный рацион воды на одну треть.

На следующее утро Гарри и часть людей уехали на грузовиках в старый лагерь за нашими вещами, а Сильвия, Кларисса, Амин, я и еще шесть человек остались на раскопках. Сильвия взялась окончательно очистить портшез от песка и обнаружила под сиденьем что-то вроде шкафчика, а в нем — шкатулку с накладками из слоновой кости и другие вещи. Когда она взяла шкатулку в руки, днище неожиданно выпало, и к ее ногам пролился целый поток браслетов, колец, ожерелий и прочих украшений. Большинство из них содержали крупные необработанные драгоценные камни, а некоторые были довольно изящной работы. Всего в шкатулке оказалось пятьдесят шесть предметов, и их стоимость, по нашей оценке, была никак не ниже двадцати пяти тысяч фунтов.

Кроме этого, под сиденьем оказалось немало тонких золотых полосок, заменявших деньги, две великолепные чаши из чистого золота и бесчисленное множество разноцветных бусинок, нашиваемых на ткань при изготовлении орнамента.

Мы считали, что можем доверить арабам, участвовавшим в экспедиции, но, чтобы не соблазнять их видом сокровищ, Сильвия, Кларисса и я распределили их между собой, и по моей просьбе девушки зашили драгоценности в белье.

Однако меня чрезвычайно беспокоило заявление О'Кива, что он позволит нам найти место, где погибла персидская армия, а затем сам примется за дело.

Я поделился своими опасениями с Гарри.

— Через три дня мы уедем отсюда, — оптимистично ответил он, — навряд ли он успеет подготовиться за это время.

— Пусть так, — сказал я, — но нам следует принять меры предосторожности. Во-первых, мы выставим часового на самом гребне, чтобы не пропустить приближения самолета. Во-вторых,

следует вырыть глубокий окоп, где можно было бы укрыться, если нас атакуют.

На другой день мы нашли только хорошо сохранившийся комплект доспехов и очень красивый шлем, принадлежавший какому-нибудь офицеру, жившему, любившему и сражавшемуся в далеком туманном прошлом.

На следующее утро нам повезло больше — мы наткнулись на остатки колесницы и около нее обнаружили еще три шлема, два бронзовых щита, несколько маленьких статуэток божков, золотое кольцо, браслет с полудрагоценными камнями и четыре золотые полоски, весом около десяти унций каждая.

Мы весьма неохотно сделали перерыв и торопливо заканчивали ланч, собираясь поскорее вернуться на такое многообещающее место, когда внезапно раздался крик. Из нашего лагеря мы ничего не могли видеть, кроме фигуры часового, прыгающего на гребне и указывающего на запад, но знали, что трюга может означать только одно: нас атаковал О'Кив, и в следующую секунду заметили самолет.

Глава XXV

СМЕРТЬ В ПЕСКАХ

Самолет был намного больше прилетавшего три дня тому назад, — двухмоторный монстр, способный взлететь на борт двадцать человек. Он летел на высоте всего в две тысячи футов, и, когда мы рванулись вверх по склону, он, опустив нос, стал пикировать прямо на нас, по долине пронеслась пулеметная очередь, и с недобрым предчувствием я оттащил Сильвию в сторону от линии маленьких песчаных фонтанчиков, взбитых пулями всего в десяти футах от нас.

Мы добрались до окопа целыми и невредимыми одновременно с нашим часовым — носильщиком по имени Каит, сбжавшим вниз по склону, но остальные еще оставались далеко позади. Самолет пролетел прямо над нашими головами, и его огромная тень на секунду скрыла солнце. Траектория огня прошла чуть левее окопа, но задела лагерь, — мы слышали, как пули градом застучали о палатки и автомобили. Двое арабов упали, и один закричал от боли, корчась на песке.

Первая атака закончилась, и самолет скрылся из виду за противоположным гребнем. Но по звуку мотора мы догадались, что он вновь набирает высоту.

Укрывшиеся под грузовиками арабы теперь вылезали из-под них. Крича на пределе голоса, я приказал им немедленно бежать к нам, пока это безопасно.

Если бы они немедленно послушались, как Амин и Муса, то успели бы благополучно добраться до окопа. Но они были страшно перепуганы, и нам с Гарри пришлось кричать до хрипоты почти две минуты, прежде чем они пошевелились и побежали вверх по склону. К этому времени самолет успел сделать широкий полукруг, и я со страхом наблюдал, как, вместо того, чтобы завершить облет и вновь атаковать со стороны гребня, он развернулся и на очень низкой высоте приближался к лагерю с юга, над ложбиной. Несчастные арабы были застигнуты на полпути к нам. В следующие несколько секунд мы стали свидетелями страшной бойни, и их тела — неподвижные или корчившиеся в агонии — остались лежать на песке.

Я видел, что некоторые из лежавших арабов только ранены, и решил, что надо попытаться оттащить их сюда. Гарри начал было взбираться на бруствер окопа, но я стащил его вниз.

— Один из нас должен остаться с женщинами, — сказал я, — я сделаю, что смогу.

Со всех ног я рванулся вниз по склону, но, добежав до мертвых и умирающих арабов, не знал, кому из них первому оказывать помощь. Двое были уже мертвы, и еще троих, как мне показалось, ничто не спасло бы. Остальные были ранены в ноги, я схватил ближайшего из них за руку и помог подняться. У него была раздроблена пулей лодыжка, и с криком боли он упал вновь. В этот момент Сильвия предупреждающе крикнула. Самолет успел развернуться и опять снижался над ложбиной. Едва я упал ничком рядом с раненым, как тут же заработали пулеметы. Рядом лежал Абдулла, наш повар, убитый прямым попаданием в сердце. Я торопливо взвалил его на себя, пытаюсь укрыться. Вокруг жужжали и пели пули, и крики, казалось, достигали небес.

Когда я выбрался из-под тела Абдуллы, то увидел, что убитые еще трое арабов, включая беднягу, которому я пытался помочь. Один араб, обезумев от страха и завывая, брел к лагерю, пошатываясь и влоча за собой раненую ногу, из которой хлестала кровь. Еще двое корчились на песке, зажимая раны на животах.

Я уцелел чудом, прикрывшись телом Абдуллы, в которое попали еще две пули, но делать здесь больше было нечего.

Когда я спрыгивал в окоп, самолет начинал четвертую атаку, на этот раз выбрав своей целью нас:

— Ложись! — завопил Гарри, когда первые выстрелы взбили песок неподалеку.

И мы скрючились на самом дне окопа, а пули стучали по пустым ящикам и канистрам из-под воды.

Вновь и вновь пулеметы вспахивали окоп, и всякий раз мы ничем не могли ответить на их огонь, успевая лишь несколько раз выстрелить вслед самолету, пока он не скрывался за гребнями дюн. Седьмая атака стоила жизни нашему носильщику Каиту — пуля попала ему в голову, а во время девятой атаки Гарри был ранен в левое плечо. Он теперь не мог держать в руках винтовку,

но продолжал стрелять в самолет из пистолета, хотя навряд ли мог попасть на таком расстоянии.

Мы заставили женщин лечь ничком на дно окопа и этим уберегли их от пуль, а сами продолжали отчаянно обороняться. Но мы чувствовали, что обречены. В Луксоре, Харге и Дахе мы сказали, что отпразднуем в пустыню просто на разведку, и никто не знал, в какой ее точке мы находимся. Если мы не вернемся, все сочтут, что мы заблудились и умерли от жажды, как это уже случилось со многими экспедициями. О'Кив мог спокойно уничтожить нас. Нам неоткуда было ждать помощи, и даже наши останки вряд ли когда-нибудь обнаружат.

Во время двенадцатой атаки Амин был ранен в шею. Он быстро терял кровь, и было ясно, что его рана смертельна. Через пять минут он умер у меня на руках. Бедный Амин! Он был отличным малым, спокойным, доброжелательным, храбрым. За многие недели, проведенные вместе, я начал относиться к нему, как к настоящему другу, и именно я втянул его в эту проклятую экспедицию. Судьба, постигшая остальных арабов, погибших сегодня, глубоко опечалила и ужаснула меня, но в этом не было ничего личного. Смерть Амина — потрясла до глубины души.

У нас теперь осталось только две винтовки — моя и Мусы. Наш водитель Хамид, уцелевший после первой атаки, все время пролежал, скорчившись, на дне окопа.

Самолет атаковал нас еще дважды, и вдруг шум мотора смолк. Я было подумал, что одна из наших пуль достигла цели, но в следующее мгновение услышал гул, доносившийся теперь из-за гребня дюны, на склоне которой находился окоп.

Вновь наступила тишина, показавшаяся неестественной после полутарчосового рева моторов, и я понял, что самолет приземлился в соседней ложбине. Вероятно, О'Кив, чтобы побыстрее разделиться с нами, решил атаковать с земли. Стояла невыносимая жара, и мы сделали по глотку воды из флажков.

Через десять минут люди О'Кива появились на гребне дюны и начали поливать нас сверху из пулеметов и винтовок. Теперь нам предстояла последняя схватка, когда они пойдут на штурм.

Однако атака задерживалась, и огонь с гребня постепенно стихал. Теперь сверху раздавались только одиночные винтовочные выстрелы и каждые две-три минуты — короткая пулеметная очередь. Мы просидели уже не менее полчаса на дне окопа, задыхаясь от жары, когда Кларисса внезапно сказала, что пахнет гарью. И, приняв решение, я ловил в воздухе запах дыма. Я осторожно высунул голову из-за бруствера, быстро оглядел долину внизу и сразу же понял, почему О'Кив ограничился тем, что заставил нас пригнать головы под непрерывным огнем с гребня дюны, а не атаковал. Он был занят грабежом и уничтожением нашего лагеря.

Все самые ценные находки были у нас при себе, и в лагере ничего не осталось, кроме двух золотых чаш и коллекции оружия. И, как мне показалось, в бесмысленной ярости он оббил остатками бензина и поджег грузовики, палатки и все наши запасы, теперь полыхавшие одним огромным костром.

В тот момент, когда я поднял голову над краем траншеи, мне в лицо ударил порыв горячего воздуха, который я принял за сильный жар от гибнущего лагеря. Вновь пригнувшись в окопе, я услышал восклицание Сильвии:

— Посмотрите на небо!

Подняв голову, я увидел, что небо приняло странный красноватый оттенок, но я приписал это тоже подсветке пожара.

— Это наш лагерь, — сказал я. — О'Кив добрался до бензина, и все наши запасы горят, как порох.

— Это джибли! Это джибли! — с ужасом закричала Сильвия, но ее голос почти потонул в страшном вое несущегося ветра.

Завывание все усиливалось, в нем появилась высокая стонущая нота, и в следующую секунду буря с яростью обрушилась на нас.

Я понял, почему прекратилась стрельба, — люди на гребне значительно раньше заметили приближение джибли. Теперь все окутывали тучи песка, видимость упала до нескольких футов, и, хотя нам больше не грозили пули, была опасность задохнуться, если не удастся отыскать какое-то укрытие.

Повинуясь инстинкту, мы начали карабкаться через бруствер. Жаркий ветер с силой рвал одежду, несколько секунд мы стояли на краю окопа, пошатываясь и отчаянно пытаясь защитить от песка глаза. На меня наткнулась Сильвия, я схватил ее за руку и закричал изо всех сил:

— Бежим через гребень! Через гребень, к их самолету!

И все мы — шесть человек, уцелевшие от нашей экспедиции, — вслепую побрели вверх по откосу, цепляясь друг за друга, чтобы порывы ветра не опрокинули нас.

Наконец, добравшись до гребня, мы начали спускаться вниз, по другому склону дюны, не имея представления, где может находиться самолет, и не различая даже очертаний ложбины. Однако я был уверен, что внезапная налетевшая буря застала людей О'Кива в нашем лагере. Если нам удастся раньше них добраться до самолета, силы могут оказаться не столь уж неравными.

Но сможем ли мы вообще добраться до него? Мы могли только идти вниз по склону в надежде, что случайно наткнемся на него. Но, спустившись на дно ложбины, в отчаянии остановились, не зная, куда идти: вправо или влево. Нас спас случай. Еще одна торопящаяся фигура появилась из песчаного тумана и, приняв нас по ошибке за людей О'Кива, испуганным голосом окликнула нас:

— Сюда, дурачье! Сюда!

Мы немедленно двинулись за ней, и почти сразу же впереди, в красноватой мгле, замаячили очертания огромного корпуса

самолета. Позвавший нас человек буквально столкнулся с другим, опиравшимся на ручной пулемет, загораживая дорогу к невысокой лестнице у двери самолета.

Отпустив руку Сильвии, я вытаскил пистолет и бросился к ним. Человек с пулеметом не видел меня, так как защищал от песка глаза, и в чудовищном завывании ветра даже не услышал, что я приближаюсь. Я схватил пулемет левой рукой и резким движением вырвал его, а правой, с пистолетом, изо всех сил ударил охранника в лицо. Его товарища, также не ожидавшего нападения, Муса сбил ударом приклада.

Дверь самолета внезапно распахнулась, и оттуда, стреляя из пистолета, появился третий, вероятно, заметивший нашу атаку. Одна пуля попала Хамиду в голову, и он без звука осел у моих ног, другая ранила Клариссу в бедро, но в тот же момент выстрелила Сильвия. Нападавший схватился за живот, согнулся вдвое и рухнул вниз, сбив с ног Гарри.

Муса первым взобрался по лестнице, я следовал за ним по пятам.

— Летчик! — крикнул я. — Ради Бога, не застрели его!

— Есть, командир! — выдохнул Муса и с винтовкой наготове рванул между рядами сидений к двери в кабину.

Мне было показалось, что салон пуст, но с одного из кресел вдруг вскочила маленькая фигурка, и я моментально узнал Уну.

Мгновение она стояла, глядя на меня в тусклом неверном свете огромными, широко раскрытыми глазами. Затем в ужасе отпрянула, закричав так, словно ее охватило безумие. Не оставалось сомнений, что она приняла меня за призрак, вернувшийся на землю, чтобы забрать ее с собой.

Я протянул руку, чтобы прикосновение убедило ее в моей реальности, но она отскочила в сторону, и не успел я остановить ее, как она выпрыгнула в открытую дверь. Я бросился за ней, но на лестнице песок ослепил меня, и я увидел только мелькнувшую фигурку, растворяющуюся в красноватом мраке. Она бежала с такой прытью, будто сам дьявол гнался за нею по пятам.

— Скорее, Джулиан, — раздался снизу голос Сильвии, и я увидел, что она пыталась поднять по лестнице раненую Клариссу.

От Гарри с его одной рукой было мало проку. Через секунду я втащил обеих девушек в самолет, за ними ввалился Гарри и здоровой рукой захлопнул за собой дверь.

Протерев слезящиеся глаза, я посмотрел в окно, туда, где только что растаяла в песчаном вихре Уна. Я не испытывал никакой жалости ни к О'Киву, ни к его наемникам, но не мог оставить ее на смерть в этом крутящемся песке. Сколько бы пороков у нее ни было и сколько бы преступлений она ни совершила, я не сомневался, что она любила меня.

Я рванул рукоятку двери, но Сильвия схватила меня за плечи.

— Нет, Джулиан! Нет! — кричала она. — Это безумие. Ты никогда не найдешь ее и только погибнешь сам.

Пол под моими ногами завибрировал, вероятно, Муса велел пилоту взлетать.

— Дай мне пройти! — зрелел я и отшвырнул Сильвию в сторону, но в этот момент самолет пришел в движение.

Он дважды подпрыгнул, разбегаясь по дну долины, и затем так сильно накренился, что все стоявшие повалились с ног. Очень скоро мы очутились в ярком голубом небе, оставив далеко внизу клубившиеся тучи песка, но несколько минут нас швыряло в разные стороны, пока самолет проваливался в бесконечные воздушные ямы.

Когда, наконец, болтанка немного стихла и можно было выглянуть в окно, я с горечью убедился, что сверху очертания пустыни стали неразличимы и до окончания бури нам не приземлиться.

Пол самолета был на три дюйма покрыт слоем песка, в салоне висел желтоватый туман, так что из одного конца салона было трудно различить, что творится в другом, но через пять минут воздух внутри немного очистился.

Кларисса, растянувшись во всю длину на полу, стонала от боли, Гарри и Сильвия хлопотали около нее. Убедившись, что пуля пробила мышцу ноги, но, к счастью, не задела кость, я оставил Гарри и Сильвию обрабатывать рану, а сам пошел в кабину летчика.

Муса сидел на короточках позади кресла пилота с винтовкой наготове. Летчик оказался европейцем, хотя его загор свідетельствовал, что он долгое время прожил на юге. Его молодое, дерзкое лицо словно говорило: «Пошли все к черту». Однако он весьма тревожно посмотрел на меня, когда я спросил:

— Сколько у вас горючего?

— Хватит на пять часов, — хрипло ответил он, — мы заправились под крышку перед вылетом.

— Сколько самолет делает в час?

— Крейсерская скорость — сто шестьдесят. Мы стартовали из Дахлы, и я могу вернуться туда за пару часов.

— Как насчет Луксора?

— Туда почти пятьсот, и нам хватит трех часов с четвертью. Итак, куда летим? У меня подруга в Луксоре.

Его легкомыслие было, несомненно, следствием нервного напряжения.

— Кому принадлежит самолет? — спросил я.

— Этой свинье О'Киву, — пробормотал он.

— Вы его человек?

— Нет. Его пилот заболел, и мне предложили за тысячу фунтов выполнить его работу.

— Вы знали, что они намеревались делать здесь?

Он пожал плечами.

— Догадывался. Никто не получает тысячу фунтов просто за несколько часов полета. Но если вы намерены обвинять меня, я буду все отрицать. И вы не сможете заставить меня лететь обратно, если я не захочу. Я, пожалуй, предпочту переломать всем вам шею, чем отправлюсь, словно овца, под топор.

— Вряд ли вы окажетесь таким дураком, чтобы по своей воле разбить самолет, — спокойно сказал я. — Но у нас двое раненых, и я хочу как можно скорее доставить их в госпиталь. Вы лично не стреляли в нас и, если без лишнего разговоров полетите, куда вам скажут, я сделаю все от меня зависящее, чтобы полиция не обвинила вас в соучастии в этом гнусном деле.

— Это очень мило с вашей стороны, — ухмыльнулся он. — Ну так куда лететь: в Луксор или в Дахлу?

— Мы кружим здесь, пока буря не стихнет. Если кто-то из наших раненых уцелеет, мы сможем подобрать их.

Я оставил Мусу сторожить его и вернулся к остальным. Клариссе стало немного легче, и ее усадили в одно из низких удобных кресел. Сильвия перевязывала плечо Гарри, а я прошел в хвостовое отделение самолета в надежде, что там окажется что-нибудь, чтобы утолить жажду.

В хвосте я обнаружил маленькую кухню и целый ряд бутылок в открытом шкафу, но, шагнув через порог, чуть не упал, споткнувшись о тело лежащего на полу человека со связанными руками. К моему изумлению, им оказался Лемминг.

— Привет! — воскликнул я. — Какого черта вы делаете здесь?

— О Боже! — выдохнул он. — Вот это была стрельба. И самолет теперь ваш! Мисс Шэйн с вами? А другие? Вы все уцелели?

— Только мы вчетвером да один из арабов. Ваши друзья убили тринадцать человек, — мрачно сказал я ему.

— Я пытался остановить их, — простонал он. — Я пробовал вмешаться, когда они открыли огонь. Но их было слишком много. Они связали меня и бросили сюда.

— Понятно. В последний момент вас, оказывается, мучили угрызения совести, — саркастически произнес я. — После нашей с вами незабываемой встречи я почему-то все время считал, что вы не такой отъявленный мерзавец, как О'Кив.

— Никакой я не мерзавец! — рассерженно заявил он. — Я присоединился к О'Киву с единственной целью — выяснить его намерения, а затем вывести на чистую воду.

— Похоже, в этом вы не очень-то преуспели.

Он вздохнул и с трудом сел.

— Этот подлец оказался слишком умен для меня. Я случайно узнал, что он приехал из Египта по каким-то делам, и предложил ему свои услуги в качестве египтолога. Он согласился взять меня, но сразу я услышал об убийстве сэра Уолтера, то сразу понял, откуда дует ветер. Я решил остаться с О'Кивом и постараться собрать улики против него. Я хотел отнести в полицию тот кусок таблички, а когда вы мне помешали, попытался скрыться с одной из ее фотографий, но меня схватили и заперли в грязном подвале в Каире. Два дня назад ко мне пришел О'Кив, показал ваши находки и спросил мое о них мнение. Затем предложил выбор: смерть от удавки или участие в раскопках в качестве советника. Естественно, мне хотелось спасти свою шею, и я согласился.

Его рассказ звучал достаточно правдиво. Вынул нож, я нагнулся и разрезал связывавшие его веревки, а он продолжал:

— Я не был уверен, что вы все еще здесь. Я не знал, что они собираются сражаться с вами, но молился, чтобы мне представилась возможность помочь вам, если дело дойдет до этого. Вы действительно все целы?

— Бельвили ранены, но мисс Шэйн, один из наших слуг и я не пострадали.

— Слава Богу! — пробормотал он.

— Пожалуй, во всем этом, — заметил я, — только один момент плохо согласуется с вашей героической историей. Что вы скажете о трех тысячах фунтов, которые вы шантажом выманили у Бельвилей перед их отъездом из Англии?

— Ах, это! — воскликнул он, нетвердо поднимаясь на ноги и стряхивая густую пыль со своей одежды. — Да, я виноват в этом. Сэр Уолтер был старый жмот, и, конечно, глава экспедиции. Однако табличку-то нашел я. Мы поссорились, но я не собирался из-за этого терять причитающуюся мне часть добычи. Правда, по моим предположениям, нам вряд ли пришлось бы что-то делить, поэтому я и решил получить свою долю наличными, пока была возможность.

— Ну, ладно, — сказал я, — об этом вы сами расскажете Бельвилям, а теперь помогите мне забрать кое-что отсюда.

Он достал поднос и стаканы из буфета и пошел вслед за мной в салон. Увидев нас, Сильвия, делавшая перевязку Гарри, воскликнула:

— Милый! Как чудесно!

Я дружелюбно ухмыльнулся, думая, что это адресуется мне и долгожданым напиткам. Но Лемминг оттолкнул меня в сторону и, поставив поднос прямо на колени Гарри, обнял ее.

— Откуда ты взялся? — лепетала она. — Мне сказали, что ты в Александрии. И что ты делаешь здесь? — запнулась она, когда до нее дошло, что Лемминг мог все время находиться в самолете, как один из соратников О'Кива.

Через несколько минут они все между собой выяснили, хотя ни словом не обмолвились о трех тысячах фунтов Клариссы. Однако, когда я вспомнил рассказы Сильвии о молодом археологе, у меня не осталось на этот счет никаких сомнений. Бельвили не были друзьями Лемминга, и с его точки зрения являлись всего лишь капиталистами, финансирующими экспедицию сэра Уолтера. Раз

старик не позволял Сильвии выйти за него замуж, он без долгих размышлений решил прибегнуть к шантажу, чтобы обеспечить совместную жизнь с Сильвией.

Несомненно, деньги хранились дома, в банке. Но мы возвращались с сокровищами стоимостью свыше двадцати пяти тысяч фунтов, чего с избытком хватит, чтобы возместить расходы, понесенные Клариссой, и позволить Сильвии получать в будущем небольшой доход, достаточный для осуществления ее мечты о замужестве и детях.

Я наполнил стаканы для Мусы и летчика и прошел к ним в кабину. Пилот спросил, долго ли еще кружить над местом, откуда мы взлетели. Я взглянул вниз и увидел, что буря продолжала бушевать с прежней силой. Отсюда, с высоты четырех тысяч футов, невозможно было различить ни малейших деталей рельефа, и только желто-розовая клубящаяся пелена расстилалась насколько хватало глаз.

— Оставьте бензина, чтобы долететь до Луксора, — сказал я, — но мне бы хотелось переждать бурю здесь, если это возможно.

Я понимал, как мала вероятность, что Уна или кто-то из наших раненых еще живы, но не собирался улетать, не убедившись в этом. С тяжелым сердцем я вернулся в салон. Мы могли только ждать.

Прошло не менее часа, прежде чем ко мне подошел Муса и сообщил, что пилот хочет меня видеть. Я немедленно прошел в кабину, и летчик молча указал вниз. Видимость внизу стала лучше, песчаная буря сместилась к северо-западу, словно огромная гряда густых желтых облаков. С такой высоты гребни дюн выглядели, словно складки морского дна у берега, и невозможно было сказать, в какой из долин находился наш лагерь. Однако пилот заверил меня, что мы недалеко и наверняка заметим его, когда снизимся. Мы опустили до тысячи футов и продолжили кружить над барханами, но все они были похожи друг на друга.

Мы снизились еще и за полчаса облетели около полутора десятков ложбин, в одной из которых наверняка находилась наша прежняя стоянка, но, похоже, буря оказалась столь сильной, что подняла в воздух миллионы тонн песка, дюны вновь немного сдвинулись в своем медленном, но неуклонном шествии на северо-запад и уничтожили все следы наших раскопок, сгоревший лагерь и лежавших там мертвых.

Без секстанта нам не удалось определить точное месторасположение раскопок, погрешности в измерениях египетского астронома увели нас к северо-востоку, на тридцать

миль в сторону, и теперь потребуются не менее десятка экспедиций, чтобы месяцами шарить по этим бесконечным долинам в поисках нашего сгоревшего лагеря.

В конце концов, мы с Сильвией совершенно случайно обнаружили сокровища Камбиза, буквально наехав на них. Мы успели найти только крошечную часть неизмеримого богатства, награбленного персами в Египте и потерянного здесь, а все остальное так и лежит нетронутым под песками, ожидая того, кто окажется достаточно смелым и настойчивым, чтобы придти и разыскать их.

— Скоро мы сможем лететь только в Дахлу! — сказал пилот. — Бензина осталось лишь на три с половиной часа. А у меня подруга в Луксоре.

У меня самого тоже когда-то была подруга в Луксоре. Вспомнив о ее кратоте, я вновь ощутил волнение, хотя она сейчас находилась от меня так же далеко, как египетские принцессы, похороненные две тысячи лет назад в Долине Царей. И, пытаясь скрыть пустоту и дрожь голоса за наигранной легкостью, я сказал ему:

— Ну, ладно. Гони, приятель, мы едем домой.

Перевел с английского А.КУЗЬМЕНКОВ
Рисунки В.ФЕДОРОВА

ТАНЦЫ С ЖУРАВЛЯМИ

Он помогает им вылупиться из яйца, напевая при этом странные мелодии. Учит их есть и находить корм, бояться врагов. А когда подходит время, превращается в инструктора по полетам. Такова работа Рьои Такахаша, человека, который давно уже обучился языку японских журавлей, птицы-связной между Японией и Курилами. Его язык — это танец.

Кончилось все плачевно. Собаку отлупили, ему надрали уши, а смущенным родителям пришлось платить за ущерб. Было ему шесть лет. Он подучил полувзрослого щенка таскать из соседского сада развешенную на воздухе сушеную рыбу. Показал, как перепрыгнуть через забор, встать на задние лапы, резко ухватить зубами рыбу и умчаться назад. Репетиции прошли успешно, но во время операции их схватили с поличным.

Рьои Такахаша, человек, умеющий говорить с японскими журавлями на Куширских болотах острова Хоккайдо, был многообещающим ребенком. Сейчас ему 60, и он на «ты» с богами дикой природы Страны Восходящего Солнца. Местные жители называют его «человек-журавль»

и с сомнением качают головой: что-то в этом есть колдовское. А Рьои, вспоминая историю из детства, улыбается: «У меня со зверьем одна душа, и так было всегда».

Приезжающим навесить его ученым из всех стран тоже странно слышать, что в девять он занят, у него встреча с Юн, царией, а уж тем более видеть, как он со смирением становится на колени перед разгневанным Таро, царем, или пляшет в снегу перед Юри, наследным принцем. Да кто ж такой этот господин Рьои Такахаши, за которым бегают репортеры со всего мира, что это за человек, который обращается с птицей — символом Японии, как Конрад Лоренц с гусыней Мартиной?

Его царство — это заболоченный край площадью в 200 кв. км, объявленный национальным парком в 1987 году, где проживает целая популяция японских журавлей — *Grus japonensis*. (Есть еще популяция в Китае — около двухсот птиц, в России — около сотни; несколько пар, живущих на юге Курил, составляют часть японской популяции). На территории парка 10 гектаров объявлены заповедником и огорожены сеткой такой высоты, что браконьерам туда не пробраться, а журавли могут летать когда и куда им вздумается.

Здесь стоит и дом Рьои Такахаши — элегантная постройка, примыкающая к огороженной стороне заповедника с юга. В этом доме — его лаборатория, «детская», так сказать. У него свои журавли, 20 птиц, живущих на свободе, но благодаря ему появившихся на свет. В Куширо есть люди, которые делали все возможное, чтобы сохранить вымирающих японских журавлей, после того как в середине 30-х годов было объявлено, что оставшихся можно пересчитать по пальцам. И когда в 1958 году молодой Рьои Такахаши унаследовал от отца 10 га земли, он решил использовать их для сохранения и возрождения колонии — она насчитывала тогда всего 125 птиц, тех самых, которых еще древние тайны называли «Сарорун-Кумуи», «болотные боги».

В 1993 году их было уже 600. Человек-журавль рассказывает своим гостям, ученым и репортерам: «Нам ничего не удалось бы добиться, если бы не помощь сельских жителей. В этих краях каждый крестьянин старается превратить зимой свою землю в огромную скатерть-самобранку для журавлей. Поэтому у птиц отпала необходимость улетать на юг, а еще несколько десятилетий назад с октября по март они переселялись на Хонсю, где общее загрязнение окружающей среды, линии электропередач и осушение болот делали свое черное дело. Назад возвращались далеко не все. А теперь журавли зимуют здесь. В надежном месте». — И Рьои окидывает взглядом земли, раскинувшиеся вокруг него.

Но, как известно, репортеры съезжаются на Хоккайдо вовсе не для того, чтобы очередной раз послушать разговоры об охране природы, и Такахаши это хорошо известно. Он усмехается: «Напрасно меня принимают за дрессировщика в дирке». Но слава за ним утвердилась именно такая. Говорят, он знает заклинание, волшебное слово, которого слушаются болотные боги. Вот подходит Юн, пожилая журавлиха, привлеченная целым ведром свежей рыбы. «Ойе, ойе-э-э», — зовет ее Рьои. Юн отвечает странным урчанием, одним из бесчисленных звуков, которые умеют издавать японские журавли благодаря необыкновенно развитой полтора-

метровый трахее. И вдруг — откровение. «Курроку! Курроку!» — шепчет человек-журавль. Это наше «курлы» по-японски, и зачарованная Юн роняет рыбу, запрокидывает голову, распахивает крылья и начинает танец, как будто перед ней ее супруг. Репортеры и ученые зачарованно повторяют: «курроку, курроку». Такого не видел еще никто.

Но это только представление, а что таится за ним?

Помещение лаборатории напоминает кухню, а большой бежевый ящик у стены — старую газовую плиту. Это штаб Рьои Такахаши — фабрика журавлей. На дворе май, снег стаял, а в старой плите, которая оказалась инкубатором 1965 года выпуска, лежит несколько белоснежных яиц. «Судьба японских журавлей решается именно весной», — объясняет Такахаши, направляя свет карманного фонарика на одно из яиц, чтобы определить состояние зародыша. «Бывают годы, когда, из-за резкой оттепели и обильных дождей, в болотах опасно повышаются уровень воды. И журавлиные пары бросают яйца на произвол судьбы. А это роскошь, которую такая небольшая популяция птиц не может себе позволить».

И человек-журавль обыскивает болота, находит яйца и приносит их домой. Он закладывает их в инкубатор и ставит на таймере 30 дней — срок для вывода птенцов. Он страшно переживает, обнаружив, что из четырех яиц одно не оплодотворено, а одно испортилось; как ребенок радуется, когда за день до рождения птенец начинает попискивать внутри скорлупы. В его технике выведения птенцов нет абсолютно ничего нового, и все равно это замечательное зрелище: человек разговаривает с яйцом «пи-коо, пи-коо», а птенец отвечает ему из-под скорлупы. А еще через два часа новорожденный журавль вступит в этот мир и познакомится со странным черноволосям папашей без клюва.

С 1970 года такая идиллия повторялась уже двадцать раз, но сначала одна катастрофа следовала за другой. Такахаши еще не знал секрета «разумного высиживания» яиц — их необходимо переворачивать каждые пять часов, что в естественных условиях делают настоящие родители. И сами птенцы чрезвычайно хрупки. Однажды служащий заповедника пришел с утра на работу и обнаружил Такахаши спящим на стуле в «детской», потому что всю ночь он провел, ставя теплые компрессы на лапки журавленка, который не мог ходить.

Но вот время «детской» подходит к концу, и начинается самый ответственный период — надо научить сироток жить, как свободные птицы. Видимо, именно в этот момент душа Рьои Такахаши сливается с душой японского журавля, привольно живущего на Куширских болотах. Человек постиг птичий язык и сумел передать его птенцам-сиротам, без чего они всю жизнь были бы вынуждены зависеть от своего «папочки». Он учит их ходить, есть и добывать корм, издавать присущие журавлям звуки, он обучает их искусству танца, основной форме общения и ухаживания у журавлей. Это обязательная программа, через которую проходят все странные Такахашины школяры — и потому каждый божий день уроки. Он с ними беседует, кормит только что выловленной рыбкой, а подает ее щипцами в форме журавлиного клюва, расхаживает забавной походкой в сопровождении любопытных учеников. И так проходят месяцы. Птенцов надо научить остерегаться лисиц, распознавать хищных птиц. Их надо научить летать! Занятия в летной школе ведутся обычно за закрытыми дверями, но если в обеденный час в баре заповедника появляется всплывший Рьои в кроссовках и в вылезшей из брюк рубашке, это значит, что он только что закончил урок на воле. Он часами бегал по полям, размахивая руками, пока любопытные, бегающие за ним по пятам журавлята не поняли, что если делать точно так же, — полетишь.

Опять наступает зима, а с нею относительно спокойное время для Такахаши. Яйца еще не снесены, и инкубатор отдыхает под пленкой. Начинается повседневная рутина: раздача корма дважды в день, уборка территории, забавные представления для туристов, на которые иногда, весьма кстати, заявляются приемный сын или дочь. Но иногда и зимой обыденность нарушается удивительными происшествиями. Был случай, когда журавлиха Хиро во что бы то ни стало хотела спариться с Такахаши. А однажды журавль Таро, самый сильный и задиристый, устроил Рьои скандал и полез в драку. Такахаши кормил рыбой свою любимицу Йитте и свободной рукой поглаживал ее по голове. Тут появился Таро, законный супруг (журавли образуют постоянные пары) — и ну клеветаться. Такахаши побежал, Таро за ним. Пришлось отсиживаться дома за запертой дверью. Потом, правда, немного свежей рыбы помогло восстановить дружбу.

В октябре 1992 года в Куширский заповедник приехали репортеры, долго звонили в дверь Такахаши, искали его по всей территории. Его не было. Он уехал в зоопарк Обихиро, за сотню километров от Куширо. Весь день провел перед клеткой с великолепной птицей, голову которой украшала красная шапочка. Это был Року, японский журавль, вылупившийся в инкубаторе и воспитанный Такахаши четырнадцать лет назад. С того времени Рьои не видел его, а узнать Року было легко по шраму на правой лапе. Они долго в полном молчании смотрели друг на друга, потом Рьои прошептал: «Курроку, курроку». Удивленный Року задумался и вдруг, задрал голову в небо, ответил громким приветствием. Посетителей не было, но случайно это увидал пожилой сотрудник зоопарка. Рассказывая эту историю, он всегда тихо прибавлял в конце: «Если есть на свете человек, способный летать, то это Рьои Такахаши».

По материалу журнала «Airone»
подготовила Т. АРАНА

КАПРИЗ НЕПТУНА

Вечером 24 сентября 1963 года океан выбросил на берег Калифорнии у поселка Малибу какое-то морское чудовище длиной более шести метров. В этот час жительница Малибу Кэрол Ричардс выгуливала по берегу своего пуделя и натолкнулась на огромное тело. От охватившего ее ужаса окрестности огласились душераздирающим криком. Сосед Кэрол, Филлис Хаггинс, услышав крики, бросился к соседям, потом на берег океана, и буквально через несколько минут в окнах засыпающего Малибу стали зажигаться огни, а молва о мертвом «морском змее», лежащем на берегу, поползла из дома в дом...

Согласно рапорту полиции о происшедшем, события развивались так: проезжавший мимо Норт Янг бесстрашно оттянул чудовище с кромки берега и завалил его на крышу своего автомобиля, намереваясь затем передать тело местным властям. Не успел Янг отъехать и мили, как двое полицейских заметили его автомобиль со странным грузом на крыше. Они остановили машину Янга, осмотрели ее, а затем, развернув свою патрульную машину, направили передние фары на гигантское чудовище, свисавшее с крыши автомобиля. Полицейские решили, что лучше всего вызвать на место экспертов. Ими оказались Бойд Уолкер, ныне оставший профессор зоологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, и Влад Уолтерс, зоолог того же университета. Тут же после звонка полиции они прыгнули в грузовик и на огромной скорости помчались в Малибу, погрузили «змея» и поехали в лабораторию для проведения срочных измерений и анализов.

Вскоре стало ясно, что обнаруженное чудовище — одна из редчайших и наиболее красивых рыб океана — сельдяной король, или ремень-рыба *Regalecus glesne*. Найденный почти детективным образом этот экземпляр сельдяного короля сейчас экспонируется в Музее естественной истории Лос-Анджелеса. По словам хранителя отдела рыб музея, экспонат хорошо сохраняется, что делает его особенно ценным. Исключение, пожалуй, составляет хвостовая часть, длиной около метра. На ней сохранились следы острых зубов — свидетельство акульей атаки.

Нет ничего удивительного в том, что долгие годы пугающий, извивающийся силуэт сельдяного короля, замеченного моряками в воде, заставлял принимать его за морского змея. Специалисты, изучавшие сельдяного короля, утверждают, что человека, который видел это создание природы и потом его подробно описывал, вполне могли посчитать страдающим галлюцинациями. Сейчас можно полагать, что упоминаемые в сочинениях Аристотеля, Плиния и других классиков древности морские змеи, скорее всего, были сельдяными королями. Даже знаменитая морская змея, имевшая длину почти 19 метров, выброшенная на берег Оркнейских островов в 1808 году, была крупным сельдяным королем. Об этом в книге «История рыб» сообщает Д.Норман из Британского музея естественной истории.

Сельдяной король, называемый японскими рыбаками «королем подводного дворца», — самая длинная из костистых рыб океана. Он может достигать длины более 17 метров и весить более 300 килограммов. Эта змееобразная рыба обитает в теплых водах умеренных широт Мирового оке-

ана на глубинах от 20 до 200 метров. Продолжительность ее жизни неизвестна. У сельдяного короля — щегольский длинный спинной плавник красного цвета, который поднимается над головой грибовидным султаном. В 1925 году в одном из номеров калифорнийского журнала «Монтерей пенинсула геральд» сообщалось, что «морское чудовище с ярко-красными волосами, извиваясь, мелькнуло на поверхности и плавными волнообразными движениями пошло на глубину». Наблюдавший был склонен считать, что огненно пламенеющие волосы сельдяного короля — это каприз грозного Нептуна, который запугал чудовище в морских водорослях, когда выпускал из глубины на поверхность вод залива Монтерей. У сельдяного короля — ярко-красные тазовые плавники, которыми он вращает, подобно веслам гребной шлюпки. Возможно, поэтому сельдяной король имеет еще одно название — рыба-весло. Однако ихтиолог Д.Олни из Института морских наук (штат Вирджиния) считает, что эти плавники представляют собой «инструмент» восприятия вкусовых ощущений и не имеют отношения к плавательному аппарату. Олни — один из немногих биологов, которые сейчас исследуют жизнь сельдяных королей и их прошлое.

Сельдяной король и его родственники, имеющие такие затейливые названия, как спинороги, жемчужиноголазы, составляют порядок опахообразных рыб. Ближайший родственник сельдяного короля — рыба-серпантин не так велика и эффектна, но и она ведет очень скрытный образ жизни. Едва ли пять экземпляров было поймано со времени первого знакомства с ней исследователей. У всех опаховых рыб развился интересный «механизм» лова. Обнаружив добычу — а это небольшие беспозвоночные и рыбы — опаховые выдвигают далеко вперед верхнюю челюсть, увеличивая таким образом «площадь» ротового отверстия почти в 40 раз.

Жизнь сельдяного короля начинается с ярко окрашенной икринки диаметром от 2 до 4 миллиметров, дрейфующей с океанскими течениями. До трех недель икринки держатся у поверхности океана — их яркая окраска, возможно, особый способ защиты от губительных солнечных лучей. Икринки и молодь сельдяных королей встречались рыбакам в Средиземном море, восточной части Тихого океана, в западной и южной Атлантике.

И все же сейчас ихтиологи знают о сельдяных королях ненамного больше по сравнению с тем, что написал о них и их образе жизни датский натуралист Мортон Брюнних в своем научном трактате 1771 года. Он обнаружил необычную рыбу, выброшенную на норвежский берег. Стого времени отмечено чуть более 25 встреч с сельдяным королем. Интересно, что большая часть из них во многом сходна с той, что слы-

лась у поселка Малибу. Так что скудость наших знаний о жизни сельдяного короля объяснима: информацию ученые получают в основном лабораторным путем. И это незнание делает фигуру сельдяного короля легендарной.

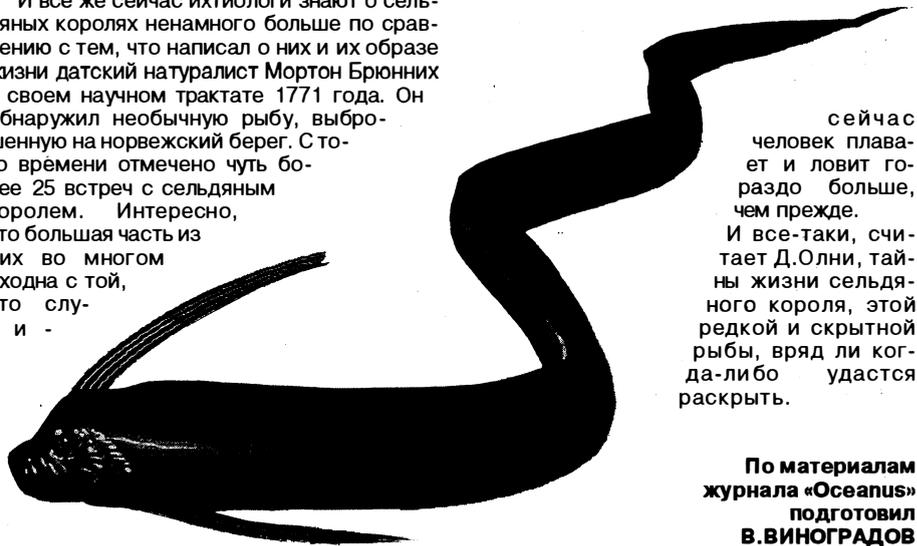
Но были встречи и в океане. В 1906 году морской биолог Вуд Джонс опубликовал сообщение о такой встрече в книге «Рыбы Индо-Австралийского архипелага». Он рассказал следующее: 28 октября в 30 милях к югу от острова Сумбава длинная и очень красивая рыба всплыла на поверхность океана и приблизилась к носовой части судна. Были заброшены рыболовные снасти с приманками, но она на них никак не реагировала, все предпринятые ухищрения оказались тщетными. В конце концов ее все же удалось внимательно рассмотреть. Джонс восторженно сообщает о ярко-красном султане на ее голове, сочном розоватом спинном плавнике, о пурпурных боковых плавниках и серебристом блеске всего тела. Он добавляет, что виденная рыба оказалась наиболее памятным зрелищем в его жизни.

Натуралист К.Холдер, пожалуй, единственный из немногих специалистов, которому удалось относительно долго с близкого расстояния рассматривать взрослого сельдяного короля. В 1925 году Холдер случайно заметил сельдяного короля, плавающего на прибрежном мелководье залива Авалон острова Санта-Каталина (Южная Калифорния). В журнале «Рыбы» он описал эту редкую встречу. Холдера также захватил вид ярко-красного плюмажа на голове, серебристого сияния туловища. Рыба неторопливо плыла, плескаясь на песчаных отмелях, плавными волнообразными движениями рассекая воду.

Ричард Розенблатт, заведующий отделом рыб Скриппсовского института океанографии (США), пишет, что пять находок «морских змей», оказавшихся впоследствии сельдяными королями, были сделаны в последние два-три десятилетия и находятся в коллекции отдела. В 1986 году в дрейфтерную сеть, поставленную рыбаками на подводной горе Сан-Хуан (восточная часть Тихого океана), попал сельдяной король, который погиб, когда его извлекали из сетей. Этот эпизод можно считать сигналом того, что такие уловы могут быть и в будущем: ведь

сейчас человек плавает и ловит гораздо больше, чем прежде. И все-таки, считает Д.Олни, тайны жизни сельдяного короля, этой редкой и скрытной рыбы, вряд ли когда-либо удастся раскрыть.

По материалам
журнала «Oceanus»
подготовил
В.ВИНОГРАДОВ

РАЗМЕРОМ СО «СВОБОДУ»

...скоро вырастет эта куча мусора на одной из свалок Нью-Йорка. И удивляться тут нечему, если учесть тот факт, что сегодня американцы выбрасывают отходов вдвое больше, чем граждане таких промышленно развитых государств, как, скажем, Япония или та же ФРГ.

Что ни говори, американцы с легким сердцем расстаются с вещами, отслужившими свой, пусть даже короткий век, не то что, например, англичане. Потом, те же американцы всегда питали страсть ко всему грандиозному. Взять хотя бы небоскребы. Где они появились впервые?.. В Америке, в Нью-Йорке.

Так что и куча мусора здесь должна быть не просто кучей, а величайшей в мире.

**«БЛАДИ ТОМ»
ВМЕСТО «КРОВАВОЙ МЭРИ»**

Память об этом знаменитом человеке сохраняется в сердцах некоторых жителей британской столицы надолго. В возрасте 81 года скончался бармен лондонского паба «Гренадер» Том Уэствуд, один из лучших представителей доблестной барменской когорты. Фирменным напитком, который Том многие годы готовил на свой неповторимый манер, был воскресный коктейль «Блади Мэри» — крутой замес водки с томатным соком, не раз возвращавший к жизни тех, кому после обильных возлияний вечером в субботу по воскресному утру приходилось особенно тяжело.

Старина Том отбыл на заслуженный отдых четыре года назад. А до этого, облаченный в безукоризненно отглаженный, белоснежный китель, он простоял за барменской стойкой тридцать три года подряд. Даже будучи на пенсии, заслуженный бармен-ветеран нет-нет да и брал в руки шейкер для взбивания коктейлей. Перед тем как покинуть родной «Гренадер», «король замеса» передал секреты барменского мастерства своему преемнику Питеру Мартину. Но тому предстояло перемешать не один галлон водки с томатным соком, прежде чем стать достойным своего учителя.

И вот однажды, воскресным утром, чтобы не ударить в грязь лицом и показать — знай, дескать, наших, Питер собственноручно приготовил 276 бокалов с «Блади Мэри». Завсегдатаям «Гренадера» замес пришелся по вкусу, и они, вспомнив Тома Уэствуда и решив наконец воздать ему по заслугам, дружно провозгласили, что отныне коктейль «Кровавая Мэри» переименовывается в «Блади Том», — во всяком случае, именно так, и никак иначе, он будет называться в «Гренадере».

ИГРАТЬ — ТАК ПО-КРУПНОМУ

Как ни странно, Китай, объявивший настоящую «всенародную» войну главным порокам общества, в числе которых азартные игры занимают отнюдь не последнее место, выбился в мировые лидеры по производству игральные карт. И здесь он уступает лишь Соединенным Штатам, Германии и Японии. Как бы то ни было, китайские специализированные предприятия ежегодно печатают около 200 миллионов покерных колод.

И самое крупное из таких предприятий — типография в восточно-китайском городе Хэцзэ, на скромную долю которой приходится добрая четверть национального производства карточных колод. Большая часть фирменной продукции этой фабрики экспортируется в десятки стран, в том числе в Россию, благодаря чему только в минувшем году предприятие сорвало солидный куш — аж в целый миллион долларов.

Но, как говорится, лиха беда — начало, что лишний раз подтвердил Ян Дасянь, генеральный управляющий хэцзэньской типографией, обронив однажды, как бы между прочим, весьма амбициозную фразу: «К концу нынешнего года мы намерены обогнать Японию».

Как знать, как знать. Однако факт остается фактом: на модернизацию и внедрение передовых зарубежных технологий на его фабрике-типографии государство выделило без малого 16 миллионов долларов, что свидетельствует о вполне серьезных намерениях печатников из Хэцзэ догнать и перегнать... Вот и верь после этого пресловутой истине, что карты-де до добра не доводят.

РОБИН ГУД ИЗ АВЕЦЦАНО

Как-то раз один тринадцатилетний школьник из итальянского городка Авеццано, что в области Аbruцци, возмнив себя Робинотом Гудом, ничтоже сумняшеся, взял и похитил у соседей ларец со всеми их кровными сбережениями, которых оказалось ни мало ни много 10 миллионов лир.

Завладев столь сказочным богатством, юный разбойник отправился напрямик на городскую площадь и принялся раздавать деньги направо и налево, приговаривая: «Нехорошо, когда у одних денег куры не клюют, а у других кот наплаккал». Мальчишка не клюпясь раздал все — себе же оставил лишь одну крупную купюру. Впрочем, с нею он тоже расстался — накопил пиццы и мороженого друзьям. Ну и, конечно, себя не позабыл.

Полиция довольно быстро вышла на след благородного воришки. И после сообщения по местному радио все 10 миллионов были в считанные часы возвращены их законным владельцам. А новоявленный Робин Гуд клятвенно заверил полицейских, что придумает себе нового героя для подражания. И стражи порядка, что удивительно, ему поверили и отпустили восвояси.

БЫЛА РЕЛИКВИЯ, ДА СПЛЫЛА

И тут уж ничего не попишешь. К такому приключению выводу пришли дотошные сотрудники Центрального бюро расследований Индии наряду с доблестными представителями Вооруженных сил республики, которых можно упрекнуть разве только в том, что однажды они потеряли бдительность — и здорово за это заплатились. Дело в том, что сыщики вкупе с военными уже давно ищут, да все никак не могут найти не что-нибудь... а великую национальную реликвию индусов — стяг, под которым вершила ратные дела легендарная Лакшми Баи.

В 1858 году Лакшми Баи, владелица небольшого княжества Джанси, сумела одержать не одну яркую победу над превосходящими силами англичан. С той далекой поры знамя, с которым устремлялась в бой юная отважная княжна, почтительно по национальному реликвии и хранилось за семью замками в штабе самого привилегированного полка индийской армии в Дели. Там-то стяг последний раз и видели в 1977 году.

Полотнище стяга, сотканное из дорогого шелка, расшитое золотом и украшенное драгоценными камнями, бесследно исчезло из специального хранилища, где, кроме того, содержались и другие, не менее ценные реликвии. А пропавшее знамя обнаружилось лишь спустя семь лет после его исчезновения.

Позже, однако, удалось установить, что какой-то военачальник распорядился отдать изрядно пообветшавшее полотнище в починку — местному портному. Бросились к нему, а он на все вопросы знай себе твердил: никакого знамени, мол, в глаза не видел...

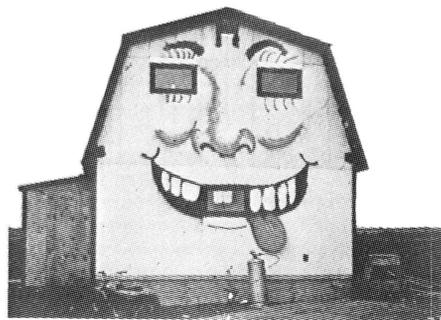
Стяг Лакшми Баи ищут до сих пор, но тщетно — конца поискам пока не видно. Пессимисты считают, что их давно пора прекратить — и так прорву денег выбросили-де на ветер. Оптимисты же надеются на чудо, веря, что в один прекрасный день знамя отыщется само собой — всплывет на каком-нибудь престижном аукционе там, на Западе. Что ж, блажен, кто верует.

ПОТЕХИ РАДИ

Так и стоял бы этот ничем не приметный домишко, подобный сотням других, разбросанных по всему северу Америки, если бы однажды двое весельчаков не решили его преобразить.

Этот домик, расположенный на окраине городка Ньюхейлен, что на берегу озера Илиаман, в штате Аляска, принадлежит чете Ригновски. Как-то раз достоуважаемые супруги отправились в город по неотложным делам, отнявшим у них весь день. А когда вернулись, так и обомлели: жилище было не узнать. Их только что построенный дом улыбался, впрочем, скорее, даже смеялся — заодно и весело. Иначе с какой стати было высывать язык? Вот-вот, только от удовольствия.

Кто же «рассмешил» дом? Ответ не заставил себя долго ждать... Авторами монументального творения были два воистину добрых человека — местный учитель рисования и один из строителей дома. И сделали они это так, потехи ради, чтобы и себя позабавить, и весь честной народ заодно. А то уж больно суров аляскинский край.

ИСТОРИЯ «ПО КАМАМБЕРУ»

Как лучше всего изучать историю? Одни предпочитают зубрить учебники, другие — смотреть фильмы и комиксы. Но во Франции существует еще один, весьма оригинальный и довольно эффективный способ приобщения к исторической науке. Так, например, чтобы проследить бурный ход менявшихся с поистине калейдоскопической быстротой событий Великой французской революции, достаточно, оказывается, быть... страстным любителем камамбера.

Круглые этикетки на крышках коробок, в которых продается этот сыр, пользуются большим спросом даже у тех, кому пикантный камамбер, мягко говоря, не по вкусу. Впрочем, среди французов не принято признаваться в любви или нелюбви к сыру...

Если дата изготовления головки сыра вряд ли когда будет установлена с доподлинной точностью, то появление первой круглой этикетки камамбера зафиксировано документально: впервые она украсила упаковку сыра «Сан-Риваль» в 1887 году.

Шло время — менялись упаковки, их формы, но сохранялось качество сыров и развивалось искусство оформления этикеток. До 1950 года они изготавливались методом литографии, который потом сменила современная офсетная печать.

И кто только не изображался на этикетках в течение столетий: Наполеон и Шарлотта Корде, Ришелье и Клемансо, Петен и достославный король-солнце Людовик XIV, герои всех мастей — и хорошие, и плохие, а то и вовсе отъявленные негодяи.

История есть история — из нее, равно как из песни, слова не выкинешь, — так что, будь любезен, принимать ее такой, какая она была. И камамбер тут вовсе ни при чем.

Кстати, во Франции коллекционеры сырных этикеток именуют себя «тиросемиофилами» — словом для нас, прямо скажем, неприличным.

И за иную «картинку» полувековой давности эти самые тиро... готовы выложить 200 франков и даже больше. Так что полная история «по камамберу», как и искусство, требует жертв.

КОСТЮМ ОТ ВАЛЕНТИНО ЗА ЧАШКУ КОФЕ

В довольно крупную сумму обошлась «Алитали» незадача, случившаяся с одним из рейсовых самолетов этой итальянской авиакомпании, который, следуя из Рима в Милан, угодила в воздушную яму. Лайнер здорово трянуло в тот самый момент, когда бойкие стюардессы разносили по салону кофе, который попал большей части пассажиров не в рот, а на одежду. Поначалу этому, разумеется, никто не придал значения — как видно, от испуга. Однако, когда злополучная яма оказалась позади и стало ясно, что жизнь пассажиров вне опасности, в салоне начали раздаваться возгласы возмущения и негодования...

Радостные улыбки озарили лица довольных пассажиров лишь перед самой посадкой — когда старшая стюардесса объявила во всеулышание, что, по указанию из центра, все безвинно пострадавшие смогут заменить запятнанную одежду в фирменных магазинах миланского аэропорта за счет авиакомпании.

И не успел самолет приземлиться, как магазинные прилавки были вычищены буквально подчистую — особенно лихо расходились костюмы и платья от Армани и Валентино. Не считая разных мелочей, как-то: мужских галстуков и

предметов женского обихода, включая жолотки. Для того чтобы произвести обмен, достаточно было ткнуть пальцем в любое мало-мальски заметное пятнышко на одежде. Что, собственно, не преминули сделать едва ли не все пассажиры злополучного авиалайнера.

Но с чего это вдруг такая благотворительность? Оказывается, «Алитали», как писала на следующий день видная итальянская газета «Коррьере делла сера», провела столь беспрецедентную филантропическую акцию в рамках очередной кампании по привлечению клиентов. Не бегите, однако, за билетами на самолеты «Алитали»: больше она так не выступит — финансовые дела у нее не на высоте. К тому же ее истинное призвание — перевозить, а не одевать людей.

КОГДА АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ РЯДОМ

«Поистине невероятным» назвал директор столичной больницы мексиканского Института социального обеспечения случай, произошедший с семнадцатилетним Алехандро Кортесом.

В один не такой уж прекрасный день Алехандро, работавший штукатуром на стройке, споткнулся и упал... с пятидесятидвухметровой высоты. Мало того: при ударе о земляной мексиканец наткнулся на железный прут, пронзивший его лицо насквозь — от щеки до щеки.

Врачи больницы, куда пострадавший был доставлен без лишней проволочки, просто диву дались: на теле бедного паренька не было живого места — сломанные ребра, руки, ноги, кости черепа... Но, что поразительно, несчастный дышал. Многочисленные операции, проведенные местными хирургами, дали свои чудесные результаты: через семь месяцев Алехандро обрел «весьма удовлетворительное физическое состояние».

Вот только покамест никто из врачей не берется предсказать, как падение с эдакой высоты скажется на здоровье юноши в дальнейшем.

Но, судя по той, действительно сверхчеловеческой воле к жизни, которую проявил Алехандро, прогнозы могут быть вполне обнадеживающими.

Добавим сюда и фактор воистину сказочного везения, тем более что, по признанию самого везунчика, без ангела-хранителя, в чье незримое и постоянное присутствие после случившегося Алехандро уверовал окончательно и бесповоротно, тут явно не обошлось.

ГВИНЕЙСКИЙ СОБРАТ...

...австралийского кенгуру был обнаружен в джунглях тропического леса Ириан-Джай — западной части острова Новая Гвинея. И первым из белых, кто увидел загадочного зверька, был австралийский зоолог Т. Флэннери, работавший в прошлом году на острове в составе совместной индонезийско-австралийской экспедиции.

А произошло это вот как. Углубившись в лесную чащу вместе с проводником-охотником из местного племени и собакой, Флэннери вдруг заметил: пес застыл на месте и ни с того ни с сего вдруг залаял. А потом пулей метнулся в заросли. Флэннери поспешил следом за собакой и через некоторое время увидел своего четвероногого спутника: тот держал в зубах странное с виду животное черно-белого окраса. Осмотрев добычу, зоолог понял, что в пасть к собаке угодил неизвестный науке вид кенгуру.

Экземпляр, найденный Флэннери, относится к роду дендролагус (древесных зайцев). Зверек весил около 9 килограммов; на лбу у него имелась белая отметина в виде звездочки; мордочку украшали белые «бакенбарды», и мех на животе был такой же белоснежный.

Поначалу Флэннери показалось, что зверек походит на панду. Но кенгуру, как ни крути, и в Новой Гвинее кенгуру. Вот только по сравнению со своим австралийским собратом не вышел — всего-навсего метр с кепкой, (то есть с ушами) зато, как и положено, при сумке и длинным хвосте.

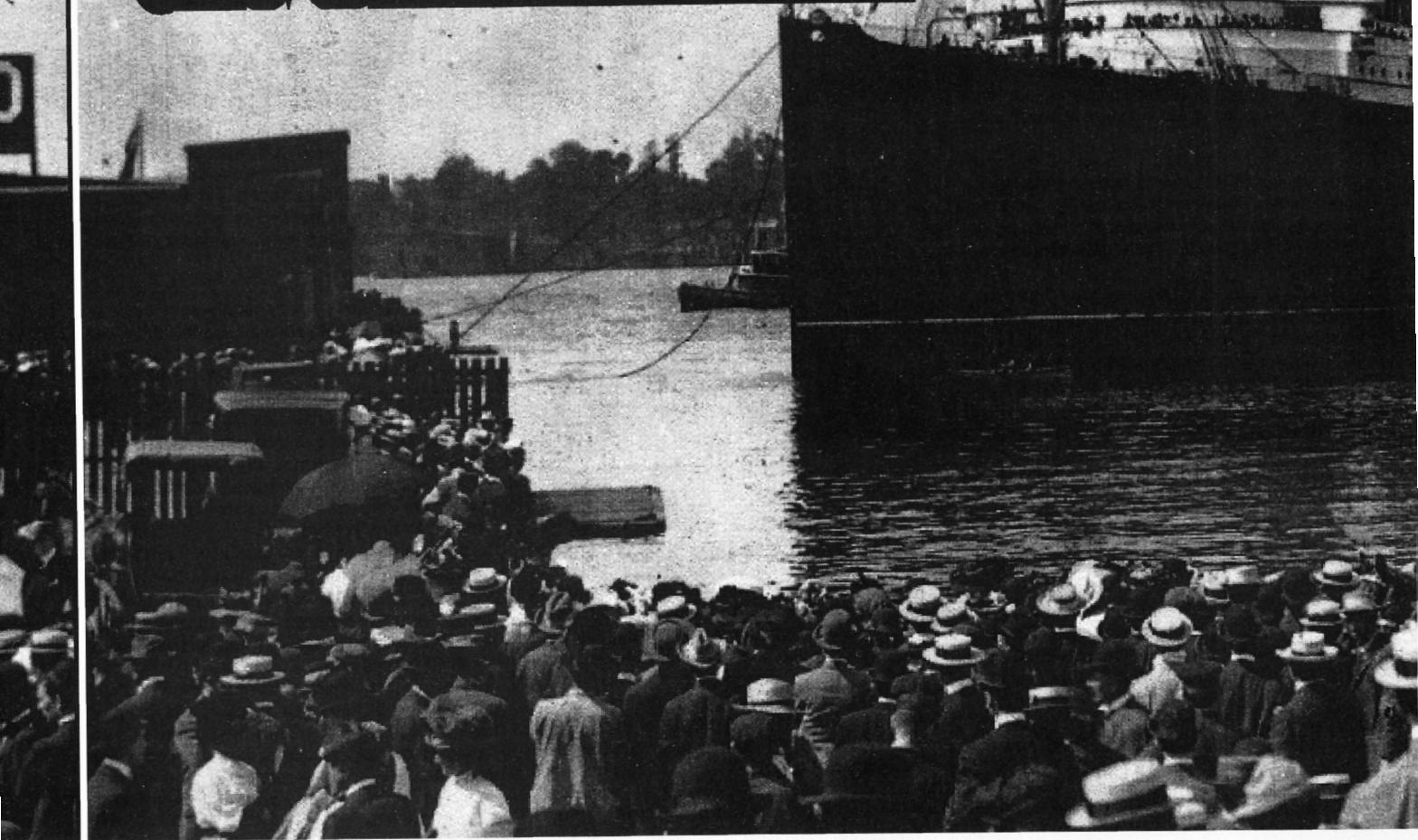
Со временем ученые выяснили, что новогвинейские кенгуру обладают на редкость добродушным нравом и совершенно не боятся двуногих пришельцев: зверьки позволяют людям не только приблизиться к себе вплотную, но даже погладить.

Примечательно, что папуасы из племени мони, живущего по соседству с местом обитания древесных кенгуру, почитают зверьков за своих предков, рьяно поклоняются им, называют не иначе, как «бондегезу» — «человечками высоких лесов», и безмерно радуются общению с ними.

Что до ученых, они тоже рады безмерно: ведь теперь науке стала известна еще одна — десятая — разновидность древесных кенгуру, которые, кроме Папуа-Новой Гвинеи обитают в Австралии — это уж само собой, — а также в Индонезии и Вьетнаме.

Раздел ведет
Л.МИНЦ и И.АЛЧЕВ
Рисунки В.ЧИЖИКОВА

ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ "ЛУЗИТАНИИ"

OCEAN TRAVEL

NOTICE!

TRAVELLERS intending to embark on the Atlantic voyage are reminded that a state of war exists between Germany and her allies and Great Britain and her allies; that the zone of war includes the waters adjacent to the British Isles; that, in accordance with formal notice given by the Imperial German Government, vessels flying the flag of Great Britain, or of any of her allies, are liable to destruction in those waters and that travellers sailing in the war zone on ships of Great Britain or her allies do so at their own risk.

IMPERIAL GERMAN EMBASSY,
WASHINGTON, D. C., APRIL 22, 1915.

OCEAN TRAVEL

CUNARD

EUROPE VIA LIVERPOOL
LUSITANIA

Fastest and Largest Steamer
now in Atlantic Service Sails
SATURDAY, MAY 1, 10 A. M.

Transylvania - Fri., May 7, 5 P.M.
Orduna, . . . Tues., May 18, 10 A.M.
Tuscania, . . . Fri., May 21, 5 P.M.
LUSITANIA, - Sat., May 29, 10 A.M.
Transylvania - Fri., June 4, 5 P.M.

Gibraltar—Cenos—Naples—Piraeus

Летом 1993 года команда ученых, в которую входил сотрудник Океанографического института в Вудс-Холле Роберт Бэллард, воспользовавшись финансовой поддержкой Национального географического общества США, обследовала останки некогда огромного роскошного лайнера, обладателя Голубой ленты Атлантики — приза, присуждавшегося самому быстроходному судну, — и жертвы одной из наиболее загадочных и поразительных морских трагедий нашего времени.

КАК ЭТО БЫЛО

Они знали об опасности. Пассажиры, поднимавшиеся 1 мая 1915 года с нью-йоркского пирса No 54 на борт лайнера Британского королевского флота «Лузитания», отправлявшегося в Ливерпуль, были осведомлены об угрозе Германии топить все суда в зоне военных действий вокруг

Британских островов. Две страны сражались уже девять месяцев. Некоторым путешественникам, вероятно, даже попадалось на глаза зловещее предупреждение германского посольства, опубликованное в газетах.

Но очень немногие верили, что цивилизованная страна может без предупреждения напасть на безоружный пассажирский пароход. Дымя всеми четырьмя трубами, «Лузитания» выглядела внушительно, даже несокрушимо, когда уходила из Нью-Йорка в свой последний рейс...

«Лузитания» была гордостью английской паровой компании «Кунард Лайн». Построенная в 1907 году, когда германские трансатлантические компании развернули особенно активную борьбу за «место под солнцем», она должна была напомнить всем, что Великобритания по-прежнему остается владычицей морей.

Помимо этого, парламент и Адмиралтейство возлагали на «Лузитанию» (и на по-

Капитан
Уильям Тернер
увидел след торпеды
с капитанского
мостика
непосредственно
перед попаданием.

строенный в то же того же типа лайнер «Мавритания») особые надежды как на потенциальный военный корабль. На лайнере, в случае необходимости, можно было установить двенадцать скорострельных орудий. Машинное отделение обеспечивалось дополнительной защитой. Движимое гигантскими паровыми турбинами, судно развивало скорость до двадцати шести узлов. В 1909 году «Лузитания» пересекла Атлантику за 4 дня 10 часов 51 минуту. Этот рекорд был побит только в 1935 году. Лайнер был не только быстроходен, но и очень красив. Его даже называли плавучим дворцом. Во время своего первого захода в нью-йоркский порт в 1907 году корабль вызвал всеобщее восхищение.

Так что не без основания немецкие трансатлантические компании видели в «Лузитании» мощного соперника, а германские власти обвиняли британское правительство в использовании лайнера для перевозки через Атлантику оружия и другой

контрабанды. На медали, отлитой мюнхенскими мастерами в августе 1915 года, «Лузитания» изображена с военным самолетом и орудием на палубе под сатирическим комментарием «Никакой контрабанды». На оборотной стороне виден скелет, продающий билеты, а по верху идет надпись «Бизнес прежде всего», намекающая на то, что «Кунард Лайн» ради своего обогащения сознательно подвергает риску гражданских людей.

Как бы то ни было, экономические и военные интересы германской верхушки совпадали, и на «Лузитанию» была устроена самая настоящая охота.

...Вальтер Швигер, тридцатилетний командир немецкой подводной лодки «U-20», не мог поверить своей удаче. Он только вознамерился искать огромный пассажирский пароход у южного побережья Ирландии, где, по его мнению, тот собирался укрыться, как судно оказалось прямо перед ним. Швигер сказал одному из

друзей, что невозможно было выбрать лучший курс, чтобы выйти прямо в зону торпедной атаки. С расстояния в семьсот пятьдесят ярдов он послал единственную торпеду. Это произошло 7 мая 1915 года, в 2 часа 10 минут пополудни.

Впередсмотрящий на носу «Лузитании», заметил тонкий пенный след, тянущийся к судну. «Торпеда по правому борту», — закричал он в мегафон. Один из спасшихся пассажиров вспоминал, что взрыв прозвучал так, как будто «молот весом в миллион тонн ударил по паровому котлу в сто футов высотой». Секунду спустя последовал еще более мощный взрыв, взметнувший над палубой фонтан воды, угля и обломков.

Сразу накренившись на правый борт, и выставив винты над поверхностью, лайнер начал быстро погружаться носом. Пассажиры скатывались по уходившим из-под ног палубам. Спасательные шлюпки по левому борту зависли над палубой, а по правому оказались вынесенными слишком да-

леко в море, поэтому воспользоваться ими было крайне сложно. Несколько шлюпок были так перегружены, что перевернулись, и люди оказались в воде.

«Найдите всех детей, каких сможете», — приказал своему слуге самый известный из пассажиров Альфред Дж.Вандербильт. Миллионер, спортсмен, но, тем не менее, плохой пловец, он в свои последние минуты надевал на детей спасательные жилеты.

Восемнадцатилетняя Элис была одной из двух гувернанток семьи Уорренов, присматривавших на «Лузитании» за их четырьмя детьми. Торпеда попала в лайнер, когда Элис готовилась покормить самую младшую — трехмесячную Одри.

«Я услышала ужасный грохот и сразу поняла, что произошло», — вспоминает Эми. Завернув Одри в шаль, она обвязала ее концы вокруг шеи, сделав нечто вроде пращевидной повязки, схватила за руку пятилетнего Стюарта и побежала наверх, к шлюпочной палубе. Матрос посадил Стюарта в ближнюю спасательную шлюпку, но когда туда же попыталась сесть Элис, матрос ей не позволил сделать это, сказав, что она переполнена. И девушка, без спасательного жилета, с привязанной к шее Одри, прыгнула в воду рядом со шлюпкой. Какая-то женщина, находящаяся в шлюпке, схватила Элис за ее длинные, развевающиеся волосы и втащила внутрь.

«Мои волосы спасли нам жизнь», — говорит она. Родители Одри тоже были спасены. Но еще двоих детей и присматривавшую за ними вторую гувернантку больше не видели. Элис и Одри с тех пор никогда не разлучались. «Она все еще мой ребенок», — много десятилетий спустя говорила Элис Друри.

Огромный лайнер исчез в волнах всего за восемнадцать минут, оставив на поверхности мешанину из людей, палубных кресел, весел и массы обломков. Глядя на эту картину со своей субмарины, даже Швигер был потрясен. Позже он сказал, что это было самое кошмарное зрелище, когда-либо им виденное. Тогда же, в 15 часов 25 минут, он сделал в бортовом журнале следующую запись:

«Очевидно, судно недолго будет оставаться на плаву. Я погружаюсь на глубину двадцать четыре метра и ухожу в море. Я не смог выпустить вторую торпеду в эту толпу живых людей, пытающихся спастись».

Известие о катастрофе полетело через Атлантику. Заголовки газет Бостона

и Нью-Йорка кричали об ужасных новостях. Из находившихся на борту 1959 человек было спасено всего 764. Среди погибших оказалось девяносто четыре ребенка.

«Тела были свалены на пирсе, как дрова», — вспоминает Уильям Суэнтон из ирландского города Куинстауна, которому было девять лет, когда пришли рыбацкие лодки с жертвами с «Лузитании». Моя сестра носила к морю котелки с горячим супом для спасшихся. В ту ночь в нашем доме нашли приют тридцать человек».

Сцена в Куинстауне потрясала воображение. При мерцающем свете керосиновых ламп мужчины и женщины искали среди мертвецов своих близких. Добровольцы переносили во временные морги неопознанные тела, которые позже похоронили в трех общих могилах.

Американцы были разгневаны падением, унесящим жизни ста двадцати трех их соотечественников. Газеты называли торпедирование «преднамеренным убийством» и «подлым поступком», а политики, включая будущего президента Теодора Рузвельта, требовали принятия ответных мер против Германии. Плакат, напечатанный в Бостоне, изображавший тонущую женщину с ребенком, призывал американцев вступить в вооруженные силы.

Нападение на «Лузитанию» часто называют причиной вступления Соединенных Штатов в первую мировую войну. Это справедливо только отчасти. За три месяца до потопления судна президент Вудро Вильсон потребовал призвать Германию к «суровому ответу» за нападения ее подводных лодок на гражданские суда. Однако он также знал, что американский народ, несмотря на гнев, вызванный гибелью «Лузитании», все еще не хочет ввязываться в войну. Описываемые события произошли почти за два года до того, как Соединенные Штаты приняли участие в европейском конфликте.

По поводу гибели «Лузитании» начались многочисленные споры. Британское правосудие возложило всю вину за трагедию на командира субмарины. Однако германское правительство указывало на британских чиновников, обвиняя их в использовании лайнера в незаконных военных целях — что, тем не менее, им никогда не удалось доказать. Кто-то из американцев, симпатизировавших Германии, выдвинул теорию, что британское Адмиралтейство преднамеренно подставило «Лузитанию» в на-

дежде, что ее атакуют, и таким образом Соединенные Штаты будут втянуты в войну. Позже некоторые аналитики обвинили в разработке этого плана Уинстона Черчилля, в то время первого лорда Адмиралтейства, приводя в качестве доказательства цитату из написанного им еще до катастрофы письма, в котором говорится, насколько важно было бы «привлекать к нашим берегам суда нейтральных государств, особенно Соединенных Штатов, в надежде поссорить их с Германией». Однако другие исследователи отрицают, что Черчилль мог быть настолько циничен, и цитируют предупреждения, посланные «Лузитании» Адмиралтейством непосредственно перед ее гибелью.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Пожалуй, главными из возникших в то время вопросов были следующие: как могла единственная торпеда потопить такое огромное судно и почему оно так быстро пошло ко дну? На них, оставшихся неразрешенными почти восемьдесят лет, и надеялась найти ответы группа исследователей в 1993 году.

Возможно, самым загадочным было то, что лайнер затонул так быстро. В газетах того времени высказывалось предположение, что торпеда попала в груз боеприпасов, вызвав их детонацию и внутренний взрыв — второй по счету, о котором говорили выжившие пассажиры «Лузитании» и о котором написал Швигер. Водолазы, впоследствии осматривавшие лайнер, докладывали об огромной дыре по левому борту около носа, в том месте, где обычно складировались боеприпасы.

Расщепившая раз и навсегда решить проблему, исследователи воспользовались подводным роботом «Ясон», принадлежавшим Океанографическому институту в Вудс-Холе, чтобы сфотографировать останки судна. В первый день работы сильное придонное течение затрудняло маневрирование «Ясона». Сначала кинокамеры показывали только косяки сайды, привлеченные ярким светом прожекторов. Затем из мрака неожиданно выплыл массивный правый борт, там все еще была видна защитная красная краска, такая же, как на «Титанике», который группа нашла восемь лет назад. Увидев название судна, Роберт Бэллард почувствовал себя так, словно прочитал надпись на гробнице: «Здесь покоится «Лузитания». Но когда камеры подводного аппарата прошли над трюмом, всех ожидал большой сюрприз: дыры в предполагаемом месте не было.

Однако судно, лежащее в тридцати милях к югу от маяка на мысе Олд-Хед-офф-Кинсейл, больше походило на помойку, чем на когда-то прекрасный лайнер. Остатки рыболовных сетей зацепились за выступающие части. Гигантские трубы давно изъедены ржавчиной, спасательные шлюпки сгнили, а останки людей пожрали обитатели морского дна. Мрачная растительность покрывала стальной корпус лайнера, и его надстройки превратились в призрачные обломки. Нос 785-футового гиганта первым ударился о дно на глубине 295 футов, тогда как его корма все еще была на поверхности. Сила удара раздробила форштевень и раскроила его посередине, как орех. Пароход завалился на правый борт, его палубы разломались, усеяв обломками морское дно.

На трехмерное компьютерное изображение современного судна, внешне напоминающего погибшее, было наложено цветное изображение «Лузитании», как она выглядела после постройки. Между третьей и четвертой трубами обнаружили место,

где проломилась палуба — здесь находились самые большие каюты, холл первого класса и обеденный салон. В этом же месте разломился пополам и «Титаник».

Вопросы о том, что везла «Лузитания», возникли сразу после гибели судна. Немцы всегда утверждали, что на ней находились нелегальные боеприпасы. Так и оказалось. «Лузитания» не только бросила вызов германской блокаде, перевозя такие жизненно необходимые в военное время предметы, как запасные части к мотоциклам, металлы, изделия из хлопка, продовольствие, но на ней также было 200 ящиков с винтовками, 1250 ящиков со снарядами и 18 ящиков с детонаторами, на которых были инициалы Вифлеемской сталелитейной корпорации.

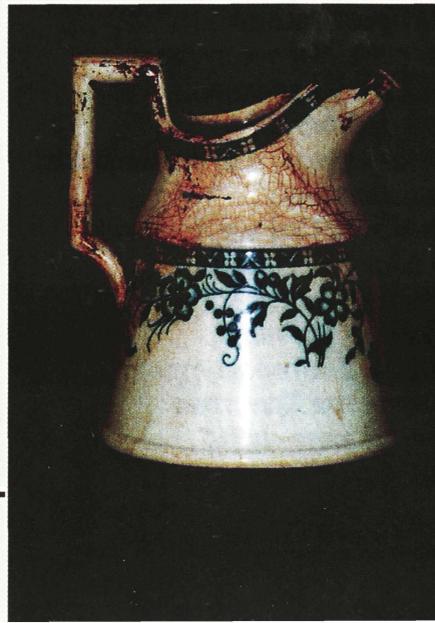
Но, как показали исследования 1993 года, не боеприпасы стали причиной второго взрыва, отправившего «Лузитанию» на дно. Так что же? Может быть, гигантские паровые котлы, взорвавшиеся, когда холодная забортная вода ворвалась в машинное отделение? Если так, тогда почему спасшиеся из котельной кочегары не сообщили о катастрофическом взрыве? Более вероятно взрыв угольной пыли. Немецкая торпеда поразила правый борт лайнера примерно на десять футов ниже ватерлинии, разрушив один из больших угольных бункеров, проходивших вдоль обоих бортов. Если в этом бункере, скорее всего, пустом в конце рейса, было большое количество летучей угольной пыли, торпеда могла воспламенить ее. Собрат «Титаника», «Британик», затонувший вскоре после «Лузитании», как полагают ученые, пострадал от подобного же взрыва. Подтверждает эту гипотезу и разбросанный на морском дне вокруг места катастрофы уголь.

Некоторые повреждения «Лузитании», обнаруженные экспедицией, не связаны непосредственно с немецким нападением. В 80-х годах водолазы прорезали в ее корме узкое отверстие, чтобы достать изделия из серебра и некоторые другие предметы. Отверстия меньшего размера в корпусе около носа образовались в результате взрывов глубинных бомб, сброшенных во время второй мировой войны, когда англичане подозревали, что вражеские подводные лодки используют погибшее судно как укрытие. Ставшая домом для одинокого морского ежа неразорвавшаяся бомба до сих пор лежит рядом с покоренной надстройкой.

Документально не подтвержденные слухи о бриллиантах, золоте и других ценностях, якобы запертых в сейфах «Лузитании», на протяжении многих лет волновали кладоискателей. В 1982 году поисковая команда фирмы «Оушениринг Интернэшнл» обнаружила три из четырех латунных винтов судна, два носовых якоря и судовую рынду, а также столовое серебро, фарфор и несколько ящиков, но никаких ценностей найдено не было.

Хотя отношения между когда-то воевавшими странами стали иными, ужас, внушаемый историей «Лузитании», и в то же время ее притягательность не уменьшаются. Участники экспедиции 1993 года напоминали детективов, изучающих место преступления. С помощью мощной техники исследователи, по выражению Роберта Бэлларда, искали «дымящийся пистолет», который помог бы раскрыть тайну. Но правда о гибели «Лузитании» остается такой же мрачной и недоступной, как темные глубины Ирландского моря.

По материалам
«National geographic»
подготовил А. КОЛПАКОВ

Сегодня о затонувшей «Лузитании» напоминает лишь мемориал, воздвигнутый в память о погибших той кошмарной майской ночью 1915 года, да фарфор и столовое серебро, поднятые со дна поисковой командой фирмы «Оушениринг интернэшнл». И еще — германская медаль, отчеканенная в Мюнхене в августе 1915 года по случаю потопления судна, которое, по мнению немцев, перевозило амуницию и боеприпасы.

Клад Ярослава Мудрого

Сергей ХВЕДЧЕНЯ,
кандидат географических наук

Под сенью могучих киевских каштанов недалеко от главного входа в Софийский собор стоит памятная стела, вырубленная из серого гранита. Она напоминает посетителям древнего храма о знаменательном событии в истории Киевской Руси — основании в 1037 году великим князем Ярославом Мудрым первой библиотеки. Со стелы на нас смотрит сам киевский князь, под рельефным изображением которого начертаны слова из «Повести временных лет»: «В лето 6545. Сей же Ярослав, сын Володимир, насея книжными словесы сердца верных людей. Велика бо польза бывает человеку от учения книжного». Годы, естественно, указаны по Константинопольскому календарю, в котором отсчет велся от сотворения мира и до Рождества Христова имел 5508 лет. В нашем современном календаре 6545 год соответствует 1037 году.

Во всех уголках земного шара и во все времена люди славили книгу. «Слово книжное — свет дневной» — писали в древних манускриптах. Бесценные собрания книжных сокровищ безвозвратно гибли во время кровопролитных войн, горели в пламени костров и городских пожарах, их безжалостно грабили и уничтожали. Но все-таки они дошли до нас — редкие и удивительные. Наш рассказ пойдет о знаменитой библиотеке Ярослава Мудрого, скрытой где-то в киевских подземельях.

ПЕРВАЯ НА РУСИ

Первое и последнее упоминание о так называемой «библиотеке Ярослава» — в «Повести временных лет» в статье под 1037 годом: «Ярослав же любим бо книгам, и многы списав положи в церкви святой Софьи, юже созда сам». Вот и вся историческая информация, все остальное — домыслы, догадки, версии и гипотезы. И так, известна точная дата основания книжного собрания — 1037 год, указано место расположения библиотеки — киевский Софийский собор, но весьма туманно сказано о том, сколько книг — «книги многы». Но мы можем построить свои предположения, только на этих трех исходных позициях.

Не случайно Софийский собор стал местом основания первой библиотеки на Руси. В те далекие от нас времена он был как бы центром не только Киева, но и всей Руси. Вблизи собора проводили знаменитые киевские вече. В том же году, когда была основана и библиотека, в соборе организовали первую школу, учредили мастерские переводчиков и переписчиков книг. Правда, еще не так давно некоторые ученые скептически отнеслись к нашей дате основания библиотеки, так как считали, что в 1037 году собор святой Софии был только заложен. Построен же гораздо позже. То есть, раз в 1037 году собора как такового не существовало, то и никакой библиотеки здесь быть не могло.

Исследования современных археологов и архитекторов доказали, что в летописи действительно указан год окончания строительства храма. Так что сообщение о библиотеке не миф, а реальный исторический факт.

Но библиотеки ли? Современное слово «библиотека» не совсем подходит для определения книжного собрания времен Киевской Руси. Точнее сказать — совсем не подходит! Термин «библиотека» утвердился лишь в начале XIX века, до этой поры употреблялись слова «книгохранилище», «книгоположница», «книжная казна», «архива». И — кстати — еще один ключевой момент: второе слово в названии данного собрания книг. Библиотека Ярослава... Ее следовало бы назвать «книгохранилищем Софийского собора»! Может, это звучит менее романтично, зато более отвечает реальности. Но, приняв все отмеченное выше к сведению, отдадим дань сложившейся традиции и будем называть эти книги «библиотекой Ярослава».

Сколько могло быть этих книг? В научных статьях и книгах, опубликованных по этой теме за последние 200 лет, можно найти самые разные цифры. В «Истории руссов», написанной в XVIII веке, сообщается:

«Великие тысячи рукописных и редких драгоценных манускриптов, писанных на разных языках». В других источниках находим более скромную и круглую цифру — 1000 томов, а все книжные запасы Киевской Руси оценены в 130-140 тысяч томов. В фундаментальном трехтомном исследовании «История Киева» (1982 год издания) эта цифра максимально уточнена — 950 томов! Историк русской православной церкви Е. Голубинский назвал еще меньшую цифру — 500 книг. Сегодня в ученых кругах бытует мнение, что и эта цифра сильно завышена. Говорить о многих сотнях книг — грешить против истины. Некоторые авторы довольно ловко обходили количественную характеристику библиотеки Ярослава, говоря, что она помещалась в десяти огромных дубовых сундуках, окованных железом. На самом деле мы не знаем, сколько книг было в библиотеке, ведь в летописи говорится — «книг множество». А сколько это конкретно, зависело только от разыгравшейся фантазии автора. Может быть, 950, а может, даже 953! Вообще-то все зависит от того, сколько времени собиралась библиотека и сколько работало переводчиков. Ведь нам известно, какой способ избрал князь для комплектования своей книжной коллекции — перевод и переписка. Считается, что в то время Ярославу не удалось найти в Киеве более десяти переводчиков. Да еще десять он мог привлечь из Болгарии. Итого 20 человек. Пятисот книг среднего формата такой дружный коллектив единомышленников смог бы перевести за 13 лет непрерывной работы! Впрочем, Ярослав Мудрый мог собирать библиотеку в течение 25 лет. Есть основание считать, что в нее вошли и книги великого князя Владимира, который любил «слова книжные». Один из нынешних авторов, явно тяготящийся к гиперболам, радостно сообщил миру, что переводчиков было аж триста человек! Фантазер, написавший недрогнувшей рукой эту сказочную цифру, должно быть представлял себе этакий громадный и светлый княжеский цех по производству рукописной продукции.

Не вдаваясь в детали и не цепляясь за мелкую конкретику, можно прийти к выводу, что во времена правления Ярослава Мудрого Софийский собор Киева располагал значительным собранием рукописных книг, местонахождение которых в настоящий момент неизвестно. Звучит сухоовато, но исследователь не должен этого бояться. Рукописные книги во все века стоили баснословно дорого. Счастливый обладатель даже одного манускрипта был несомненным богачом. Десяток книг стоил целого состояния. Сотню мог позволить себе лишь человек, в жилах которого текла голубая кровь. Каждая рукописная книга была настоящим шедевром и имела свое неповторимое лицо. Двух совершенно одинаковых книг не было, и не могло быть. Тексты писали на дорогом и редком пергаменте, или, как тогда его называли, — «пергамине», «харатье». Он выделывался из кожи телят или молодых овец. Для написания книги среднего размера требовалось едва ли не целое стадо телят! Оклады рукописных книг украшали золотом и серебром, обильно осыпали драгоценными камнями — алмазами, изумрудами, топазами и жемчугом.

До настоящего времени уцелело совсем немного рукописных книг, и находка еще хотя бы одной стала бы подлинной сенсацией в научном мире. А теперь представьте себе, что произошло бы, если бы отыскали десяток, сотню или даже тысячу книг Ярослава Мудрого! Ничего удивительного, что множество раз пытались найти библиотеку великого князя.

СОФИЯ КИЕВСКАЯ

Князь Ярослав Мудрый «положил» книги в Софийском соборе Киева. Логично предположить, что эти манускрипты при нашествии врагов были спрятаны там же. И скорее всего — в подземельях. Такие подземелья существуют вблизи Софии, и о части подземных ходов нам известно. Но лишь о части. Если пройти от памятной стелы метров 30, то вы наткнетесь на обычный зеленый шпакетный забор, которым ограждено два небольших участка земли около собора. За шпакетником в беспорядке разбросаны куски битого кирпича и строительный мусор. Туристов сюда не приводят, а на вопрос дотошного гостя столицы Украины экскурсовод небрежно бросит: «Здесь когда-то были раскопки». Между тем место это очень примечательное и — главное — открыто от посторонних глаз кусками ржавого кровельного железа. Подними, как уже, должно быть, догадались многие, расположен вход в таинственное подземелье. Обнаружить его помог его величество Счастливый Случай!

Весной 1916 года вблизи Софии Киевской образовался глубокий провал, спустившись в который, исследователи обнаружили древний подземный ход. Об этом старались не говорить вслух, но тогда все почувствовали — в подземелье может храниться библиотека Ярослава. Понимая всю серьезность возможного открытия, ученые провели достаточно тщательное археологическое исследование подземелья. Археологи очистили от строительного мусора и нанесенного за столетия ила два подземных коридора, которые заканчивались обвалом грунта. В конце второго коридора была сделана сенсационная находка — небольшой кусок бересты с надписью: «Аще кто найде сей ход тот

найде велий (великий — С.Х.) клад Ярослава». Окрыленные надеждой, исследователи с удвоенной энергией продолжили работы по расчистке коридоров и ниш. Недалеко от найденной «записки» действительно обнаружили тайник, надпись на стене которого сообщала, что ученые немного опоздали к раздаче подарков, и клад выкопали, не дожидаясь их. Если доверять тексту, выщарапанному на стене, то здесь были «выкопаны гроши» и далее стояла неразборчивая дата этого знаменательного события. Создавалось впечатление, что на этот раз археологов опередили их вездесущие «друзья»-кладоискатели. Ученые не пали духом и стали со страстью, достойной лучшего применения, доказывать, что обе надписи являются умелыми мистификациями и ко времени Ярослава никакого отношения не имеют.

Таким образом, подземелье, сулившее дать миру археологическую находку века, подарило лишь надежды. Основные находки можно было перечестать на пальцах одной руки: медная монета Людовика XIV, половинка перламутрового крестика и серебряная монетка Московского царского периода, да и то сильно стертая.

И вот тут-то начинается самое интересное. Все современные ученые мужи в один голос утверждают, что найденное подземелье — это винный подвал, а надпись на бересте — мистификация. А если все на самом деле обстоит так, то дальнейшие изыскания в этом районе бесперспективны и нецелесообразны.

Чтобы докопаться до истины, я решил самолично прочитать отчеты археологической комиссии 1916 года. После более чем годичных поисков удалось наконец разыскать эти документы. Удивительно, но факт — отчет, опубликованный в Петрограде в 1917 году, до сего дня хранился с неразрезанными страницами! За 80 лет никто эту книгу в руках не держал! Документы, которые многие неоднократно цитировали, остались в первоначальном, нетронутым виде. Только подробно ознакомившись с этой работой, понимаешь, что исследователи не дали категоричного заключения о надписи на бересте, а оставили вопрос открытым. Окажись злосчастная береста в руках современного ученого,

думается, не было бы проблем с установлением точной даты надписи. Химический анализ чернил позволил бы с высокой точностью определить их возраст. Но, увы, местонахождение бересты сегодня неизвестно. Кроме того, исследователи сделали предварительный вывод о том, что данное подземелье могло служить... усыпальницей киевских князей. А это (я думаю, вы согласитесь?) нечто совсем иное, чем винный погреб!

Археологические раскопки 1916 года были довольно скоро прекращены. Причину этого я нашел в протоколе заседания археологической комиссии. Оказалось, что раскопки проводились силами... солдат из школы прапорщиков, которая обосновалась в бывшем духовном училище Софийского собора. Руководитель раскопок отмечал, что солдаты совсем отбились от рук, совершенно не слушают археологов, а начальник школы самолично занялся кладоискательством. Под его «чутким» руководством солдаты прорыли глубокую траншею рядом с провалом и разрушили древние фундаменты. Время было тревожное, и комиссия приняла решение раскопки приостановить. Удивительно, как эту важную часть протокола не заметил никто из исследователей! Ведь тут даже не надо читать между строк, написано черным по белому! Раскопки приостановили вовсе не из-за их неперспективности. Археологи просто побоялись продолжать такие ответственные работы в столь смутное время!

Шла война, голод и разруха царили в империи. Приближалась революция. Какая судьба ожидала библиотеку Ярослава, если бы ее открыли? В чьи руки попали бы бесценные книги? Реальной была угроза разграбления древнего книжного фонда, и ученые приняли единственное верное решение — прекратить раскопки, оставить возможную уникальную находку в том потайном месте, где она преспокойно хранилась почти девять столетий.

...Вновь и вновь прихожу к неприятному зеленому забору вблизи Софии Киевской, который окружает загадочное место. Смотриваюсь в горы битого кирпича — не блеснет ли в них тусклой позолотой оклад старинного манускрипта? Право, наивно надеяться на чудо, и от этого становится очень грустно. Хочется верить, что сюда еще вернутся археологи и тайна софийских подземелий будет раскрыта.

ЛАВРСКИЕ КАТАКОМЫ

Есть и другая версия. Книги великокняжеской библиотеки могли быть спрятаны в подземных лабиринтах Киево-Печерской лавры. Ярослав Мудрый и его наследники создавали собственную церковную иерархию, и для этого необходимо было иметь отечественные монастыри. Поэтому на киевской земле растут и возвеличиваются русские православные монастыри, и первый, главный среди них — Киево-Печерский. Очень скоро в нем вводится устав Студийского монастыря, который требовал, чтобы монахи в свободное время читали духовные книги. Все это способствовало созданию в Печерском монастыре большой библиотеки, у истоков которой стоял бывший митрополит Илларион.

Считают, что он вместе с Ярославом Мудрым был инициатором постройки Софийского собора и принял участие в создании первого книжного собрания на Руси.

Илларион, «муж благой и книжный», был поставлен митрополитом в 1051 году по настоянию князя Ярослава. Полагают, что до этого он положил начало Печерскому монастырю. Около 1055 года Илларион серьезно повздорил с князем, оставил пост митрополита и вернулся в Печерский монастырь простым монахом. Сведения о монахе Илларионе находим в «Киево-Печерском патерике» — «сей черноризец бже бо хитр книгам писати, сей по все дни и ноци писаше книги». Такая краткая, но весьма емкая характеристика как нельзя лучше подходит для опального митрополита; его любовь к книгам была притчей во языцех. Естественно предположить, что переход Иллариона из Софийского собора в Печерский монастырь не был очень уж спешным и неожиданным. Он мог заранее подготовиться к этому и вывезти библиотеку или ее часть в монастырь, что положило начало печерскому книжному собранию.

Возникнув из Софийской библиотеки, печерское книжное собрание быстро увеличивалось стараниями игуменов и простых монахов. В XI веке после смерти греческих иконописцев, расписывавших монастырские храмы, в Успенском соборе «на полатях книги их греческие блюдомы». Немного позднее на хорах в правом углу собора была устроена библиотека церковных книг, а в левом — вторая, «ученая». «Киево-Печерский патерик» неоднократно упоминает о том, как Никон и Илларион писали книги, а Феодосий прятал нити для переплетов. Там же помещен рассказ о монахе Григории, собиравшем книги и почитавшем их превыше любого богатства. В 1106 году печерская библиотека существенно пополнилась — в монастыре под именем Николы Святоши принял постриг князь Святослав Давидович Черниговский, правнук Ярослава Мудрого. Он передал в дар монастырю всю свою библиотеку. Лаврской библиотекой пользовался Нестор-летописец при написании своей знаменитой «Повести временных лет».

Печерская библиотека успешно пережила татаро-монгольское нашествие. У нас имеются многочисленные свидетельства этому. Так, в 1653 году П. Алеппский писал, что в Печерском монастыре есть прекрасное книгохранилище с бесчисленным количеством дорогих книг, в том числе пергаментных грамот, которым не менее 500 лет. Казалось, самое страшное уже позади, и величайшее книжное собрание вместе с манускриптами Ярослава может дойти до нашего времени целым и невредимым. Но 22 апреля 1718 года в лавре вспыхнул грандиозный пожар. Сгорели не только деревянные постройки, серьезно пострадали каменные здания, в пепел превратилась лаврская библиотека, «от неприятелей иноками в пещерах (выделено мной — С.Х.) сбереженная. Множество рукописей, некоторые неизвестные даже ученым мужам того времени, подлинны грамоты великих князей и государей российских, несколько тысяч печатных книг — все истреблено огнем.

Потеря невозвратная!» — свидетельства истории. Неужели книги, благополучно пережившие ужасные времена, в кои подобные пожары случались раз в десять лет, а то и чаще, утрачены навсегда? Может быть, часть священных книг сохранилась в лаврских подземельях? Монахи всегда прятали церковные реликвии в своих пещерах. У меня есть информация, что последний раз это было в 1665 году, когда монастырские книги, документы и грамоты были укрыты под землей. Прятали действительно часто, а вот возвращалось на свое место спрятанное далеко не всегда. Причина этого проста и ужасна — жестокие захватчики-иноверцы убивали всех живых свидетелей этих событий.

Из самых надежных мест для тайников старинных книг — лабиринты Ближних и Дальних лаврских катакомб. Они существовали еще во времена правления Ярослава Мудрого, в них были кельи монахов, которые переписывали книги. Но самое главное — здесь прятали от иноверцев ценнейшие церковные реликвии, в том числе и книги. Вспомните — «книги, иноками в пещерах сбереженные»!

Мне повезло несколько лет подряд работать в этих подземельях, составляя их современные карты. Общая длина только исследованных пещерных лабиринтов — более одного километра, но не следует забывать, что длина неизведанных подземелий — гораздо больше. По преданиям, они тянутся под Днепром и идут до Чернигова, Смоленска, Пскова, Новгорода и Москвы.

Немало замечательных историй о библиотеке Ярослава Мудрого могут рассказать сотрундники Печерского заповедника. Время от времени среди экскурсантов лаврских пещер появляются люди, которые выдают себя за прямых наследников великих киевских князей. «Потомки» обычно полагают «надежной» информацией о точном местоположении библиотеки в пещерах, но указать это место наотрез отказываются под благовидным предлогом — мол, «еще не пришло время». Не редкость здесь и люди, увидевшие древние книги «в видениях снах». Они довольно легко ориентируются в подземных лабиринтах и возможные тайники показывают с большой охотой. Только — увы! — каждый раз в ином месте...

Подземелья Успенского собора, которые чудом уцелели от страшного взрыва 1941 года, превратившего громадный собор в кучу жалких обломков, тоже возможное место для спрятанной библиотеки. Монастырское книжное собрание долгое время хранилось в главном лаврском храме, и, возможно, в обширных подземельях собора манускрипты нашли свое последнее пристанище. Где-то глубоко под землей, в подвалах Успенского собора хранится драгоценный гроб одного из основателей монастыря — Феодосия. На его украшение пошло 50 гривен золота и 500 гривен серебра. Эту священную реликвию вместе с другими святынями спрятали от варваров в 1240 году. Кто знает, может, рядом с ними лежат книги Ярослава? Специфические условия лаврских подземелий — сухость воздуха, ровная температура — позволяют надеяться, что книжные сокровища сохранились в первозданном виде.

Возникает вопрос, вполне естественный: как можно было забыть о таких сокровищах? Ответу вопросом — а как могли забыть о монастырской казне, которую случайно нашли в 1898 году? Действительно, при очередном ремонте Успенского собора на его хорах обнаружили большой деревянный бочонок и 4 оловянных сосуда, доверху наполненных золотыми и серебряными монетами. Золото весило 1 пуд 22 фунта 47 золотников, серебро — 18 пудов. Оказалось, что казну умышленно припрятали после пожара 1718 года: собирались получить более богатые пожертвования от российского царя и украинского гетмана. Последний раз деньги из потайной казны брали на нужды монастыря в 1753 году. После этого ужасная эпидемия чумы 1769-1771 годов истребила всех людей, которые знали об успенском сокровище. Подобное могло произойти и с книгами Ярослава.

Но есть и еще версии — и, согласно им, другие места, захоронения книжногоклада.

ВЫДУБИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Недалеко от Киево-Печерской лавры находится не менее знаменитый Выдубицкий монастырь. Название его связано с давними событиями. Согласно легенде, князь Владимир, крестивший киевлян, всех славянских языческих идолов приказал сбросить в Днепр. Деревянное изваяние Перуна поплыло вниз по течению, а «неверные, идучи берегом, плакали и звали, глаголя: «Выдубай, наш подаро Боже, выдубай!» Идол выдубал (выплыл) на берег в том месте, где сейчас стоит Выдубицкий монастырь.

В стенах этого монастыря в XII—XIII веках продолжалось древнерусское летописание. К началу XIII века в монастырской библиотеке собралось весьма значительное количество книг, необходимых для создания летописей. Очевидно, вместе с рукописным списком «Повести временных лет» сюда попали и другие книги из собраний Печерского монастыря и Софийского собора. Древние княжеские грамоты и рукописные книги могли быть спрятаны монахами от врагов, которые с 1096 года регулярно нападали на монастырь, расположенный на самой окраине стольного Киева. А спрятать было где.

Вблизи Выдубицкого монастыря существует комплекс пещерных галерей. Открыли их в 1862 году, случайно. Тогда киевский художник обнаружил провал на склоне холма и решил на свой страх и риск исследовать его. В дрожащем свете восковой свечи взору открылась ужасная картина — человеческие черепа, кости, остатки монашеской одежды. Слух о находке быстро распространился по округе, святое место стали посещать монахи, паломники и просто любопытные. Учитывая аварийное состояние подземных ходов, инженерное ведомство запретило проведение археологических раскопок. Вход в пещеру постепенно обрушился, и о ней забыли. Через 30 лет, в результате оползня открылись два новых входа в пещеры. К тому времени за ними прочно закрепилось название «Зверинецкие» (по названию урочища). В древности эти места были излюбленным местом охоты киевских князей,

оттого и имя «Зверинец». В 1912 году в атмосфере строгой секретности начались раскопки подземных ходов. Исследователи всячески пытались избежать широкой огласки археологических работ, но, несмотря на все меры предосторожности, информация просочилась — так в прессу. К Зверинецким пещерам хлынули тысячи зевак и богомольцев. За два месяца кропотливого труда были расчищены две длинные галереи, по обеим сторонам которых находились кельи и захоронения катакомбного типа. Во время раскопок археологи обнаружили скелеты людей, застывших в неестественных позах. Страшная трагедия разыгралась некогда глубоко под землей. Очевидно, во время нападения на монастырь здесь спрятались монахи и жители киевской столицы. Враги засыпали единственный вход в подземелье, и люди оказались заживо погребенными. От недостатка свежего воздуха, лишения пищи и воды, они умерли в ужасных муках. Вероятно, погубил все, кто знал о существовании пещер — иначе монахи расчистили бы подземные ходы и похоронили своих собратьев. Случилось это в 1240 году. Тогда татаро-монголы дотла сожгли Киев, уничтожили окрестные селения. Огненный смерч пронесся над киевской землей, сея смерть и разрушения. И лишь через 600 лет люди узнали о трагедии в Зверинецких пещерах. Были ли здесь книги Ярослава? Возможно и это. Ведь не все подземные галереи были расчищены от завалов, остались еще многие ходы, хранящие тайны минувших эпох.

ТАЙНА МЕЖИГОРЬЯ

Читатели со стажем, должно быть, помнят, как несколько лет назад, в славные годы начала перестройки, средства массовой информации наперебой сообщали о новой версии местонахождения библиотеки Ярослава. В Межигорском Спасо-Преображенском монастыре. Тогда всем хотелось верить, что находка древних книг — вопрос ближайшего времени. Но прошли годы... Межигорская версия, к сожалению, не подтвердилась, а ее сторонники потерпели фиаско и приутихли. Публикации в прессе по этой теме из бурного потока превратились в постоянно пересыхающий ручеек. Теперь, когда страсти по библиотеке улеглись, попробуем без суеты, спокойно и взвешенно разобраться в этом вопросе.

Данная версия — одна из самых современных, она напрямую связана с новыми веяниями «свежего ветра перестройки», гласностью и прочими атрибутами «нового мышления». Свято уверовав в непогрешимость курса реформ, одновременно и не сговариваясь, откликнулись живые свидетели великой тайны библиотеки Ярослава. До этого в течение полувека они упорно хранили молчание. Отсыкались люди, видевшие и даже державшие в руках старинные великокняжеские фолианты. Оказалось, что в 1934 году при строительстве правительственной дачи для первого секретаря Киевского обкома партии тов. П.П.Постышева на территории бывшего Межигорского монастыря рабочие обнаружили подвальное помещение, доверху наполненное древними книгами. Книги были рукопис-

ные, большого формата, в массивных кожаных переплетах. Неужели книжный клад Ярослава?

Предложение сообщить о ценной находке в Академию наук почему-то не вызвало у представителей строительной организации особого энтузиазма, напротив, они категорически этому воспротивились. Стройка была очень срочная, объект — правительственный, государственной важности. Таинственный подвал засыпали землей, а всех очевидцев вежливо попросили помалкивать о книжном кладе. С этой нелегкой задачей они успешно справились полсотни лет, после чего оставшиеся в живых внезапно разговорились. По сведениям, которые практически невозможно проверить, аналогичный случай на том же месте, но с другими действующими лицами произошел в 80-е годы нашего века. При рытье траншеи строители опять наткнулись на многострадальное подземелье, заполненное деревянными стеллажами с почерневшими от времени старинными книгами. Начальник строительства, опасаясь срыва сроков работ, вновь приказал наглухо закрыть злосчастный тайник. Вот такая безрадостная получалась картина: строители все время находят древние книги, ученые бьют тревогу, а бесчувственные прорабы снова и снова замуровывают уникальные фолианты. Насколько реальны и правдивы эти истории, сразу ответить трудно. Попробуем разобраться. Как могли книги Ярослава оказаться в Межигорском монастыре? Что занесло их сюда, так далеко от места первоначального хранения?

Живописная местность Межигорья расположена в 20 километрах от Киева вверх по течению Днепра. Не случайно оно было выбрано в качестве загородной резиденции членов правительства Радяньської України. Еще Ярослав Мудрый построил неподалеку отсюда, в Вышгороде, свой княжеский дворец. Последние два года жизни великий князь провел здесь, вдали от столичной суеты. Ярослав трудился над составлением первого юридического свода — «Русской правдой». В этой кропотливой работе он не мог обойтись без изучения литературы по данному вопросу, следовательно, какая-то часть библиотеки должна была находиться при нем. Эти книги после смерти князя в 1054 году и могли попасть в Межигорский монастырь. По разным сведениям, основание этой обители приписывают греческим монахам (988 год) или князю Андрею Боголюбскому (1161 год). Безусловно, у Межигорского монастыря древняя история, во времена Киевской Руси он мог быть крупным духовным центром — значит — располагал значительным книжным собранием. «Золотое время» Межигорского монастыря пришлось на XVII столетие, когда с 1653 года он стал центральным монастырем славного запорожского казачества. Здесь был открыт приют для старых рубак, которые уже не могли бороться родную землю. В монастырскую казну рекой потекло золото от благодарного казачества, библиотека значительно пополнилась подаренными книгами. В 1683 году монастырю завещал свое громадное книжное собрание украинский просветитель И.Гизель. В том же XVII веке московский патриарх Иоаким, отсылая монастырю в пода-

рок книги, написал: «В приращение к наследию Ярослава!» (Не является ли эта строка путеводной в наших поисках? Возможно, она указывает на сохранение древних княжеских манускриптов в Межигорье.)

Всего лишь сто с небольшим лет длился звездный час Межигорского монастыря. Высочайшим указом от августа 3 дня 1775 года Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь. «Сочли МЫ СЕБЯ ныне обязанными пред Богом, пред Империею НАШЕЮ и пред самим вообще человечеством разрушить сечу Запорожскую и имя казаков от оной взаимствованное». В 1787 году Екатерина II во время остановки в Киеве пожелала посетить некогда прославленный запорожский монастырь. Об августейшем желании немедленно уведомили монастырскую братию. В самый канун высочайшего визита монастырь выгорел дотла. Считают, что это было намеренное деяние непокорных монахов-запорожцев в знак протеста против ликвидации Сечи.

В последнее время, как дань моде и в доказательство постоянных притеснений многострадальной Украины от «москалей», кое-кто стал усиленно муссировать гипотезу о том, что пожары в Печерской лавре 1718 года и Межигорском монастыре 1787 года — звенья одной цепи. Оказывается, гордые украинские монахи не пожелали отдавать свои бесценные книжные сокровища российским самодержцам. Они предпочли надежно похоронить их в подземельях, а грандиозные пожары устроили для прикрытия. Так это или нет, но данная гипотеза объясняет, по крайней мере, возможность находки книжных кладов в Межигорье и Печерской лавре.

Поскольку автор этих строк задался целью побывать во всех возможных местах хранения библиотеки Ярослава, то Межигорье мне было не миновать. До села с аналогичным названием меня быстро домчал рейсовый пригородный автобус, найти место правительственных дач тоже не составило большого труда. Загвоздка приключилась при попытке пересечения линии охранной зоны со знаменитым шлагбаумом. На суровых часовых державного объекта не подействовали никакие уговоры. В ход пошли мои удостоверения старшего научного сотрудника Института истории Украины Национальной Академии наук и действительного члена Географического общества — результат нулевой! Пришлось удалиться несолоно хлебавши. Ничего, я — не первый и не последний, уходящий отсюда с чувством горького разочарования. Свои настоячивые попытки приблизиться к разгадке тайны Межигорья я не оставил, а просто перенес поиски в другое место — решил встретиться с человеком, который с 1990 года возглавляет специальную археологическую экспедицию по розыску библиотеки в этом районе.

Известный ученый, лауреат Государственной премии Украины В.А.Харламов был приветлив и разговорчив. К сожалению, похвастаться и ему было особо нечем. За три года поисков сделано очень мало. Но вина в этом не археологов, которые прямо-таки горят желанием продолжить работу по поиску библиотеки. Правда,

удивительно, что при таком обилии живых свидетелей поиски вождя подвала с книгами продолжают годами?

Оказалось, ничего удивительного в этом нет. Свидетелей всего несколько человек, да и то преклонного возраста. Главный свидетель умер еще во время Великой Отечественной войны. Некоторые, очень смелые граждане, страстно желающие помочь поиску, сообщали, что непременно покажут точное место подвала. При этом почему-то вместо обратного адреса отправителя на конверте стояла какая-нибудь закорючка либо просто незатейливо было выведено корявым почерком — «город Киев». Кроме того, за 50 лет территория правительственных дач неказушно изменилась, исследователи не смогли даже точно определить место дачи Постышева. Официальные власти практически не помогли никакими документами. Ученым не передали ни планы застройки, ни схемы подземных коммуникаций; археологи испытывали постоянные трудности при получении пропусков на территорию дач.

В 1990 году, как водится в таких случаях, создали правительственную комиссию по изучению межигорской версии. Как и следовало ожидать, эта представительная комиссия никакой помощи археологам не оказала, а позднее и вообще самораспустилась. Сейчас в правительстве на поиск библиотеки Ярослава смотрят как на поиски мифического клада гетмана Полуботка, следовательно, нет поддержки научным изысканиям, нет денег. Несмотря ни на что Харламов, однако, не теряет надежды, оптимизма и считает:

— Следует продолжить поиск, так как есть все основания полагать, что он закончится успешно — библиотека Ярослава Мудрого в Межигорье будет найдена.

ФАНТОМЫ И ПРИЗРАКИ

Рассказ о поисках книжного клада, особенно в наше время, был бы неполон без экстрасенсов. Где загадка, туда они и слетаются.

Группа московских подвижников-экстрасенсов постигла (по их же словам) все тайны выхода из физической тела человека его энергетической субстанции. А поскольку в Москве ищут столь же таинственную библиотеку Ивана Грозного, то они приложили свои силы. Отважные экспериментаторы послали своих «фантомов-двойников» в гости к самому Ивану Грозному. Прибыли те к царю целой группой, в строго заданное ими же время — 10 июня 1570 года в 7 часов утра. Если бы путешественники во времени потрудились заглянуть в школьный учебник по российской истории, то они увидели бы, что выбрали не самое удачное время для визита — шла ужасная эпоха мучительства и казней на Руси. Тем не менее венценосный убийца, славившийся крутым и вздорным нравом, не приказал отрубить голову фантомам, потревожившим его в столь ранний час. Может быть, по причине их бестелесности. Хлебосольный государь был настолько любезен, что показал незваным гостям коллекцию своих сокровищ и библиотеку. Указать точное местоположение книг на карте царь наотрез отказался, а сами экскурсанты в подземельях ориентировались слабо — уж больно темно там было! Посмотреть на это место сверху фантомистам царь также не позволил. Будь они чуточку сообразительнее, то наверняка поняли бы, что это ничего не даст, так как за последние четыре столетия Москва, мягко говоря, несколько изменила свой внешний облик, и сейчас ее не узнал бы даже сам царь Иоанн. Благодаря экспериментаторам с собственными душами мы имели счастье узнать, что до находки библиотеки Грозного осталось всего... 400 лет! Оказывается, она была заколдована ровно на 800 лет, и половина этого срока уже прошла.

Не сидели сложа руки и киевские собраты-единомышленники московских фантомистов. Аналогичные поиски библиотеки Ярослава в Киеве провели лозоходцы-рамочники. Злые языки утверждают, что лозоходцы были известны издавна, только раньше они искали при помощи виноградной ветки-лозы подземные воды. Официальная церковь всегда запрещала подобные опыты, а лозоходцев объявляла прямыми пособниками дьявола.

Сейчас вместо лозы используют легкую проволочную рамку, а вместо воды ищут сокровища. Другие времена — иные нравы! Меркантильный наш век — все хотят быстрой славы и денег... Экстрасенсы-рамочники уверяют, что могут работать не только на местности, но и не выходя из собственного дома, по географической карте. Используя взаимодействие биополя оператора-рамочника и энергетических полей замурованных подземелий, киевские экстрасенсы составили занятную карту. На ней нанесены неизвестные пещеры Киево-Печерской лавры с скрытыми в них несметными сокровищами и самой библиотекой Ярослава, которую не дано увидеть глазами простых смертных...

Что же касается кропотливых поисков на научной основе — они продолжаютс.

Киев

Грум-Лейк, или Снова "АНГАР-18"

...Это одно из самых негостеприимных мест на земле, подходящее разве что для того, чтобы навсегда укрыть от любопытных глаз что-то сверхсекретное и таинственное. Здесь, в самом засушливом уголке пустыни Невада, в небе то и дело появляются НЛО (или же вполне земные объекты неведомой конструкции?), а незадачливых путешественников, Бог весть, каким образом забредавших далеко в пустыню, неожиданно останавливают вооруженные патрули на белых джипах «чироки». Это суровое, гиблое место называется Грум-Лейк, и расположено оно в 120 милях к северо-западу от Лас-Вегаса. Там, между горных цепей Фридом-ридж, укрылась секретная авиабаза. На правительственных схемах район строго обозначен как «Зона-51», а на топографических картах он и вовсе не значится. Из Лас-Вегаса в Грум-Лейк раз в неделю летает «боинг-737», но не от обычных терминалов, предназначенных для гражданских лиц, а от закрытых, что в дальнем углу аэропорта Маккарена, находящихся под неусыпным контролем агентов корпорации ЭД и Г¹). Эти самолеты окрашены в белый цвет и имеют красную полосу на фюзеляже. Судя по их вместимости, на базе работают от полутора до двух с половиной тысяч человек. Туда же отправляются транспортные «гэлакси» и «геркулесы С-130». Что они перевозят — неизвестно.

Официально авиабаза Грум-Лейк не существует уже сорок лет!

...Она была создана в 1954 году, когда ЦРУ заключило с компанией «Локхид» соглашение на постройку самолета-шпиона, который должен был побить тогдашний рекорд высоты. Именно там родился Ф-104, а

¹ ЭД и Г — американская корпорация «Эджер-тон, Джермесхаузен энд Грир», занимающаяся разработками в области ракетно-космической техники и технологии. (Прим. ред.)

На снимках из журнала «UFO magazine»: официально не существующая военно-воздушная база Грум-Лейк в Неваде. В одном из ее ангаров, возможно, хранятся обломки НЛО и останки гуманоидов, разбившихся летом 1947 года в штате Нью-Мексико.

Вверху (слева—направо):

1. Топливное хранилище.
2. 18-километровый асфальтированный подъездной путь.
3. Ангары.

на его основе был создан знаменитый У-2. А потом база как бы перестала существовать. Но почему?

У уфологов есть свой интерес к Дримленду — Царству мечты, как еще иронически называют эту местность...

В сентябре 94-го в Грум-Лейке пять дней работала хорошо оснащенная швейцарская киносъемочная группа. Все это время исследователи находились под неусыпным надзором «пихонов» (местное прозвище агентов спецслужб) — те регулярно навещали их к ним на джипах. Но, благодаря помощи Глена Кэмпбелла, местного активиста компании по рассекретиванию базы, который раньше работал программистом в Рейчеле, им удалось попасть в окрестности этого поселка. Группа провела там два дня. Никаких НЛО кинооператоры не видели, однако заметили, что на базе прекращаются любые работы, как только кто-либо подозрительный подходит к секретным постройкам. Но снимать отсюда не удалось. И Кэмпбелл предложил другой вариант — он отвез исследователей на гору Тикабу, расположенную в сорока милях от базы. Там не оказалось никаких белых джипов и открывался прекрасный вид на весь Грум-Лейк. На территории базы стоял огромный ангар — не исключено, что тот самый, 18-й, — его можно было разглядеть невооруженным глазом. Поблизости — никаких транспортных средств, кроме одного или двух автобусов.

Затем группа на неделю уехала в штаты Юта и Аризона, а когда вернулась, журналисты увидели на бетонной площадке три «боинга-737». Едва начали снимать, разразилась страшная гроза, и работа прекратилась: операторы всерьез опасались, что в них ударит молния.

На этот раз исследователям не удалось подтвердить давние слухи о том, что именно на этой базе хранятся обломки таинственного аппарата — и останки его коман-

4. Экспериментальный радиолокационный комплекс «Стилт».
5. Испытательная площадка РЛС обнаружения воздушных целей.
6. Главное защитное сооружение.
7. Дорога, ведущая к ядерному испытательному полигону.
8. Северная оконечность подъездного пути.

Внизу (слева—направо):

1. Главный ангар, оборудованный портальными кранами для сборки и разборки самолетов-шпионов класса «Ав-

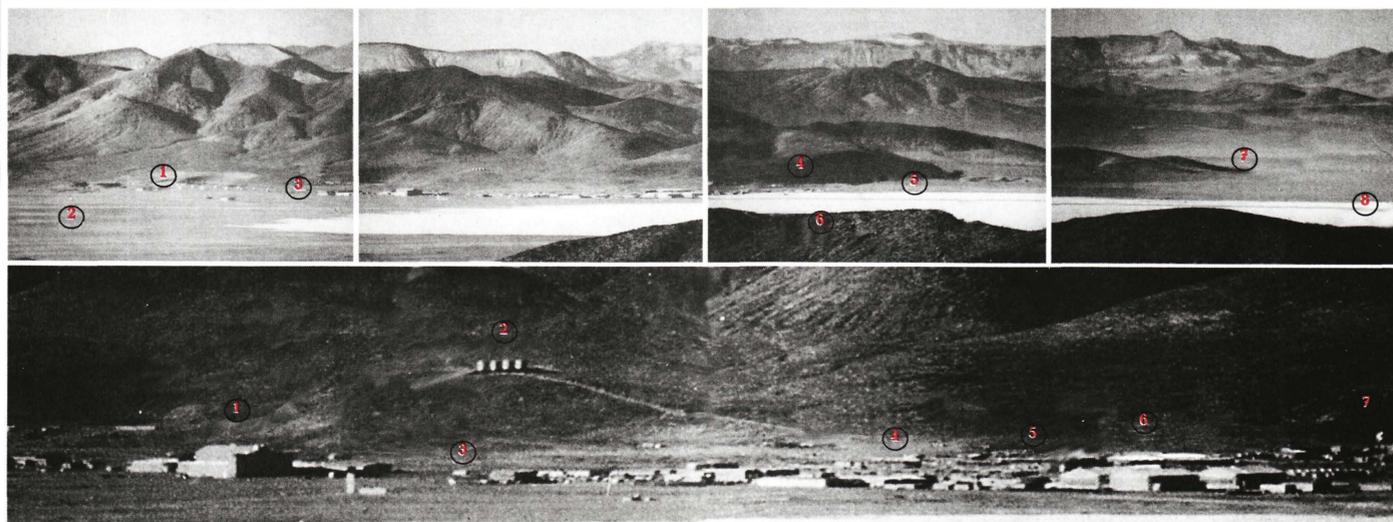

Момент вскрытия тела гуманоида. Так это могло быть на самом деле. Кадр из фильма «Розуэлл».

ды, — потерпевшего крушение в июле 1947 года под Розуэллом, штат Нью-Мексико. Между тем интерес к этой теме не угасает. Одно из доказательств тому — новый фильм «Розуэлл» Мартина Шина, вышедший на экраны через полтора десятка лет после нашумевшего «Ангара-18» и основанный на материалах подлинного расследования. В фильме Шина речь идет о якобы уцелевших фрагментах пленки, на которой запечатлены место аварии и тела гуманоидов, подвергшиеся вскрытию. Сотрудники журнала «UFO magazine» высказываются в пользу того, что стоминутный фильм о катастрофе в Розуэлле действительно существует, и показ его зависит от того, как договорятся между собой телекорпорации разных стран, желающие заполучить уникальную пленку. Вполне вероятно, что президент Гарри Трумэн знал о находке в Розуэлле. И даже собственными глазами видел обломки НЛО, упавшего в штате Нью-Мексико...

Н.НИКОЛАЕВ

- рора».
2. Резервуары для хранения жидкого криогенного и метано-водородного топлива.
3. Место стоянки «локхидов» и челночных «боингов-737».
4. Новый командно-диспетчерский пункт и центр управления воздушными операциями.
5. Основные жилые постройки.
6. Ангар для самолетов, входящих в состав эскадрильи «Ред-хэтс».
7. Водонапорная башня.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШЬ И НА МОРѢ. 1895 г.

Укрепленный аул на Кавказе

В те времена, когда на Кавказе еще гремели войны, аулы представляли собою более или менее сильные укрепления, расположенные на недоступных крутизнах. В некоторых местностях Кавказских гор аулы прямо состояли из нескольких каменных башен, высотой до

Укрѣпленный аулъ на Кавказѣ.

25 метров, живописно разбросанных по крутизнам. Таков, например, Таргимский аул, изображенный на предлагаемом рисунке. Теперь укрепления не нужны, и в башнях не живут, а прилаживают к ним простые сакли, группируя их около башен.

В настоящее время в Тифлисе находятся два интересных путешественника: **Густав Кегель** и **Генрих Ступп**, решившиеся “прогуляться” вокруг света пешком. Первый из них — купец из Сан-Франциско. Он вышел из этого города 10 июня 1894 года вместе с **Фредом Тернером**. Оба они предприняли смелое путешествие вокруг света на пари, сумма которого определена в 80 000 франков, причем они со своей стороны внесли в виде залога по 15 тысяч франков, так что в случае успешного выполнения своей задачи должны получить 50 000 франков. На

дорогу они не взяли ни копейки денег. Багаж у них самый незначительный. Расстояние, которое они должны пройти, определено в 25 000 километров. Срок путешествия ровно два года. При отсутствии сухопутного сообщения, им разрешается пользоваться водными путями. Переплыв океан, **Кегель** и **Тернер** побывали в Англии, Португалии, Испании, Франции, Швейцарии, Германии. Здесь, именно в Мюнхене, к ним присоединился молодой студент **Генрих Ступп**, член кельнского пеше-

КРУГОСВЕТНЫЕ ПЕШЕХОДЫ

ходного клуба “Fortuna”. Затем они прошли в Австрию, отсюда на Балканский полуостров. К сожалению, **Тернер** сильно заболел в дороге и принужден был остаться в Букуреште. **Кегель** и **Ступп** продолжали вдвоем путешествие и дошли до Константинополя, откуда на пароходе компании “Ллойд” доехали до Трапезунда. Пароход, оказывается, простоял у Трапезунда пять дней. Доехав затем до Батума, они пешком пришли оттуда в Тифлис. Отсюда они отправля-

собою редкое собрание автографов: здесь есть много известных и высокопоставленных лиц, даже коронованных особ. Оба путешественника — молодые люди: **Кегелю** — 30 лет, **Ступпу** — 19. Они совершенно здоровы и бодры на вид и надеются выиграть пари. Средства в жизни во время путешествия они добывают собственным трудом: чтением лекций, продажей исполненных ими фотографических снимков и проч.

ются в Баку, откуда на пароходе доедут до Узун-ада, дальше пройдут в Бухару, оттуда через Гинду-Куш в Кабул, в Калькутту, в Гон-Конг, затем через Японию в Сан-Франциско. **Г. Ступп** будет продолжать путь до Мюнхена. Он вышел из этого города 31 июля настоящего года и должен вернуться обратно через 20 месяцев с того дня. Путешественники эти ведут путевой журнал. У каждого из них есть записная книжка, в которой разными лицами, и на всевозможных языках сделаны надписи, главным образом — пожелания успешного окончания путешествия. Эти книжки представляют

Мои 7-20

Законы Соединенных Штатов обеспечивают индейцам, живущим в резервациях по обычаям племени, соблюдение этих обычаев. Так, если шаман племени пауни для изготовления традиционных лекарств должен разводить костерок на крыше склада боеприпасов ВМС США, то это проблема не его, а начальника склада. Надо было знать, где строить. На общеиндейском «поувоу» — празднике — следует быть в национальной одежде. А она у индейцев обязательно украшена орлиными перьями. Этак можно всех орлов в Штатах извести! Поэтому было достигнуто взаимопонимание между службой охраны природы и представителями индейских племен: они подают ежегодно список лиц, нуждающихся в орлиных перьях для пошива новой национальной одежды. Согласно списку, определяется количество обреченных птиц. Получив лицензию, можете идти стрелять и делать себе головной убор, а также шить штаны и рубашку.

И ни птиц больше.

Фото из журнала «National geographic»